

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск VIII

Санкт-Петербург
2016

УДК 355.49
ББК 68.54
Е47

Составитель
Составители

*М.Е. Малевинская, кандидат исторических наук;
Ю.Т. Вартамян*

Научный редактор
доктор исторических наук *В.Г. Смирнов*

Е47 **Елагинские чтения** / Федеральное архивное агентство;
РГАВМФ. – Вып. VIII. – СПб.: 2016. – 152 с.: ил.

Восьмые Елагинские чтения, проходившие в 2016 году, были посвящены теме «Флот в Первой мировой войне».

Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся историей российского военно-морского флота.

УДК 355.49
ББК 68.54

© Российский государственный архив
Военно-Морского Флота, 2016
© Авторы, 2016

Предисловие научного редактора

29 января 2016 г. в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ) прошла очередная научная конференция – 8-е Елагинские чтения. Они были посвящены участию военных моряков России в Первой мировой войне (1914 – 1918), поскольку время проведения конференции совпало со 100-летним юбилеем этой «битвы народов». Отрадно, что в 8-х Елагинских чтениях приняли участие не только ученые и исследователи из Санкт-Петербурга, специалисты РГАВМФ, но и военно-морские историки из Москвы и Калининграда. Доклады, представленные на конференции, и публикуются в настоящем сборнике.

В первом из них, который сделала заместитель директора РГАВМФ кандидат исторических наук М.Е. Малевинская, освещен вклад архива в изучение вопросов истории Первой мировой войны. Автором доклада была представлена впечатляющая картина достижений сотрудников РГАВМФ нескольких поколений в сфере публикаций, участия в научных конференциях и выставках по проблемам Первой мировой войны.

С интересным докладом о новых материалах по истории «Великой войны» (так называли Первую мировую войну ее современники) из собрания Общества офицеров Российского императорского флота в Америке, поступивших ранее в РГАВМФ, выступил ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата кандидат исторических наук П.Ю. Мажара. Ценность его выступления заключалась, в частности, в том, что он лично участвовал в научном описании этих материалов, а значит, «пропустил их через себя».

Известный военно-морской историк, автор ряда трудов по истории Первой мировой войны, заместитель начальника НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации кандидат исторических наук капитан 1 ранга Д.Ю. Козлов (г. Москва) в своем выступлении произвел фундаментальный анализ задач, форм применения и

достигнутых результатов Российским флотом в Первой мировой войне.

Доклад старшего научного сотрудника Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации кандидата исторических наук С.Е. Виноградова (г. Москва) был посвящен организации линейных сил Черного моря в период Первой мировой войны. В свою очередь, корреспондент газеты «Страж Балтики» С.А. Гуров (г. Калининград) сообщил о надводных кораблях и подводных лодках Балтийского флота, отличившихся в годы «Великой войны».

Соискатель степени кандидата исторических наук при Санкт-Петербургском государственном Морском техническом университете москвич А.Д. Федечкин подробно рассмотрел участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях 1914–1915 гг., а ведущий специалист РГАВМФ В.П. Ципленкин осветил участие морских сил России в боевых действиях на Нижнем Дунае в 1916–1917 гг.

В ходе Первой мировой войны Российская армия заняла часть черноморского побережья Османской империи, и потому главный специалист РГАВМФ кандидат исторических наук О.Н. Кондакова посвятила свое выступление обустройству портов восточной части Черного моря и деятельности Трапезундского порта в 1916–1917 гг.

Весьма любопытен доклад заместителя начальника отдела научно-справочного аппарата РГАВМФ О.А. Зотовой, которая трагические события осени 1916 г. – гибель на Севастопольском рейде линейного корабля «Императрица Мария» – рассмотрела «сквозь призму» рапортов врачей, оказывавших первую медицинскую помощь пострадавшим при взрыве.

Несколько участников чтений выступили с биографическими сообщениями. Так, например, известный исследователь жизни и деятельности адмирала А.И. Непенина, капитан 2 ранга в отставке В.Н. Фотуньянц (Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова) в своем докладе подробно осветил годы службы своего героя в Морской крепости Петра Великого. Один из потомков рода Головниных директор ООО «Ассоциация «Русско-японский центр по науке и культуре» неутомимый исследователь П.А. Головнин сообщил об участии в Первой мировой войне дворян Головниных и Вердеревских.

Наконец, начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов РГАВМФ кандидат исторических

наук А.Ю. Емелин завершил чтения, сделав интересный доклад «К истории Георгиевской думы и Георгиевского оружия флота Балтийского моря 1914 – 1917 гг.».

Несомненно, опубликованные в настоящем сборнике доклады вносят заметный вклад в историю изучения героических и трагических событий Первой мировой войны, так как в основу большей их части положены уникальные материалы РГАВМФ. Таким образом, сотрудники архива и другие исследователи – участники 8-х Елагинских чтений – отдали дань памяти военным морякам России, защищавшим родину в «годину суровых испытаний» – в годы Первой мировой войны.

Следующие, 9-е Елагинские чтения, планируется провести 26 января 2018 г. Их тема «Российский флот на рубеже эпох: от Императорского к Рабоче-Крестьянскому Красному» связана со 100-летним юбилеем Великой Русской Революции 1917 г. Мы надеемся, что предстоящая научная конференция привлечет внимание не только профессиональных историков Российского флота, но и людей, увлеченных изучением богатой событиями военно-морской истории Отечества.

*В.Г. Смирнов,
директор РГАВМФ,
доктор исторических наук*

М.Е. Малевинская

Вклад РГАВМФ в изучение вопросов истории Первой мировой войны

28 января 2016 года Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ) отметил 292 день рождения. За своё почти 300-летнее существование архив прошел через несколько преобразований, в том числе сменил статус ведомственного на государственный. В настоящее время в РГАВМФ сосредоточен комплекс документов военно-морского флота России со времени его создания в конце XVII века до 1940 года включительно, но, благодаря приёму на хранение личных фондов, хронологические рамки материалов несколько расширились и в фондах появились документы, отражающие события последней четверти XX века. По количеству дел РГАВМФ не является лидером среди федеральных архивов страны, его фонды насчитывают чуть более 1,2 млн. единиц хранения.

Сегодняшнее выступление посвящено документальным материалам архива, содержащим сведения о событиях Первой мировой войны. Документы, повествующие о них, рассредоточены в различных фондах архива. Прежде всего следует упомянуть фонды центральных учреждений: 410 «Канцелярия Морского министерства», 417 «Главный морской штаб», 418 «Морской Генеральный штаб», 716 «Морской штаб Верховного главнокомандующего (ставка)», в которых представлены материалы о развертывании флота в период войны 1914 – 1918 гг. и военных действиях на всех морских театрах, а также подготовке России к войне на море, разработке мобилизационных и оперативных планов.

Журналы боевых действий, оперативные и разведывательные сводки, приказы, материалы о боевых действиях, рапорты о сухопутной обороне побережья Рижского залива, строительстве оборонительных сооружений, формировании и перемещении частей и гарнизонов морских крепостей, Моонзундской операции, а также сведения о войсках противника отложились в большом коли-

честве фондов Балтийского флота, в их числе 479 «Штаб командующего флотом Балтийского моря», 353 «Штаб сухопутных войск, подчиненных командующему флотом Балтийского моря», 1376 «Командующий Морскими силами Рижского залива», 1140 «Штаб командующего транспортной флотилией Балтийского моря», 478 «Штаб начальника эскадры Балтийского моря», 481 «Штаб начальника минной дивизии Балтийского моря», 507 «Штаб начальника дивизии подводных лодок Балтийского моря», 731 «Дивизия траления Балтийского моря», 746 «Дела и документы штаб-офицера флота, состоящего при штабе 12 армии и начальника Рижского укрепленного района для связи с флотом капитана 2 ранга Б.Ф. Шидловского», 941 «Штаб Моонзундской укрепленной позиции», а также в ряде других фондов, в том числе отдельных кораблей и соединений.

Боевая деятельность флота на Черноморском театре нашла отражение в документах и материалах фондов 609 «Штаб командующего флотом Черного моря», 579 «Штаб командующего транспортной флотилией Черноморского флота», 651 «Штаб командующего бригадой крейсеров Черноморского флота», 696 «Штаб начальника дивизии линейных кораблей Черноморского флота», 1259 «Штаб начальника отряда судов особого назначения Черного моря», 1328 «Крымский отдел охраны побережья Черного моря». Отчеты и записки о подготовке и проведении десантных операций сохранились в фонде 707 «Штаб начальника высадки Черного моря».

Помимо уже упомянутых Балтийского и Черноморского театров события Первой мировой войны разворачивались и на других театрах, в частности на севере. Материалы о действиях немецких подводных лодок, об организации охраны судов, взаимодействиях с английскими союзниками отложились в фонде 320 «Начальник Кольского района и отряда судов Кольского залива», о формировании флотилии, укреплении обороноспособности побережья, плавании и гибели судов, действиях противника в фонде 378 «Флотилия Северного Ледовитого океана».

Несколько фондов содержат информацию о действиях флота на Дунае: 715 «Штаб начальника речных сил на р. Дунае» – это дневник военных действий, разведывательные, оперативные сводки и донесения; 444 «Русский представитель при румынской главной квартире капитан 2 ранга Яковлев» – материалы о действиях Дунайской речной флотилии в обороне реки.

И конечно же при изучении событий Первой мировой войны

нельзя оставить без внимания фонд 315 «Материалы по истории русского флота (коллекция)» и личные фонды «Альтфатер Василий Михайлович, контр-адмирал», «Колчак Александр Васильевич, адмирал», «Эссен Николай Оттович, адмирал, командующий флотом Балтийского моря», «Русин Александр Иванович, адмирал».

Кроме вышеперечисленных фондов всем, кто занимается изучением истории Первой мировой войны будет интересен фонд р-29 «Морская историческая комиссия при историческом отделе Оперативного управления штаба Рабоче-Крестьянского Красног Флота». Одной из главных задач этой структуры было изучение истории Первой мировой войны на море и всестороннее научное исследование ее опыта, выявление, систематизация, научная обработка материалов и подготовка монографий.

Военно-морская историческая комиссия для составления истории войны на море 1914 – 1918 гг. при Морской академии была создана в Петрограде в сентябре 1918 г., возглавил её начальник академии Н.Л. Кладо. Комиссия состояла из пяти отделов, бюро издательства и канцелярии. Подготовительный отдел должен был заниматься изучением вопроса подготовки морских сил к войне, политической обстановки перед войной; оперативный отдел исследовал военные действия по операциям и театрам в связи с общим ходом военных действий; технический отдел занимался вопросами развития и использования в боевой обстановке военно-морской техники; отдел военно-морского искусства изучал стратегию и тактику, организацию флота, его тыла и центральных учреждений; архивно-исторический отдел должен был снабжать все отделы комиссии необходимыми документами, обеспечивая их хранение и систематизацию; военно-сухопутный отдел исследовал совместные операции сухопутных войск, находившихся в распоряжении морского командования. В состав комиссии вошли многие боевые офицеры, имевшие личный опыт участия в изучаемых событиях. Но всего через два месяца в ноябре 1918 г. произошла первая реорганизация комиссии, т.к. задача, поставленная ей, перестала отвечать требованиям времени. Преобразование отразилось и в новом названии – Морская историческая комиссия по исследованию и использованию опыта Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. при Морской академии (Мориском). В ее составе трудилось 42 человека, в т.ч. научный персонал – 23, технический (картографы и архивисты) – 14, административный – 5. Среди научных работников были И.К. Григорович, В.К. Лукин,

А.В. Развозов, М.К. Бахирев, Е.Е. Шведе и др. Несколько изменилась и структура комиссии, ее важнейшей задачей стал сбор документов, так как именно это должно было обеспечить всю работу. Возглавлял это направление Н.В. Новиков. 14 февраля 1919 г. в помощь комиссии был создан Архивный отдел флота и морского ведомства, который подчинялся председателю Морискома. В задачу отдела входило собирание архивных материалов на судах флота и в учреждениях морского ведомства. Под влиянием духа времени в начале 1923 г. комиссия получила новое наименование – Военно-морская историческая комиссия по исследованию опыта мировой и гражданской войн. Предусматривалось, что к началу 1924 г. будет представлена законченная история войны 1914 – 1918 гг. на море. Но в это же время возникли вопросы по поводу принципов работы, что привело сразу к нескольким реорганизациям, отрицательно сказавшимся на всей работе. 15 июня 1923 г. комиссия была расформирована, но в это же время при Морской академии начал свою деятельность Морской отдел Военно-исторической комиссии, которому были переданы все научные разработки Морискома, собранные им архивные документы, а также несколько научных сотрудников. 14 июня 1923 г. начальником отдела был назначен В.П. Римский-Корсаков, сотрудниками отдела были также В.К. Лукин, Н.И. Паттон и др. Отдел должен был продолжить работу Морискома, но с назначением в августе 1923 г. его начальником бывшего комиссара СНиС Балтийского флота В.П. Автухова, произошло смещение акцентов в работе и на первое место было поставлено описание и изучение событий гражданской войны и революционного движения на флоте. 22 апреля 1924 г. существующий Морской отдел был трансформирован в Морскую историческую комиссию при Историческом отделе Оперативного управления штаба РККФ, но и эта комиссия постепенно потеряла свое значение, что привело к ее ликвидации в марте 1926 г. и передаче всех функций Историческому отделу штаба РККФ.

Главной заслугой Морискома стал сбор документальных материалов периода Первой мировой войны, ей удалось приобрести большое количество личных документов: дневников, мемуаров, записок, библиотек известных деятелей флота и ученых. Например, дневники И.И. Ренгартена, Е.Н. Квашнина-Самарина, архивы В.М. Альтфатера и Н.О. Эссена. Стараниями Морискома были частично возвращены из Финляндии материалы, оставшиеся там после ухода флота из Гельсингфорса. Результатом научной дея-

тельности Морискома стали более 100 трудов, общим объемом свыше 300 авторских листов. Сотрудники комиссии исследовали и описали действия флота и события Первой мировой войны и начальный период Гражданской. Написанные на основе подлинных архивных документов научные труды Морискома представляют большой интерес для военно-исторической науки и сегодня. Больше половины научных разработок Морискома составляют работы по вопросам организации оперативной деятельности, боевой и технической подготовки флота во время Первой мировой войны. Особенностью большинства работ является то, что каждая из них охватывает какую-либо одну сторону вопроса или небольшой период времени.

Фонд р-29 насчитывает сегодня более 500 единиц хранения, в том числе дневники флагманского историографа штаба Черноморского флота Е.Н. Квашнина-Самарина о ходе Первой мировой войны и И.И. Ренгартена о действиях флота на Балтийском театре; рукопись воспоминаний бывшего флаг-офицера командующего Черноморским флотом Р.Р. Левговда о службе на Черном море вместе с адмиралом А.В. Колчаком; работу Н.А. Данилова «Смешанная операция в Рижском заливе в июне-августе 1916 г.» в двух частях; списки судов Балтийского, Чёрного и Белого морей, погибших и получивших повреждения за время войны 1914-17 гг., а также работы П.В. Гельмерсена, А.М. Косинского, Е. Винтера, Н.И. Паттона об участии в боевых действиях Балтийского флота.

Несколько документальных материалов из этого фонда были архивом опубликованы: в 1998 г. отчет М.К. Бахирева о действиях Морских сил Рижского залива 29 сентября – 07 октября 1917 г. (изд-во «Цитадель»); в 2005 г. работа П.В. Лемишевского «Боевые действия на Балтике в годы Первой мировой войны» (изд-во «Петербургский институт печати»), в которой освещены драматические события российской истории лета 1915 года, когда возникла реальная угроза прорыва германских военных кораблей в восточную часть Финского залива. Главными стратегическими задачами русского флота стали обеспечение безопасности Петрограда с моря и содействие флангу армии, оборонявшей Ригу. Автор был непосредственным участником событий. Эта работа П.В. Лемишевского дополнена фотографиями времен Первой мировой войны (свыше 100), хранящимися в РГАВМФ. В 2008 г. были изданы «Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914-1918 гг.» В.К. Лукина часть 1 (изд-во «Петроний»), в которых описываются события со времени нападения

германо-турецкого флота на русские порты Черного моря в октябре 1914 г. до заключения военного союза между Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией осенью 1915 г. В 2012 г. увидела свет 2 часть этой работы (изд-во «Остров»), в которой рассказано о боевых действиях на Чёрном море со времени вступления в войну Болгарии в октябре 1915 г. и до падения монархии в России в феврале 1917 г. Текст «Заметок» содержит личные наблюдения В.К. Лукина – кадрового морского офицера, прошедшего путь в Российском императорском флоте от мичмана до контр-адмирала. Фактический материал также дополняет большое количество фотографий 1910 – 1918 гг., преимущественно из фондов РГАВМФ.

Помимо перечисленных работ были опубликованы хранящиеся в фондах архива воспоминания В.А. Белли «В Российском императорском флоте» (изд-во «Петербургский институт печати», 2005) и А.П. Белоброва «Воспоминания военного моряка 1894 – 1979» (изд-во «Индрик», 2008), отдельные главы которых посвящены событиям Первой мировой войны, а также «Записки подводника» В. Меркушова (изд-во «Согласие», 2004).

В последние несколько лет архив неоднократно обращался к теме Первой мировой войны, что нашло свое отражение в различных формах использования документальных материалов из фондов РГАВМФ. Так, например, в 2013 году были подготовлены два тематических комплекта копий документов для Историко-художественного краеведческого музея в г. Калининграде – «Балтийский флот накануне и в годы Первой мировой войны» и «Россия и Франция в годы Первой мировой войны», которые были представлены музеем на передвижных выставках; в этом же городе проходила конференция, на которой представитель архива выступил с докладом «Балтийский флот в Первой мировой войне». Наиболее плодотворным для нас стал 2014 год: мы представили свои документы и копии документов на выставках в Выставочном зале федеральных государственных архивов в Санкт-Петербурге «Ныне Господь нам послал испытание... К 100-летию начала Первой мировой войны»; «Взгляни в глаза войны. Россия в Первой мировой войне в кинохронике, фотографиях, документах», которая была развернута в выставочном зале «Новый Манеж» и на небольшой выставке в музейно-парковом комплексе «Северное Тушино» в Москве. В рамках выставки в «Новом Манеже» состоялась презентация двухтомного альбома «Фотолетопись Великой войны», в морском разделе которого широко использовались фотоматери-

алы из наших фондов. В конце 2014 года из печати вышла книга «Они защищали Россию. К 100-летию начала Первой мировой войны. Фотографии и документы», которая была подготовлена совместно с Российским государственным военно-историческим архивом.

Помимо этого было подготовлено несколько радио- и телепередач, в их числе «Черноморский флот в Первой мировой войне» для радиостанции «Зенит», «Адмирал Н.О. Эссен и минные постановки Балтийского флота в начале Первой мировой войны» для программы «Вести» ВГТРК, «Гибель подводной лодки «Акула» в ноябре 1915 г.» для телеканала «Звезда» и «Забытый бой у мыса Сарыч» для телеканала «Культура».

Сегодняшние чтения также можно считать вкладом архива в изучение исторических событий периода Первой мировой войны, так как все доклады в основе имеют документы из фондов РГАВМФ, и хочется надеется, что они найдут отклик у присутствующих и послужат пробуждению интереса к этой теме и дальнейшей разработке огромного документального наследия, имеющего отношение к событиям Первой мировой войны на различных морских театрах.

П.Ю. Мажара

Новые материалы по истории Первой мировой войны в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке

11 мая 1923 г. в Нью-Йорке (США), состоялось собрание русских эмигрантов – морских офицеров, на котором было учреждено «Общество бывших русских морских офицеров в Америке». Председателем правления Общества был выбран капитан 1 ранга М.А. Китицын, секретарем – старший лейтенант Н.Р. Вирен. Правление общества было выборным, ротация кадров в руководстве происходила в среднем раз в 1 – 2 года. В разное время должность председателя занимали Н.Р. Вирен, С.В. Гладкий, Ю.К. Дворжицкий, А.Н. Заев, Н.Н. Крыжановский, П.Е. Стогов, А.М. Чернушевич, М.Н. Яненко. Общество занималось оказанием помощи офицерам Российского Императорского флота и белогвардейских военно-морских формирований, членам их семей, иногда – русским эмигрантам вообще; а также издательской и просветительской деятельностью. В 1943 г. при обществе была учреждена историческая комиссия во главе со старшим лейтенантом С.В. Гладким, таким образом началось формирование собственного архива общества, который долгое время хранился в частной квартире С.В. Гладкого. В 1963 г. был заключен договор о перевозке и устройстве музея, архива и библиотеки Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке (название общества с 1953 г.) в помещениях музея общества «Родина» в Лейквуде (штат Нью-Джерси) – другой эмигрантской культурно-просветительской и благотворительной организации. 12 ноября 1967 г. состоялось торжественное открытие нового здания объединенного «Национально-исторического музея» в Лейквуде.

В 1990-е гг. начался процесс передачи коллекций, собранных в музее общества «Родина», в Россию. К сожалению, сохранить при этом единство сложившейся архивной, библиотечной и му-

зейной коллекций не удалось. Собранные воедино в Нью-Джерси русскими эмигрантами материалы приходили в Россию самыми разнообразными путями. В результате некогда единое собрание оказалось рассыпано по нескольким учреждениям культуры. Помимо нашего архива это и Центральный музей вооруженных сил, и Центральный военно-морской музей, и Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, и Центральная военно-морская библиотека, и Российский фонд культуры. В наш архив материалы поступали двумя путями: часть была получена через Н.П. Рождественскую, часть была передана Российским фондом культуры. Значительная часть материалов, переданная в архив в 1999 – 2004 гг., была описана П.В. Петровым и составила опись № 1 фонда р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» (190 единиц хранения). Среди этих архивных документов есть и относящиеся к периоду Первой мировой войны (материалы о действиях команды посыльного судна «Бакан» в первые дни войны; собранные Г.К. Графом материалы по Моонзундской сухопутной оборонительной операции 1917 г.; копии приказов по Свеаборгскому порту предреволюционного и революционного времени; документы о закупке гидросамолетов в США и др.). Большая часть материалов, переданных позднее (в 2005 г.) через посредничество Федерального архивного агентства (Росархив), долгое время не могла быть подвергнута научному описанию в связи с проведением в РГАВМФ работ по переезду в новое здание на Серебристом бульваре. В настоящее время заканчивается работа по описанию этих новых для российского исследователя материалов, составлена опись № 2 к фонду р-2246 на 498 единиц хранения.

Для эмигрантов было важно сформировать свою собственную историческую традицию, сохранив свою национальную и культурную идентичность через соби́рание свидетельств об историческом прошлом России, о тех событиях её истории, очевидцами и участниками которых довелось стать им самим. В контексте этой исторической традиции Первая мировая война представляла не «империалистической бойней», а Великой войной, в которой русский солдат сражался с достоинством. Среди материалов, собранных Обществом офицеров Российского Императорского флота в Америке и переданных в РГАВМФ в 2005 г., – воспоминания старшего лейтенанта М.О. Кубе «На голубом Дунае» о событиях Первой мировой войны; материалы из личного архива капитана 1 ранга Д.И. Дарагана о ситуации на судах Балтийского флота,

дислоцированных в Гельсингфорсе в 1917 г. В коллекции Общества сохранилось много отпечатков фотографии кораблей Российского Императорского флота, принимавших участие в Первой мировой войне.

Старший лейтенант Максимилиан Оскарович фон Кубе (1885 – 1955)¹ в эмиграции много занимался историей флота. Так, в 1930-е гг. он был редактором «Записок военно-морского исторического кружка имени адмирала Колчака». В составе поступивших к нам материалов сохранилось большое количество рукописей художественных произведений, докладов и статей по истории военно-морского флота, личных воспоминаний М.О. Кубе. В годы Первой мировой войны он в звании лейтенанта служил на Дунайской речной флотилии. О своей службе он оставил мемуары «На голубом Дунае», рукопись которых объёмом в 253 листа сохранилась в составе поступившей в наш архив части коллекции. Мемуары эти не публиковались, хотя рукопись их была известна в эмиграции, и упоминания о ней встречаются в биографических справочниках о русских моряках-эмигрантах и участниках Белого движения². Воспоминания Кубе охватывают 1916 г., повествование доходит до апреля 1917 г., когда автор покинул «голубой Дунай».

В годы Первой мировой войны М.О. Кубе вел дневники, но к моменту создания им мемуаров во второй половине 1940-х гг. они были утрачены³, поэтому автору приходилось полагаться на собственную память. Кубе всю свою жизнь тяготел к литературному творчеству, оставив после себя немало художественных произведений⁴. Сила творческой фантазии, несомненно, влияла на создаваемое им на страницах мемуаров повествование и преобразовывала его личные воспоминания в текст, обладающий несомненными художественными достоинствами, но не документальной точностью. Активно использовался автором прием прямой речи, герои его повествования ведут многочисленные диалоги. Все это свидетельствует о большой роли домысливания при создании мемуаристом художественных образов в тексте. Вместе с тем следует отметить, что воспоминания создавались в первую очередь для себя и для людей, близких автору по духу и образу мыслей, в этом смысле им присущи черты искренности и стремление воссоздать «историческую правду» в том виде, в каком она понималась автором.

Следует отметить, что автор не ставил перед собой задачи реконструировать общий ход боевых действий на Нижнем Дунае в

1916 – 1917 гг. По его собственным словам, «эти обрывки воспоминаний – ни что иное, как личные переживания рядового (тогда ещё молодого) офицера – одного из бесчисленных мелких колесиков громадной машины <...> они никак не претендуют на высокое звание «исторических материалов».⁵ По сути дела, мемуары представляют собой пестрый калейдоскоп сцен из жизни русских военных моряков на Дунае в годы Первой мировой войны. Из-под пера Кубе вышла целая серия ярких портретов его сослуживцев – капитана 2 ранга⁶ В.Г. Юрьева (Энгельмана), капитана 2 ранга В.И. Медведева, капитана 1 ранга Г.Г. Хоматьяно и др.

В воспоминаниях можно найти сведения об адмирале Александре Васильевиче Колчаке, в 1916 – 1917 гг. – командующем Черноморским флотом. Кубе описывал сцену приезда в 1916 г. командующего в Сулин (совр. Сулина) в дельте Дуная, где располагался на тот момент штаб командования на Дунае, с целью наведения там порядка⁷. Со страниц мемуаров перед нами предстаёт жесткий и требовательный начальник, при этом, с точки зрения мемуариста, недостаточно внимательный к деталям и чересчур поспешный в выводах: «В гостиную не входит, а влетает Колчак. Три, четыре, пять раз он молча проходит перед нашим фронтом [имеются в виду штабной офицерский состав]. Затем резкий поворот к нам... «Я не знаю, каким словом определить ваше отношение к своим обязанностям... Небрежность, нерадение – все это слишком слабо! Вам было дано все для создания обороны, а что Вы сделали..? Ничего! В решительный момент, когда потребовалось участие в бою батареи, она молчала, потому что Вы не удосужились за все время установить ее! <...> А теперь я слышу, что Вы собираетесь обратно в Севастополь... захотелось погулять на Приморском бульваре..? Так знайте! Никто из вас не уедет отсюда... А если я услышу, что кто-либо из Вас будет пытаться как-нибудь, через чинов моего штаба, «устроиться» – тому я обещаю предание полевому суду.»⁸

Конечно, в приведенном тексте мемуаров явно сказывается застарелая обида на бывшего начальника, но при этом Кубе отмечает, что за распекаемых Колчаком офицеров вступился контр-адмирал Д.В. Ненюков, начальник Обороны устьев Дуная.

Интересно описание событий февраля – марта 1917 г. – точнее, реакции офицерского корпуса на происходившие события в Петрограде. Следует отметить при этом, что участник Белого движения Кубе спустя 30 лет после описываемых им событий расценивал всё происходившее в 1917 г. сугубо негативно. Это отноше-

ние, возможно, создало в мемуарах эффект экстраполяции собственных представлений на всю офицерскую корпорацию в целом. По мемуарам, офицеры на Дунае восприняли всё происходившее следующим образом: «... никому не хочется говорить... Никто не ощущает никаких восторгов перед «зарей свободы» и прочими трескучими шаблонами революционной фразеологии... В душе звучит похоронный звон... Россия умерла...»⁹. Но едва ли могут вызвать сомнения свидетельства о крайне негативном восприятии офицерами новых форм самоорганизации рядового состава – формирования гарнизонного совета; знаменитого приказа Петровского № 1 и, в конечном счете, – развала старых армии и флота.

С точки зрения характеристики отношений между офицерством и солдатством, интересна описанная М.О. Кубе история с офицером Доставаловым¹⁰. Последний публично жестоко избил писаря за неуважительные отзывы об офицерстве. Не выдержав унижений, жертва избиения застрелилась. Гарнизонный совет потребовал разбирательства и привлечения Доставалова к ответственности за побои и доведение до самоубийства. Но офицерская корпорация встала на защиту своего члена и не позволила довести дело до каких-либо разбирательств в отношении него. При этом, по утверждениям Кубе, Доставалов «как бы нарочно вызывал к себе внимание, выезжая верхом на прогулку и т.п.» Кроме того, автор мемуаров замечает, что ему «до сих пор непонятно», что на Доставалова ни разу не было совершено покушения¹¹.

Для изучения губительных для российских вооруженных сил процессов того времени огромный интерес представляют отложившиеся в коллекции Общества офицеров Российского Императорского флота документы из личной коллекции капитана 1 ранга Дмитрия Иосифовича Дарагана (1884 – 1978)¹². В 1917 г. Д.И. Дараган, будучи ещё капитаном 2 ранга Российского императорского флота, командовал эскадренным миноносцем «Автроил» Балтийского флота. Материалы, которые были присланы проживавшим в Финляндии Дараганом в Америку, – это его приказы как командира эсминца «Автроил», резолюции собрания офицеров флота в Гельсингфорсе и пленума Центробалта о реорганизации системы управления флотом, переписка. Большая часть документов – копия, но есть и подлинники. Это полученные Д.И. Дараганом официальные письма из Балтийской учётной канцелярии и Центробалта.

Наблюдая разрушительные революционные явления на Балтийском флоте, Д.И. Дараган счел для себя невозможным продол-

жать военную службу. Однако его уход со службы не обошелся без возникновения конфликтных ситуаций. На первое заявление об увольнении без развернутых объяснений причин¹³ никакого ответа не последовало. Повторное заявление Д.И. Дараган подал 21 декабря 1917 г., в нём содержались жесткие и категоричные формулировки с оценкой текущей военно-политической обстановки: «Позор и предательство, нависшее над Родиной, и непонятное для меня отношение к этому демократических организаций и лиц, мнящих себя законной властью, заставляют меня, не ожидая ничего более, отстраниться от своей бывшей службы и сдать корабль следующему по старшинству офицеру»¹⁴. Резкие заявления, повторенные также в приказе Дарагана по эсминцу «Автроил» от 22 декабря 1917 г., вызвали гнев и недовольство в Центробалте. Следственная секция комитета затребовала от командира «Автроила» предоставления письменных разъяснений по данному вопросу к 10 янв. 1918 г. В деле сохранилась машинописная копия представленных Дараганом разъяснений, резкость тона в этих разъяснениях была им существенно сбавлена. В частности, он утверждал, что «никаких определенных лиц в заговоре для «продажи родины и флота» не обвинял», но при этом констатировал, что «теперешнее состояние флота с точки зрения техники является состоянием разрушения военно-морской силы»¹⁵. При этом он ссылаясь на резолюцию делегатского собрания офицеров судов и учреждений Гельсингфорса от 8 декабря 1917 г. с протестом против реформ на флоте, а также на открытое письмо контр-адмирала А.А. Ружека с критикой Центробалта. Разъясняя свой взгляд на «общегосударственные» вопросы, Дараган писал в Следственную секцию, что «многие мероприятия правительства (допущение в столицу огромного количества вражеских офицеров, освобождение военнопленных, разрешение торговли на фронте и целый ряд мер в армии, которые (...) губят её до заключения всеобщего мира..) являются полезными для врага и вредными для родины и что отдельные нечестные люди или организации, если бы пожелали извлечь личную выгоду из ужасного положения отечества, не могли бы поступить иначе, чем поступает теперешнее правительство по неизвестным (...) причинам». Завершал Дараган свои разъяснения не лишённой иронии фразой о том, что его слова выражают его «частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия, что, конечно, позволительно всякому гражданину свободной страны»¹⁶.

В результате Дараган был уволен со службы без права на пен-

сию 12 января 1918 г. В дальнейшем он подвергался аресту финскими властями, затем принимал участие в Белом движении на севере России.

В числе материалов из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке, в РГАВМФ поступило также большое количество фотографий кораблей и судов Российского Императорского флота, в том числе снятых в период Первой мировой войны. Это – крейсера «Аскольд», «Богатырь», «Олег», «Рында», линкоры «Евстафий», «Императрица Мария» и др.

Хочется надеяться, что эти исторические свидетельства, вернувшись в Россию, окажутся востребованными современными исследователями и позволят точнее реконструировать историю флота в период 1914 – 1918 гг. в целом.

В заключение автор хотел бы выразить слова благодарности и признательности своей коллеге Т.И. Пономаревой, без чьей незаменимой помощи и искренней заинтересованности в работе материалы Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке не были бы разобраны и описаны, а настоящий доклад не увидел бы свет.

Примечания

¹ Согласно мартирологу, составленному В.В. Лобыцыным, М.О. фон Кубе имел звание капитана 2 ранга. Если это действительно так, то остается неясным, когда и кем оно было ему присвоено. В эмиграции практиковались присвоения званий, в том числе военно-морских, Корпусом Императорских армии и флота (КИАФ) – организацией, основанной великим князем Кириллом Владимировичем. Возможно, М.О. фон Кубе был произведен в капитаны 2 ранга по КИАФ. (За высказанное предположение приносим благодарность к.и.н. А.Ю. Емелину).

² Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 255.

³ «Если я сейчас – через 30 лет – берусь за восстановление своих погибших дневников, то, сознаюсь, основной мотив мой – глубоко эгоистический...», – этой фразой начинается рукопись воспоминаний (РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 91.) Во всех приводимых в статье цитатах орфография и пунктуация дается в соответствии с современными нормами.

⁴ Кубе М.О. С полуночи случаи. Прага, 1932; Его же. Дела давно минувших дней. Сан-Франциско, 1936. В составе поступивших в архив материалов есть рукописи его повестей и рассказов. (РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Дд. 90, 92, 97).

⁵ РГАВМФ. Ф. р-246. Оп. 2. Д. 91.

⁶ В 1920 г. произведен генералом Врангелем в капитаны 1 ранга (Лобыцын В.В. Мартиролог русской военно-морской эмиграции: По изданиям 1920 – 2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 154).

⁷ Колчак был недоволен действиями артиллерии в бою у Тульчи.

⁸ РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 2. Д. 91.

⁹ Там же.

¹⁰ Доставалов Е.И., подполковник Генерального штаба, возглавлял штаб Отдельного отряда обороны устьев Дуная и дунайских гирл. (Сообщено В.П. Циплёнкиным).

¹¹ РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 2. Д. 91.

¹² В капитаны 1 ранга произведен генералом Е.К. Миллером 2 октября 1919 г. (Лобыцын В.В. Мартиролог русской военно-морской эмиграции... С. 52). Следует отметить, что Дмитрий Иосифович часто именовал себя «Дмитрием Осиповичем», этот вариант написания отчества нередко встречается в источниках.

¹³ От 7 дек. 1917 г.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. р-2246. Оп. 2. Д.79.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Д.Ю. Козлов

Российский флот в Первой мировой войне: задачи, формы применения, достигнутые результаты

Первая мировая война по сей день привлекает к себе внимание военно-морских специалистов, несмотря на то, что нас отделяет от крупнейшего военного конфликта первой трети XX века уже целое столетие. В истории военно-морского искусства эта война стала одним из переломных этапов: беспрецедентный рывок в развитии вооружения и военной техники, резкое усложнение условий борьбы на море повлекли за собой радикальные изменения в характере военных действий на океанских и морских театрах и, как следствие, трансформацию форм и способов применения сил флота.

Именно в 1914 – 1918 гг. новые рода сил флота – морская авиация и подводные силы – стали полноправными участниками вооруженного противоборства, которое превратилось в «объемный», трехмерный процесс. Появились новые классы боевых кораблей и разновидности морского оружия, усовершенствованные средства связи ощутимо повысили возможности системы управления силами флота. Расширился спектр выполняемых флотом задач, форм и способов действий. Условия борьбы на море усложнились настолько, что в ряде случаев для достижения поставленных целей требовалось организовывать ряд объединённых единым замыслом, планом и руководством последовательных и одновременных сражений, боев, ударов и атак с привлечением разнородных сил флота и организацией всего комплекса обеспечивающих действий и мероприятий (разведка, меры по обману противника и т.д.). Это привело к возникновению новой формы применения сил флота – морской операции.

Возросла роль и другой формы оперативного применения военно-морских сил – систематических боевых действий: вооруженное противоборство на море превратилось из дискретной последовательности одноактных столкновений группировок надводных

кораблей в непрерывную борьбу во всех природных средах, результаты которой зачастую можно выявить лишь с помощью статистических данных.

Итак, какие оперативные задачи стояли перед отечественным флотом в годы Первой мировой войны и какие формы их решения избирало российское военно-морское командование?

Первой из них стала оборона важнейших участков побережья и основных районов базирования флота. Особую значимость эта проблема приобрела на Балтийском море, где германское командование имело возможность сосредоточить морские силы, многократно превосходившие российский Балтийский флот (эта угроза реализовывалась на практике, например, в августе 1915 г., при проведении немцами Ирбенской операции, и в октябре 1917 г. – десантной операции «Альбион» по захвату Моонзундских островов). Поэтому опасность вторжения основных сил германского флота Открытого моря в Финский залив для высадки десанта у врат столицы стала основным фактором, определявшим замысел применения морских сил Балтийского моря, реализованного как в последних предвоенных планах, так в планах применения флота в период войны.

«План операций Морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны» 1912 г.¹, по которому Балтийский флот под командованием адмирала Н. О. фон Эссена развертывался в августе 1914 г., предусматривал решение важнейшей оперативной задачи – недопущения флота противника в восточную часть Финского залива и обеспечения таким образом от мобилизации войск, предназначенных для обороны Санкт-Петербурга, – в форме сражения (морской операции) на минно-артиллерийской позиции².

Основу этой позиции, созданной в самой узкой части Финского залива – между островом Нарген и мысом Порккала-Удд – составляли массивное минное заграждение, прикрываемое на флангах многочисленными береговыми батареями, и развернутые восточнее него ударные и обеспечивающие силы флота. Сражение на минно-артиллерийской позиции мыслилось как совокупность согласованных по целям и задачам, месту и времени боевых действий надводных кораблей и подводных лодок, которые на заранее подготовленном рубеже должны были наносить удары по главным силам неприятельского флота. Используя категории современного военно-морского искусства, эти действия можно назвать

морской операцией по обороне важного участка побережья и района базирования флота³.

Оборона морских подступов к Петрограду на протяжении всей войны оставалась важнейшей задачей флота Балтийского моря. В основе замысла её выполнения лежало создание на театре глубоко эшелонированной системы минно-артиллерийских позиций (центральная, фланговая шхерная, передовая, Ирбенская и Моонзундская) и оборонительных районов (Кронштадтский, Моонзундский, Або-Аландский), рассчитанных на постепенное погашение наступательного импульса неприятеля. Важным элементом системы обороны являлись оборонительные минные заграждения (в общей сложности – 34 846 мин⁴); на флангах минно-артиллерийских позиций и важных участках побережья к западу от острова Гогланд к началу 1917 г. было установлено 83 береговые батареи, насчитывавшие 284 орудия калибром до 305 мм⁵. Прикрытие оборонительных минных заграждений возлагалось на корабельные соединения флота, береговую артиллерию и морскую авиацию. Оборона флангов позиций осуществлялась совместно с сухопутными войсками.

Оборона Финского залива в ходе войны не подвергалась испытанию на прочность, поскольку немцы не решились рисковать Флотом открытого моря, не решив своей главной задачи – завоевания господства в Северном море. Единственная попытка прорыва передовой позиции, предпринятая германской 10-й флотилией эскадренных миноносцев в ночь на 29 октября (11 ноября) 1916 г., закончилась полным провалом – гибелью на минах семи из 11 кораблей⁶.

Ирбенская же позиция подвергалась ударам крупных сил германского флота в августе 1915 г. и в октябре 1917 г., и в обоих случаях была противником прорвана. Опыт Ирбенской операции 1915 г. и Моонзундского сражения 1917 г. показал, что даже весьма мощные минные заграждения преодолимы противником при отсутствии надежного прикрытия береговыми батареями, которые, в свою очередь, могут быть уязвимы с сухопутных направлений.

Перед Черноморским флотом в кампаниях 1914 и 1915 г. верховным командованием ставилась задача воспрепятствования высадки неприятельского десанта в районе Одессы, вызванная недостоверной разведывательной информацией о намерениях противника⁷. Для решения этой задачи флотом создавались элементы системы противодесантной обороны (оборонительные минные загражде-

ния на десантоопасных направлениях), а также проводились действия, направленные на своевременное обнаружение и поражение десантных отрядов противника на переходе морем, проводимые попутно с решением задач нарушения морских коммуникаций противника и недопущения выхода германо-турецких корабельных сил из Босфора.

Важным элементом боевой деятельности сил Балтийского и Черноморского флотов стало прикрытие соответственно правого и левого стратегических флангов фронта от ударов со стороны моря и содействие сухопутным войскам при решении ими как оборонительных, так и наступательных задач.

Как правило, для содействия армии специально создавались временные разнородные формирования: на Балтике – Морские силы Рижского залива, на Черном море – Батумский отряд судов, Отряд судов западной части моря и др. В ходе совместных действий силы флота осуществляли как оперативное, так и тактическое взаимодействие с сухопутными войсками. Характер этого взаимодействия предопределил развитие соответствующих форм организации командования в виде оперативного подчинения флота в целом или отдельных его соединений командованию сухопутного объединения, в интересах которого организовывалось взаимодействие. Представляет значительный интерес и опыт создания разнородной группировки сил и войск (соединений и частей сухопутных войск и морской пехоты, береговой артиллерии, кораблей и авиации) под командованием флотского начальника, реализованный во время обороны устья Дуная в конце 1916 г. Организацию сил обороны дунайских гирл без преувеличения можно назвать прообразом «оборонительного района» – формы оперативного построения сил армии и флота на приморском направлении, широко практиковавшейся в годы Великой Отечественной войны⁸.

В рамках содействия сухопутным войскам силы флота осуществляли артиллерийскую поддержку обороняющихся и наступающих войск, которая в некоторых случаях становилась решающим фактором обстановки на приморском участке фронта, обеспечивая устойчивость обороны, взламывая оборонительные рубежи неприятеля. Черноморским флотом решалась задача пополнения и снабжения войск Кавказского и Румынского фронтов. Как правило, воинские перевозки проводились в рамках систематических боевых действий, однако переброски крупных войсковых контингентов перерастали в морские операции по обороне мор-

ских сообщений с привлечением основных сил флота. Такие операции трижды проводились Черноморским флотом в целях обеспечения перевозок на побережье Восточной Анатолии 1-й и 2-й пластунских бригад в апреле и 123-й, а затем 127-й пехотных дивизий в мае – июне 1916 г.⁹

Высаженные флотом десанты (один на Балтике и четыре в Чёрном море) не выходили за рамки тактического уровня. Опыт же подготовки десантных действий оперативного (в Рижском заливе в 1916 г., в районе Синопа в 1917 г.) и даже стратегического масштаба (в район Босфора в 1915 – 1917 г.), хотя и не получивший практического воплощения, был аккумулирован в «Наставлении для производства десантной операции» 1917 г.¹⁰ и внес весомый вклад в разработку широкого спектра вопросов подготовки и ведения десантных действий.

Одной из основных задач, решаемых Балтийским и Черноморским флотами, являлось нарушение морских коммуникаций противника, в ходе которого Российским флотом были апробированы новые формы оперативного применения сил и средств. Это, во-первых, морская минно-заградительная операция как совокупность проводимых по единому замыслу и плану активных минных постановок в узлах коммуникаций и на подходах к неприятельским портам или проливному зонам (октябрь 1914 г. – февраль 1915 г. на Балтике, июль – декабрь 1916 г. в Черном море).

Во-вторых, морская операция по нарушению коммуникаций противника, представляющая собой совокупность согласованных по цели, задачам, месту и времени боевых действий, боев, ударов, атак, проводимых на ограниченном участке морского театра под руководством командующего флотом специально созданной группировкой разнородных сил, ядро которой составляли ударные и обеспечивающие тактические группы надводных кораблей (Балтийское море, 1916 г.). Кроме того, практиковались боевые действия подводных лодок и группировок надводных кораблей (на Черном море – сначала флота почти в полном составе, затем отрядов боевых кораблей, включавших линейные корабли и крейсера, и групп эскадренных миноносцев, на Балтийском море – отрядов крейсеров и эсминцев), минные постановки. Обращает на себя внимание комплексирование поисковых, ударных, обеспечивающих (разведывательных, навигационно-гидрографических и др.) задач, а в отдельных случаях и задач по содействиям сухопутным войскам для сил, действующих на сообщениях противника.

С точки зрения эволюции форм и способов применения сил флота на коммуникациях интерес представляют действия Черноморского флота в «угольном районе» (Зунгулдак, Эрегли) и в предпроливной зоне, которые характеризовались постепенным наращиванием привлекаемых сил и средств. Для нарушения неприятельских морских перевозок флот проводил целый комплекс мероприятий и действий на всем протяжении 600-мильной коммуникационной линии Босфор – Трапезунд: поиск турецких судов корабельными группами, артиллерийские и авиационные удары по портам, постановка минных заграждений у Босфора и перед анатолийскими портами, «закупорка» брандерами Зунгулдака – важнейшего угольного порта гераклийского побережья (попытка, правда, закончилась неудачей¹¹). При этом командование флота применяло разнородные силы – надводные корабли, подводные лодки и авиацию – в их оперативном, а в некоторых случаях и тактическом взаимодействии.

Командование флота творчески подошло к решению проблемы нарушения неприятельских коммуникаций и привнесло в организацию действий против судоходства противника целый ряд новаций. В применении подводных лодок позиционный способ к концу кампании 1915 г. уступил место крейсерству в ограниченном районе, разрабатывались и внедрялись в боевую практику новые способы использования легких надводных сил.

Примерами таковых могут служить нанесение внезапного одновременного удара несколькими (до семи) корабельными ударными группами (по два эскадренных миноносца в каждой) по всей длине коммуникационной линии турок в юго-восточной части моря, управление самостоятельными действиями эсминцев после выхода их из базы (наведение по радио на объекты, обнаруженные другими силами и средствами). Для поражения грузовых судов в портах впервые применялась авиация корабельного базирования.

С вступлением в строй дредноутов «Императрица Мария» (июнь 1915 г.) и «Императрица Екатерина Великая» (октябрь 1915 г.) и формированием трех тактических (в терминах того времени – «маневренных») корабельных групп, поочередно выходивших в район боевого предназначения, действия флота по нарушению неприятельских сообщений у побережья Гераклии переросли в блокаду как высшую форму борьбы на коммуникациях¹². С включением в состав «маневренных» соединений авианесущих кораблей впервые в истории формировались многоцелевые кора-

бельные группы с разведывательными, поисковыми и ударными функциями, или, используя определение современного британского историка, «*линейно-авианосные оперативные соединения*» («*battleship-carrier task force*»)¹³. Однако в полной мере реализовать прогрессивную идею «маневренных» групп не удалось в силу некоторых организационных и оперативных просчетов командования флота (смена групп в базе, а не в районе боевого предназначения; ротация начальников).

В результате воздействия сил российского флота (включая группу английских подводных лодок, оперативно подчиненную командованию Балтийского флота) противник потерял 127 транспортных судов суммарной грузоместимостью 187 868 брт¹⁴. Наиболее же рельефно результат усилий нашего флота может быть очерчен при помощи основного критерия эффективности действий по нарушению коммуникаций противника – доли (степени) сокращения объема перевозок.

Использование этого критерия позволяет констатировать, что Балтийский флот затруднил¹⁵ морские перевозки противника по «шведской» коммуникационной линии, то есть сократил их объем приблизительно на 30 %, что стало следствием вынужденного введения германским командованием в 1916–1917 гг. системы конвоев¹⁶. Что же касается Черного моря, то мы, к сожалению, не располагаем исчерпывающей информацией об объемах турецких перевозок и полными двусторонними сведениями о потерях, понесенных оттоманским грузовым флотом. Однако использование многочисленных косвенных данных¹⁷ позволяет заключить, что Черноморский флот добился срыва, а в отдельные периоды (например, в начале осени 1916 г.) – недопущения неприятельских перевозок морем.

Проблема обороны морских сообщений приобрела особую значимость в Черном море и на Северном морском театре.

Крайне ограниченные возможности железнодорожного транспорта в южных районах страны обусловили жизненно важную роль морских перевозок по Черному морю в снабжении войск Румынского, Юго-Западного и Кавказского фронтов, а также в поддержании нормальной хозяйственной жизни причерноморских губерний. Еще более серьезной проблемой оборона морских сообщений стала на Севере в связи с организацией стратегических межсоюзнических перевозок. Достаточно сказать, что в 1914 – 1917 гг. в русские северные порты поступило почти 25 млн тонн импортных грузов¹⁸, в первую очередь дорогостоящих вооруже-

ния и военной техники. Для осуществления обороны (в первую очередь противоминной и противолодочной) коммуникаций на Севере впервые было развернуто оперативное объединение – флотилия Северного Ледовитого океана. Последней, несмотря на острый недостаток сил и средств, удалось во взаимодействии с военно-морскими силами союзников минимизировать потери грузового судоходства. Даже в 1916 г., когда германские подводные лодки добились наибольших успехов в борьбе с межсоюзническими перевозками в российских северных водах, из 1582 судов, прошедших по североморским коммуникациям, было потеряно лишь 31 (менее 2 %) ¹⁹.

Оборона морских сообщений строилась по зонально-объектовому принципу и осуществлялась, как правило, в форме систематических боевых действий. Лишь на Черном море при перевозках войск или особо ценных грузов (например, при транспортировке из Керчи в Николаев турбин для строящегося линкора «Император Александр III» 7 (20) – 9 (22) октября 1916 г. ²⁰) эти действия перерастали в морские операции по обороне коммуникаций.

Задача поражения корабельных сил противника решалась Балтийским и Черноморским флотами в контексте усилий по завоеванию (удержанию) господства на море в форме морских операций, боевых действий и морских боев.

Имели место факты наведения корабельных сил на неприятеля по данным радиоразведки. Так, 19 июня (2 июля) 1915 г. наведение корабельной ударной группы на германское соединение, успешно реализованное службой связи Балтийского флота во главе с контр-адмиралом А.И. Непениным, привело к бою у острова Готланд между 1-й бригадой крейсеров под командованием контр-адмирала М.К. Бахирева («Адмирал Макаров», «Баян», «Олег» и «Богатырь») и отрядом коммодора И. фон Карфа (малый крейсер «Аугсбург», минный заградитель «Альбатрос» и три миноносца), результатом которого стало уничтожение германского заградителя ²¹.

Примером морской операции по уничтожению корабельной группировки противника, проводимой на пространстве значительной части морского театра с привлечением основных сил флота под руководством командующего флотом, могут служить действия Черноморского флота (командующий – адмирал А.А. Эбергард) по уничтожению германо-турецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау» 21 – 24 июня (4 – 7 июля) 1916 г. ²² В результате этой операции поставленной цели достичь не удалось, как и в ходе других

аналогичных попыток, например, боевых действий отряда боевых кораблей под командованием вице-адмирала А.В. Колчака (линейный корабль «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и пять эсминцев) против малого крейсера «Бреслау» (корветтен-капитан В. фон Кнорр) 9 – 10 (22 – 23) июля 1916 г. ²³

Как показал опыт Первой мировой войны (в том числе и на отечественных морских театрах), операции и боевые действия по поиску и поражению корабельных сил противника могут иметь успех лишь при комплексном применении сил (как правило, разнородных) в их оперативном и тактическом взаимодействии и организации эффективного разведывательного обеспечения.

Война продемонстрировала и явно обозначившийся разрыв между возросшим ударным потенциалом сил и их весьма скромными возможностями в обнаружении противника и выдаче целеуказания корабельному оружию: состоявшие на вооружении средства визуального наблюдения в ночное время и при неблагоприятных гидрометеорологических условиях зачастую не позволяли реализовывать ударные возможности сил, что приводило к срыву решения поставленных задач (наиболее яркие примеры – бой у м. Сарыч 5 (18) ноября 1914 г., Ютландское сражение 31 мая – 1 июня 1916 г.). Это обстоятельство существенно ограничивало тактические, а значит и оперативные возможности корабельных группировок и поставило на повестку вопрос о создании и внедрении технических средств обнаружения и целеуказания, который был решен в межвоенный период с появлением радиолокационных средств.

Задачу поражения боевых кораблей и вспомогательных судов противника решали и подводные лодки, которые вели боевые действия в предполагаемых или разведанных районах боевого предназначения корабельных группировок противника и на маршрутах их развертывания. Российским подводным силам в силу ряда причин технического и тактического характера не удалось добиться успехов на этом поприще, зато английским лодкам, состоявшим в оперативном подчинении командующему Балтийским флотом, удалось нанести германским морским силам на Балтике ощутимые потери (потоплены броненосный крейсер «Принц Адальберт» и малый крейсер «Ундине», повреждены линейный крейсер «Мольтке», два миноносца и несколько вспомогательных судов) и добиться определенных результатов оперативного масштаба – например, длительного ограничения в использовании противником тяжелых кораблей, свертывания немцами Ирбенской операции (август 1915 г.) ²⁴.

Оценивая результаты усилий российского флота, следует, безусловно, принять во внимание интегральные данные о потерях, нанесенных неприятелю на отечественных морских театрах, соотнося их, разумеется, с потерями наших морских сил.

Потери, понесенные российским флотом в кампаниях 1914 – 1917 гг. (два линейных корабля, три крейсера, 13 эсминцев и миноносцев, четыре минных заградителя, три канонерские лодки, 28 тральщиков, девять подводных лодок²⁵), не имели катастрофического характера и не привнесли радикальных изменений в соотношении сил, которое в целом характеризовалось ощутимым превосходством нашего флота. Исключение составляют непродолжительные периоды проведения немцами Ирбенской операции летом 1915 г. и операции «Альбион» осенью 1917 г., когда немцы сосредоточивали на Балтике многократно превосходящие силы Флота открытого моря, а также в Черном море период с войны до осени 1915 г. (вступления в строй русских дредноутов), пока «Гебен» и «Бреслау» существенно затрудняли Черноморскому флоту поддержание благоприятного оперативного режима. Вместе с тем, следует признать, что понесенные нашим флотом потери, во всяком случае, наиболее крупные из них – гибель крейсера «Паллада» и линкора «Императрица Мария» – оказали существенное влияние на Балтийском и Черноморском театрах военных действий соответственно.

Катастрофа крейсера «Паллада» (капитан 1 ранга С.Р. Магнус), который 28 сентября (11 октября) в устье Финского залива был торпедирован германской подводной лодкой «U26» (капитан-лейтенант барон Э. фон Беркхайм) и мгновенно погиб со всем экипажем (597 человек)²⁶, заставила кардинально пересмотреть организацию обороны Финского залива, а также, что не менее важно, убедило вышестоящее начальство в том, что к западу от центральной позиции крупные корабли подвергаются неприемлемому риску. В результате главнокомандующий 6-й армией генерал от артиллерии К.П. Фан-дер-Флит и главноверх великий князь Николай Николаевич отвергли предложение Н.О. фон Эссена о переносе центра тяжести действий Балтфлота в Среднюю и Южную Балтику²⁷, и, более того, командующему флотом было запрещено «действовать активно» и «допускать в бой» бригаду дредноутов без личного разрешения императора²⁸.

Вопрос о причастности неприятеля к катастрофе линкора «Императрица Мария» 7 (20) октября 1916 г. до сих пор остается предметом дискуссий, однако несомненно, что гибель первого чер-

номорского дредноута привела не только к многочисленным человеческим жертвам (общее количество пострадавших оценивалось в 488 человек²⁹), но и резкому ослаблению группировки тяжелых кораблей Черноморского флота. Последнее нарушило отработанную в течение предшествовавшего года организацию действий на коммуникациях противника, заключавшуюся в последовательных выходах «маневренных групп» с обеспечением сменности сил.

Не понесли фатального урона на российских театрах и наши противники: германский, турецкий и болгарский флоты потеряли семь крейсеров, 24 эсминца, три заградителя, пять канонерских лодок, 26 тральщиков, 11 подводных лодок³⁰. Вместе с тем, следует отметить, что некоторые потери немцев имели далеко идущие последствия оперативного и даже стратегического характера.

Достаточно упомянуть крейсер «Магдебург» (корветтен-капитан Р. Хабенихт), который 13 (26) августа 1914 г. в тумане сел на камни у о. Оденсхольм³¹. В результате в руки русских, а затем и англичан попали «Сигнальная книга германского флота» («Signalbuch der Kaiserlichen Marine»), секретная карта квадратов моря («Quadratkarte») и другие документы, весьма существенно повысившие возможности радиоразведки союзных флотов³².

Результаты минно-заградительной операции Балтфлота на исходе кампании 1914 г. (на русских минах погибли броненосный крейсер «Фридрих Карл», четыре тральщика, семь грузовых судов (суммарной грузоподъемностью более 8 тыс. брт) и подорвались малые крейсера «Аугсбург» и «Газелле» (последний был окончательно выведен из строя) и эсминцы «S149», «G128» и «G144»³³) заставили германское командование организовать комплекс мероприятий противоминной обороны, потребовавших большого напряжения сил, свернуть на оперативно значимый промежуток времени действия надводных кораблей, ограничить район плавания в юго-восточной части моря и, что наиболее существенно, перенести основной пункт базирования морских сил Балтийского моря из Данцига в Свиномюнде, основательно изменив тем самым конфигурацию своей операционной зоны³⁴.

Что же касается Черного моря, то уместно вспомнить о гибели с октября по декабрь 1916 г. четырех подводных лодок («UB7», «UB45», «UC15» и «UB46»), вынудившей германо-турецкое командование радикально ограничить оперативную активность сво-

их морских сил и, в частности, свернуть деятельность подводных лодок до мая 1917 г., хотя еще в середине декабря 1916 г. кайзер требовал продолжения «подводной войны» на этом морском театре³⁵. Этот перечень, разумеется, далеко не полон.

Более того, опыт борьбы с русским флотом заставлял немцев корректировать некоторые подходы не только к применению, но и созданию боевых кораблей. Так, убедительная победа эскадренного миноносца «Новик» (капитан 2 ранга М.А. Беренс) над германскими эсминцами «V99» и «V100» в бою 4 (17) августа 1915 г. у Михайловского маяка³⁶ вместе с неутешительными для немцев результатами многочисленных боевых столкновений с английскими эсминцами в Северном море заставили германцев изменить свои подходы к определению состава вооружения кораблей этого класса. Немецким командованием были приняты энергичные меры к вооружению эскадренных миноносцев 105-мм артиллерией, а затем и усилению своего флота большими эсминцами с доведением калибра их орудий до 150 мм³⁷.

Таким образом, основным содержанием боевой деятельности российского флота в кампаниях Первой мировой войны стали нарушение коммуникаций противника и содействие сухопутным войскам на приморских направлениях (Балтийское и Черное моря), а также оборона своих морских сообщений (Северный морской театр).

Характеризуя результаты действий российских морских сил, отметим значение усилий Балтийского и Черноморского флотов, прежде всего в нарушении морских коммуникаций противника. Так, Балтийский флот не позволил Германии существенно увеличить ввоз из Швеции и компенсировать тем самым потерю иных источников импорта высококачественной руды. Объемы импорта этого жизненно важного промышленного сырья из Швеции ощутимо отставали от потребностей экономики Второго рейха, что стало важной причиной снижения объемов выплавки в Германии чугуна (в 1918 г. – в 1,8 раза по сравнению с 1913 г.) и стали (в 1,4 раза)³⁸. Более того, проблема приобрела и определенное политическое звучание. Угроза немецкой экономике со стороны российского флота стала одним из аргументов, выдвигаемых идеологами строительства «Великой Германии» для обоснования необходимости аннексии прибалтийских провинций России. Так, в памфлете «Russland und wir» («Россия и мы») (1915 г.) видный пангерманист П. Рорбах, ратуя за оттеснение России от балтийского

побережья, указывал на то, что это «навсегда избавит Германию от русского флота в ее тылу»³⁹.

Что же касается Турции, то важнейшая отрасль её добывающей промышленности – угольная – резко снизила объемы производства: если в 1913 г. было добыто 827 тыс. т угля, то в 1914 г. – 651 тыс. т, в 1915 г. – 420 тыс. т, в 1916 г. – 408 тыс. т, в 1917 г. – 146 тыс. т⁴⁰. Причем столь резкое – более чем в пять раз – сокращение добычи топлива было вызвано отнюдь не падением потребности в угле, а невозможностью его вывоза из района Зунгулдак – Эрегли.

Важно иметь в виду, что поддержание бесперебойной транспортной шведской руды и гераклийского угля являлось жизненно важным условием функционирования экономики и вооруженных сил противников России (в отношении Турции, кроме того, уместно говорить об «угольном голоде» и дефиците продовольствия, покрываемом поставками морем из Румынии, как об угрозе внутривосточной стабильности). Действия российского флота на коммуникациях противника в своей совокупности оказали непосредственное влияние на способность Германии и Турции вести войну и, следовательно, имели стратегическое значение.

Существенные новации привнес опыт Первой мировой войны и в развитие отечественной национальной школы военно-морского искусства. Обобщенный и критически проанализированный опыт кампаний 1914 – 1918 гг. стал ядром эмпирической базы для создания новой отрасли военно-морского искусства – оперативного искусства военно-морского флота. Его основы, по мере теоретического освоения материала, с 1932 г. апробировались в учебных курсах Военно-морской академии РККА им. тов. Ворошилова⁴¹, а затем были реализованы в первом руководящем документе оперативного уровня – временном «Наставлении по ведению морских операций» 1940 г. (НМО-40).

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5534. Л. 121 – 144 об.; Оп. 2. Д. 215. Л. 37–60.

² Кодола Д.Д. Идея боя на минно-артиллерийской позиции в русском флоте. По опыту боевых действий Балтийского флота в первой мировой войне // Морской сборник. 1953. № 3. С. 50 – 78.

³ Доценко В.Д. Балтийский и Черноморский флоты в первой мировой войне // Морской сборник. 1994. № 9. С. 40.

⁴ Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914 – 1918 гг. М.; Л., 1940. С. 29.

⁵ Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927. С. 524.

⁶ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 146, 146 об; ГАРФ. Ф. р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 18; Солодков Н.П. Балтийский флот в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. Le Passe Militaire. Париж. 1973. Ноябрь. № 125. С. 12, 13; Gagern E., von. Der Krieg in der Ostsee. Dritter Band. Von Anfang 1916 bis zum Kriegsende. Frankfurt/M., 1964. S. 95–97.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 550. Л. 150 – 155.

⁸ См. подробнее: Козлов Д.Ю. Флот в румынской кампании 1916 – 1917 гг. СПб., 2003. С. 108, 109.

⁹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1067. Л. 78 – 80, 82 – 84; Д. 1069. Л. 2–5; Новиков Н. Операции флота против берега на Черноморском театре в войну 1914–1917 гг. М., 1937. С. 180 – 230; Павлович Н.Б. Войсковые перевозки морем. Л., 1935. С. 50–52; Перевозка войск из Новороссийска в Ризе // Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951. С. 439 – 442.

¹⁰ Наставление для производства десантной операции. Севастополь, 1917.

¹¹ ГАРФ. Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 532. Л. 10; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 550. Л. 84, 85; Флот в первой мировой войне / под ред. Н.Б. Павловича. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964. С. 355 – 357.

¹² Козлов И.А. Действия русского Черноморского флота на морских сообщениях в первую мировую войну // Морской сборник. 1951. № 10. С. 76–93.

¹³ Layman R.D. Naval Aviation in the First World War. Its Impact and Influence. London, 1996. P. 108.

¹⁴ Подсчитано по данным: РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 524. Л. 87 – 89; Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914 – 1918 гг. / пер. с нем. М., 1934. С. 174 – 177, 242, 245 – 246; Ролльман Г. Война на Балтийском море. 1915 год / пер. с нем. М., 1937. С. 507; Стрельбицкий К.Б. Боевой счет русских подводников (1914 – 1917) // Отечественная военная история. Подводник России. Вып. 1 (2002). С. 78–93; Gagern E., von. Op. cit. S. 426, 427; Groner E. Die deutschen Kriegsschiffe 1815–1945. Bd 1. Munchen, 1966. S. 342–377; Langenspiepen B., Nottelmann D., Krusmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914–1918. Hamburg; Bonn; Berlin, 1999. S. 234 – 254.

¹⁵ Под *затруднением* морских перевозок понимается снижение их объема, в результате которого войска противника в данном районе континентального театра военных действий лишаются возможности решить поставленные задачи (осуществить наступление, высадить десант и т.п.). Исходя из опыта обеих мировых войн, для достижения таких целей требуется сократить грузооборот противника примерно на треть. *Пресечение* перевозок (как правило, на непродолжительное время) – снижение

их объема на 30 – 60 %. При *скрыте* перевозок обеспечиваемые ими войска на континентальном театре военных действий и (или) военная экономика лишаются регулярного снабжения резервами и материальными средствами и утрачивают способность эффективно выполнять свои функции. Это достигается сокращением объема перевозок на 60 – 80 % в результате уничтожения грузового тоннажа, снижения пропускной способности портов и иных видов воздействия на коммуникации. Наконец, *недопущение* перевозок означает сокращение их объема более чем на 80 %. При этом вооруженные силы и экономика для поддержания способности вести войну, а население для жизнеобеспечения вынуждены ограничиваться использованием продуктов собственного производства и заблаговременно созданными запасами продовольствия, сырья и иных материальных средств. (Чернавин В.Н. Борьба на коммуникациях: уроки войн и современность. М., 2003. С. 152.)

¹⁶ Белли В. Борьба на морских коммуникациях // Морской сборник. 1939. № 12. С. 62; Македон Ю.А. Использование судов торгового флота в военное время. М.; Л., 1940. С. 11; Lutzow F. Der U-Bootskrieg // Der Grosse Krieg 1914–1918, in zehn Banden. Vierten Band: Der Seekrieg. Der Krieg um die Kolonien. Die Kampfhandlungen in der Türkei. Der Gaskrieg. Der Luftkrieg. Leipzig, 1922. S. 235.

¹⁷ Судя по отечественным боевым документам, количество потопленных и сожженных турецких малотоннажных судов исчисляется многими сотнями. Например, 17 (30) июня 1916 г. командующий Черноморским флотом адмирал А.А. Эбергард докладывал в Морской штаб верховного главнокомандующего об уничтожении миноносцами Батумского отряда 54 парусников, 21 июня (4 июля) – еще 48 (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 125, 129.). В ходе боевых действий группировки легких сил флота у побережья Восточной Анатолии в январе того же года русские эсминцы уничтожили на берегу и на плаву 204 парусных и два моторных судна (Шломин В.С. Боевые действия русского Черноморского флота в кампанию 1916 г. Рукопись. Л., 1954–1955. С. 602).

¹⁸ Быков П.Д. Военные действия на Северном русском морском театре в империалистическую войну 1914–1918 годов // Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы (сборник). СПб., 2003. С. 8.

¹⁹ Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 617.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 50, 71, 72, 99, 100; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 209 об., 132 об., 245 об.

²¹ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 115 – 118; Петров М.А. Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5-IX-1914 и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915). Л., 1926; *Грибовский В.Ю.* Бой у Готланда 19 июня 1915 года // Гангут. Вып. 11 (1996). С. 35–55.

²² См. подробнее: Козлов Д.Ю. «Такого случая... за все время войны до сих пор не представлялось» // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 35–43.

²³ См. подробнее: Козлов Д.Ю. Черноморский дебют адмирала Колчака // ФлотоМастер. 2003. № 1. С. 20–29.

²⁴ См. подробнее: Козлов Д.Ю. Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914–1918 гг. СПб., 2006; Томашевич В.А. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л., 1939; *Wilson M. Baltic Assignment. British Submariners in Russia: 1914–1919.* London, 1985.

²⁵ Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1914 год. Б/м., [1915]; Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1915 год. Б/м., [1916]; Секретный доклад о деятельности Морского Министерства за 1916 год. Б/м., [1917]; Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.) / под ред. Н.В. Новикова. М., 1948; Стрельбицкий К.Б. Потери Российского флота в период Первой мировой войны 1914–1918. Львов, 1994. С. 6–27; Таблица потерь Русского флота (за три периода войны: Российский императорский флот, Российский республиканский флот, Красный (советский) флот – до заключения Брест-Литовского мира) // Морской сборник (Бизерта). 1923. Вып. XXIII; Шульц Ю.В. Анализ потерь боевых флотов в мировую империалистическую войну // Морской сборник. 1940. № 9. С. 48–59.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 54588. Л. 38, 39; Крестьянинов В.Я. Крейсера Российского императорского флота. 1856–1917 годы. Ч. 2. С. 141–143; Вирен Р., фон. Потопление русского крейсера «Паллада» // Морской сборник (Бизерта). 1922. Вып. XIII, XIV; Леминевский П. Гибель крейсера «Паллада» 28 сентября (11 октября) 1914 года // Морской сборник. 1922. № 8–9. С. 102–119.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–42.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

²⁹ Грибовский В. Ю. Российский флот на Черном море. СПб., 2012. С. 173.

³⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 524. Л. 87–89; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 174–177, 242, 245–246; Ролльман Г. Указ. соч. С. 507; Томашевич А.В. Указ. соч. С. 261–269; Травиничев А. Очерки по борьбе с подводными лодками. С. 190–193; Шишов А. Потери военно-морских сил Германии в I Мировой войне 1914–1918. Справочник. С. 10–82; Озоровский Н.Ю. Германские потери на море от действий русского флота в 1914–1917 гг. // Морской сборник. 1941. № 6–7. С. 76–89; Стрельбицкий К.Б. Боевой счет русских подводников (1914–1917) // Отечественная военная история. Подводник России. Вып. 1 (2002). С. 78–93; Gagern E., von. Op. cit. S. 426, 427; Groner E. Die deutschen Kriegsschiffe 1815–1945. Bd 1. S. 342–377; Langenspielen V., Nottelmann D., Krusmann J. Op. cit. S. 234–254; Павлов В. Българският военноморски флот в Първата световна война 1915–1918 г. // Военноисторически сборник. 1971. № 2. С. 54–78.

³¹ Неговоров В.А. Гибель немецкого крейсера «Магдебург» // Русское военно-морское искусство. С. 404–406; Эмме В. Период крейсера-

ких походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. 13–26 июля по 24 августа – 6 сентября 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг., С. 164–169; Koop G., Schmolke K.-P. Kleine Kreuzer 1903–1918 (BREMEN-bis COLN-Klasse). Bonn, 2004. S. 153.

³² См. подробнее: Ежов М.Ю. Один из мифов о крейсере «Магдебург» // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 152–156; Партала М.А., Симонов Д.Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания. С. 90–96 и др.

³³ Томашевич А.В. Указ. соч. С. 261–269.

³⁴ Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1. От начала войны до марта 1915 года / пер. с нем. Л., 1926. С. 346–348; *Rahn W. The Naval War in the Baltic, 1914–1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905–1918 / edited by Michael Epkenhans and Gerhard P. Gro?.* Potsdam, 2010. S. 85.

³⁵ *Immediatvortrag des Chefs des Admiralstabs der Marine (Berlin, 20.12.1916) // Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation / bearbeitet von G. Grainer. Band 4.* Koblenz, 2004. S. 81.

³⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО). Ф. 500. Оп. 12 519. Д. 318. Л. 59–75; Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 122–125; Ролльман Г. Указ. соч. С. 356, 357; Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. С. 126–128; Усов В.Ю. Эскадренный миноносец «Новик». СПб., 2001. С. 23–25; Варнек П.А. Противники «Новика» в Рижском заливе // Морские записки (Нью-Йорк). 1953. Vol. 11. № 1/2. С. 56–58; «Наша победа была уже ясна» // Гангут. Вып. 60 (2010). С. 35–39.

³⁷ Грибовский В.Ю. Балтийский флот в первой мировой войне 1914–1917 гг. СПб., 2000. С. 7.

³⁸ Отделение научной обработки и хранения военно-исторических документов НИИ(ВИ) ВА ГШ ВС РФ. Ф. 215. Оп. 257. Д. 53. Л. 8.

³⁹ Цит. по: Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. Л., 1947. С. 30.

⁴⁰ Новичев А.Д. Экономика Турции в период мировой войны. Л., 1935. С. 58, 59.

⁴¹ Доценко В.Д., Щербаков В.Н. Профессора Военно-морской академии / под ред. Н.Д. Загорина. СПб., 2004. С. 15, 42–44.

С.Е. Виноградов

Организация линейных сил флота Чёрного моря в Первой мировой войне

Организация линейных сил флота Чёрного моря не являлась в отечественной историографии предметом отдельного исследования. Однако комплексное освещение темы представляется актуальным, поскольку способствует как пониманию вопроса в целом, так и его взаимосвязи со смежными историографическими проблемами изучения действий русского флота в Первой мировой войне. В данном кратком сообщении предпринята попытка его общего изучения.

В войну, начавшуюся для флота Чёрного моря 16 (29) октября 1914 г. нападением без объявления войны германо-турецкого флота на Севастополь и порты Чёрного моря, его линейные силы вошли сведённые в Линейную дивизию в составе двух бригад – I и II.¹ Формирование дивизии стало итогом серии довоенных организационных мероприятий по флоту, начало которым было положено вступлением в состав флота двух линейных кораблей-додредноутов «Иоанн Златоуст» и «Евстафий» в марте и мае 1911 г. Оба этих корабля с присоединением к ним линкора-прототипа «Пантелеймон» (постройки 1899 – 1905 гг., до июня 1905 г. «Князь Потёмкин-Таврический») сводились в однородную в тактическом отношении бригаду. Это позволяло упорядочить и интенсифицировать их боевую подготовку на основе разработанных в тот период новых методов и форм боевого применения.

Решение было оформлено приказом по Морскому ведомству от 23 июля 1911 г., которым предписывалось сформировать в Чёрном море бригаду линейных кораблей. В неё включались «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон» и «Ростислав» (запасной корабль). Непосредственное начальствование бригадой вверялось командующему Морскими силами Чёрного моря – МСЧМ (с октября 1911 г. – вице-адмирал А.А. Эбергард).² К бригаде причислялся крейсер «Кагул». Этим же приказом определялся статус двух наиболее старых кораблей, прежних броненосцев пост-

ройки 1883 – 1894 гг., также состоящих в МСЧМ в ранге линкоров: «Георгий Победоносец» переводился в разряд «судов особого назначения», «Синоп» перечислялся в разряд судов 2-го резерва с включением его в Учебный отряд Черноморского флота совместно с вспомогательными судами – транспортом «Березань» и посыльным судном «Казарский». И, наконец, этим же приказом линейный корабль «Три Святителя» (постройки 1891 – 1896 гг.) зачислялся в разряд «ремонтирующихся судов» с выводом его из состава активного флота и постановкой в масштабный ремонт с модернизацией артиллерии.³

Следующие изменения в предвоенной организации линейных сил МСЧМ последовали летом 1912 г., когда командующим бригадой был назначен контр-адмирал П.И. Новицкий, до этого начальник Черноморской Минной дивизии.⁴ В начале осени «Три Святителя» окончил ремонт и был включён в состав бригады линейных кораблей, а «Ростислав» отчислен от бригады перешёл в разряд судов 1-го резерва.⁵

25 февраля 1914 г. распоряжением командующего МСЧМ адмирала (с апреля 1913 г.) А.А. Эбергарда линейные силы флота были организационно распределены на два подразделения – I бригада (боевая): «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Пантелеймон», «Три Святителя», и II бригада (резерв) – «Синоп», «Ростислав».⁶

В апреле 1914 г. в организации линейных сил МСЧМ последовала следующая крупная метаморфоза. Приказом адмирала Эбергарда от 29 апреля было объявлено «Временное расписание судов Черноморского флота по отрядам на 1914 г.», вводимое с 1 мая. До готовности дредноута «Императрица Мария» флагманским кораблём командующего флотом назначался «Георгий Победоносец». Обе бригады линейных кораблей сводились в дивизию, командование которой, ввиду отсутствия пока отдельного начальника, вверялась в тактическом отношении начальнику I бригады (вице-адмирал П.И. Новицкий). Ему предписывалось управлять новым соединением как начальнику дивизии во время совместных манёвров обеих бригад. Флагманским кораблём I бригады (и всей дивизии) назначался «Пантелеймон». При бригаде предписывалось состоять «отделению тральной партии», на время стрельб прикомандировывались пароходы – буксировщики артиллерийских щитов «Черномор» и «Водолей». II бригада (начальник контр-адмирал Н.С. Путятин) определялась в качестве резервной. Флагманским кораблём бригады назначался «Синоп», вторым кораблём был «Ростислав». При бригаде состояли эскад-

ренный миноносец «Завидный», посыльное судно «Казарский», блокшив № 7 «Опыт» и миноносец № 252.⁷

В связи с переходом в августе 1914 г. в Константинополь германских крейсеров Средиземноморской дивизии – дредноута «Гебен» и лёгкого (малого) «Бреслау», их фиктивной продажи Турции и перехода оттоманского флота в подчинение германскому контр-адмиралу В. Сушону, командованием Черноморского флота был сделан обоснованный вывод об определившемся основном противнике русских в надвигавшемся конфликте. Это стало причиной проведения окончательных предвоенных организационных мероприятий в отношении линейных сил МСЧМ. 15 сентября 1914 г. в соответствии с секретным приказом адмирала А.А. Эбергарда от 10 сентября за № 49с «О новом подразделении флота» начальник I бригады вице-адмирал П.И. Новицкий занял должность начальника линейной дивизии с оставлением в должности начальника бригады.⁸ «Синоп», формально входивший в состав линейной дивизии, по слабости и устареванию к участию в операциях не привлекался и использовался для проводки линкоров из Севастопольской бухты при выходе их в море и возвращении назад, выполняя роль своеобразного «тяжёлого тральщика», который своим корпусом освидетельствовал путь впереди колонны на предмет отсутствия мин.

До вступления в строй дредноутов линейные силы Черноморского флота дважды встретились в бою с «Гебеном» – 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч (в 20 милях к югу от Севастополя) и 27 апреля 1915 г. в 54 милях к северу от Босфора. Оба эпизода окончились непродолжительными активными перестрелками (соответственно 4 и 21 минута), в которых русские пытались идти на сближение для решительного боя, однако в обоих случаях после получения первого же попадания «Гебен» предпочитал полным ходом покидать поле сражения.⁹

Довоенная организация просуществовала до лета 1915 г., когда Черноморский флот начал пополняться дредноутами. Первый из них – «Императрица Мария» – пришёл в Севастополь 30 июня 1915 г. Новое распределение кораблей по отрядам было регламентировано «Боевым расписанием Черноморского флота на время войны», утверждённым верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем 8 июля 1915 г. и введённым командующим флотом адмиралом А.А. Эбергардом приказом от 18 июля.¹⁰

Этим документом линейные силы флота определялись в со-

ставе Линейной дивизии, подразделённой на три бригады. В I бригаду сводились новые линкоры-дредноуты «Императрица Мария», уже проходившая курс приёмных испытаний и боевых стрельб перед привлечением к участию в боевых операциях, и «Императрица Екатерина Великая», находящаяся в стадии дооснащения, пробы механизмов и укомплектования экипажем в Николаеве и готовившаяся к переходу в Севастополь (пришла 30 октября 1915 г.).¹¹ В приказе отмечалось, что «Императрица Мария» является флагманским кораблём командующего флотом (флаг командующего), «но в административном и учебном отношении состоит в I бригаде». Бригада тактически подчинялась непосредственно командующему флотом, а в административном и учебном плане – непосредственно начальнику Линейной дивизии вице-адмиралу П.И. Новицкому. Прежняя I-ая бригада переименовывалась во II-ую и определялась в составе линейных кораблей «Евстафий» (флаг начальника дивизии), «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон». Отделённый от них линкор «Три Святителя» вместе с «Ростиславом» и «Синопом» составлял III бригаду и становился её флагманским кораблём (командующий бригадой – контр-адмирал князь Н.С. Путятин). В приказе отмечалось, что «III бригада по организации мирного времени составляет учебный отряд. Линейный корабль «Синоп» усиливает <...> охрану Одессы, как базы транспортной флотилии, входя в оперативное подчинение начальнику отряда судов обороны Северо-Западной части Чёрного моря. Время его пребывания там определяется командующим флотом. Оперативная база и порт дислокации [бригады] – Севастополь».¹² «Георгий Победоносец», продолжавший формально числиться в ранге линкора, определялся как флагманский корабль начальника Охраны водного района Севастопольских рейдов (он же командир «Георгия Победоносца»), в район его ведения входили все бухты и водное пространство от мыса Лукулл до мыса Айя в виде прибрежной полосы до 25 миль от берега.¹³

Ввиду близившегося вступления в строй второго дредноута – «Императрицы Екатерины Великой» – оперативный отдел штаба флота разработал схему боевого применения наличных линейных сил, имевшую сходство с аналогичным их расписанием на Балтике. Приказом адмирала А.А. Эбергарда из линкоров I и II бригад, а также кораблей крейсерской бригады были образованы три «маневренные» (тактические) группы. 1-ю группу составили «Императрица Мария» и крейсер «Кагул», 2-ю – дредноуты «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон», 3-ю – «Импе-

ратрица Екатерина Великая» с крейсером «Память Меркурия» (после вступления в строй второго дредноута нумерация 2-й и 3-й поменялась местами). Крейсерам при тяжёлых кораблях ставилась задача дальнего дневного дозора, с присоединением к линкору на ночное время для движения в походном порядке впереди корабля. Группам при выходе в море придавались эскадренные миноносцы, число которых не было постоянным и зависело от поставленной задачи. Каждая из групп по отдельности была сильнее германской пары «Гебен» – «Бреслау» и могла вести с ними успешный бой. Создание маневренных групп обеспечивало сменность сил, что способствовало организации систематических действий у берегов противника.¹⁴

Несмотря на новую организацию, она, по крайней мере, в отношении I бригады, оставалась достаточно формальной, поскольку остаток лета, осень и начало зимы 1915 г. новые дредноуты ещё только оканчивали курс боевой подготовки и осуществляли свои первые самостоятельные боевые походы в составе оперативно-тактических корабельных групп, отрабатывая сплаванность и взаимодействие. В середине зимы обе «императрицы» были признаны достаточно подготовленными в боевом отношении кораблями и штабом Черноморского флота были разработаны и представлены на утверждение в Ставку изменения в Боевом расписании флота. 28 февраля 1916 г. приказом начальника Морского штаба Ставки они были утверждены.¹⁵

Приказом предписывались следующие меры по изменению организации линейных сил флота. III бригада подлежала расформированию, должность её начальника упразднялась. Корабли III бригады распределялись по другим бригадам и отрядам, по усмотрению командующего флотом. Учреждалась должность начальника I бригады линейных кораблей с подчинением ему бригады в отношении как административном, так и боевом. Уже на следующий день, 29 февраля 1916 г., указом Николая II его флигель-адъютант, капитан 1-го ранга С.С. Погуляев был произведен в контр-адмиралы и назначен начальником I бригады линейных кораблей.¹⁶ Приказом командующего Черноморским флотом адмирала А.А. Эбергарда № 69с от 29 февраля 1916 г. линейные корабли «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» с 8 марта 1916 г. вошли в I бригаду линейных кораблей.¹⁷

Что касается кораблей расформированной III бригады, то с 1 апреля 1916 г. «Ростислав» перечислялся во II бригаду линейных кораблей, «Три Святителя» – в отряд судов обороны Северо-

Западной части Черного моря, «Синоп» – в распоряжение командира Николаевского порта.¹⁸

Последнее назначение было продиктовано решением об оснащении корабля отсеками («кессонами») конструктивной защиты корпуса от подводных взрывов (от мин заграждения, торпед). Модификация в значительной степени способствовала совершенствованию подводной защиты корабля, натурному исследованию её типа, а также уменьшению осадки в целом. «Синопу» предстояло перейти в Николаев на завод Общества Николаевских заводов и верфей (ОНЗиВ). 24 мая 1916 г. корабль был введён в плавучий док, поднят в нём, переведён к заводу и установлен у его дамбы. 24 июля, по окончании всех работ, «Синоп» всплыл в доке. Помимо «кессонов» на нём установили дополнительные орудия (четыре 120-мм пушки с бывшего турецкого крейсера «Меджидие»), заменили боевую рубку, отремонтировали вспомогательные механизмы и окрасили подводную часть.¹⁹

Следует отметить, что нахождение кораблей расформированной III бригады в составе данного формирования оставалось в достаточной степени формальным. В условиях, когда флот пополнился двумя мощными новыми линкорами, каждый из которых обладал подавляющим огневым превосходством над «Гебеном», необходимость нахождения «Трёх Святителей» и «Ростислава» в одной тактической группе с тремя более новыми дредноутами, как то имело место в боевых походах 1914 – начала 1915 гг., теряла смысл. Что касается флагмана III бригады и специалистов его штаба, то им находилась работа при выходах в море дредноутов I бригады, как, например, в походе группы «Императрицы Екатерины Великой» 22 – 27 декабря 1915 г., в ходе которого русский линкор 26 декабря имел бой с «Гебеном».

Дело обоим старым кораблям нашлось быстро. В связи с начавшимся в январе 1916 г. наступлением Кавказской армии возникла необходимость усиления морского отряда поддержки приморского фланга тяжёлым кораблём. Им стал «Ростислав», переведённый в Юго-Восточную часть моря и уже с начала февраля подключившийся к обстрелу турецких позиций на берегу. После краткого возвращения в конце февраля в Севастополь для бункеровки и погрузки боезапаса «Ростислав» в сопровождении «Императрицы Марии» 3 марта снова вернулся в Юго-Восточную часть моря, где продолжил обстрел неприятельского берега по заявкам армии. 1 апреля к нему присоединился «Пантелеймон». 7 апреля, после падения Трапезунда, оба корабля были возвращены в

Севастополь. Что касается «Трёх Святителей», то он 23 марта 1916 г. был переведён в Новороссийск, где использовался как стационар в период отправки морем двух крупных войсковых конвоев в Трапезунд. 3 апреля корабль вернулся в Севастополь. Таким образом, старые броненосцы выделялись командованием флота для действий против берега и выполнения задач береговой обороны прибрежных пунктов; это их назначение сохранялось и впоследствии.

В связи с падением Трапезунда и развитием операций сухопутной армии в Восточной Анатолии командованием флота была сформирована корабельная группировка для постоянного присутствия в Юго-Восточном углу моря. Её состав определялся секретным приказом адмирала А.А. Эбергарда от 3 мая 1916 г. Основное оперативное прикрытие группы от возможной вылазки «Гебена» возлагалось на II-ую бригаду линейных кораблей в составе «Евстафия» (флаг начальника линейной дивизии), «Иоанна Златоуста», «Пантелеймона» и «Ростислава». Начальник дивизии вице-адмирал П.И. Новицкий назначался командующим «всеми судами и средствами флота в районе к югу от линии Синоп – Потти». В состав отряда также входили 2 крейсера, 2 канонерские лодки, V-ый и VI-ой дивизионы миноносцев, 2 подводные лодки, тральщики, отряды гидроаэропланов, 3-е отделение сторожевых катеров. Из состава перечисленных сил выделялись корабли (при необходимости огневой поддержки действий сухопутных войск), а также, по представлению начальника отряда транспортной флотилии, «охрана и конвой для особо ценных транспортов». Пунктом базирования назначался Батум.²⁰ Для оперативного решения вопросов навигации группировке вице-адмирала Новицкого передавалась отдельная гидрографическая партия Чёрного моря, которая должна была быть «употребляема для мелких гидрографических работ в пределах юго-восточного района, по усмотрению начальника дивизии линейных кораблей».²¹

В уточнение задач отряда Юго-Восточной части моря 14 июня 1916 г. последовал приказ № 118 по флоту. Адмирал А.А. Эбергард определял, что группировка П.И. Новицкого «блокирует Анатолийское побережье к осту от Синопа и обеспечивает свой район от неприятельского флота, выделяя по сношению с начальником Приморского отряда Кавказской армии, при надобности огневой поддержки сухопутных войск – корабельную поддержку», а также «охрану и конвой для особо ценных транспортов, по представлению начальника особого отряда транспортной флотилии,

в тех случаях, когда для этой цели нет надобности во всех силах».²²

Дальнейшие крупные изменения в организации линейных сил флота Чёрного моря последовали в связи с отчислением от командования флотом адмирала А.А. Эбергарда и назначения ему на смену вице-адмирала А.В. Колчака. Новый командующий, энергичный и порывистый, сразу проявил тенденцию к перераспределению задач флота, перестановке флагманов и, отчасти, внесению изменений в действующую организационную структуру. С 21 июля 1916 г. линейные силы флота возглавил контр-адмирал М.П. Саблин, назначенный начальником II бригады линкоров и и.д. начальника Линейной дивизии (приказ по Черноморскому флоту № 1605 от 21.07.1916 г.). II бригада под флагом вице-адмирала Новицкого в составе «Евстафия», «Иоанна Златоуста» и «Пантелеймона» в это время продолжала свою вахту в Юго-Восточном районе моря и вернулась в Севастополь из Батума 4 августа. Спустя 4 дня состоялась передача командования от вице-адмирала Новицкого контр-адмиралу Саблину, который перед полночью 8 августа поднял свой флаг на линейном корабле «Пантелеймон».²³

Следующей метаморфозой стало упразднение должности начальника Линейной дивизии, предусмотренной «Боевым расписанием Черноморского флота на время войны». Приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего № 245 от 15 августа 1916 г. начальникам I и II бригад линейных кораблей флота Чёрного моря предоставлялись «права флагманов, отдельно командующих». 21 августа это распоряжение было объявлено приказом по Черноморскому флоту.²⁴ 13 сентября после окончания всех работ из Николаева пришёл линейный корабль «Синоп» и приказом командующего флотом от 14 сентября за № 204 был зачислен во II бригаду линкоров. Таким образом, теперь линейные силы флота Чёрного моря состояли из двух бригад – дредноутов и додредноутов с «Синопом».²⁵

В связи решённым летом 1916 г. вступлением в войну Румынии на стороне Антанты Ставка потребовала от командования Черноморского флота с 13 августа сформировать корабельную группировку для прикрытия румынского побережья с моря. Во исполнение данного запроса командующий флотом вице-адмирал А.В. Колчак приказом № 153 от того же дня распорядился организовать «Отряд судов особого назначения» в составе линейного корабля «Ростислав», подводных лодок «Жарп» и «Карась», авиа-

отряда и партии траления (4 тральщика).²⁶ В тот же день «Ростислав» под флагом контр-адмирала П.И. Паттон-Фантон-де-Веррайона в сопровождении 4 миноносцев-«новиков» вышел по назначению. Весь август и сентябрь «Ростислав» простоял в Констанце за сетевым боном, периодически отражая огнём зенитных орудий атаки неприятельских самолётов на корабли и порт.²⁷ В начале октября, в связи с поспешным отступлением румынской армии, настал час его тяжёлых орудий. 7, 8 и 9 октября «Ростислав» провёл несколько стрельб главным и вспомогательным калибром по скоплениям войск противника у Констанцы. Около полудня 9 октября он покинул гавань и возвратился в Севастополь. 28 октября последовал приказ о расформировании Отряда судов особого назначения Черноморского флота.²⁸

В связи с занятостью «Ростислава» в Румынии и невозможности вывести его из строя для постановки в планируемый ремонт с устройством, подобно «Синопу», отсеков подводной защиты, эти конструкции, уже изготовленные для него на ОНЗиВ, было предписано морским министром адмиралом И.К. Григоровичем «сдать в Николаевский порт».²⁹ Какое-то время русское командование лелеяло планы о контрнаступлении с возвращением Констанцы, для которого с целью артиллерийской поддержки с моря планировалось привлечь «Ростислав» и «Три Святителя», однако к концу ноября эти планы растаяли.³⁰

30 сентября по флоту был объявлен секретный приказ вице-адмирала А.В. Колчака с изменённым «Боевым расписанием флота Чёрного моря на время войны», которым узаконивались все организационные изменения на флоте, имевшие место с начала июля.³¹ Однако новая организация не продержалась долго. 7 октября на Севастопольском рейде от внутреннего взрыва погиб линейный корабль «Императрица Мария».³²

Это повлекло за собой новую волну реорганизаций и смены флагманов. Секретным приказом вице-адмирала А.В. Колчака от 8 ноября 1916 г. «впредь до утверждения в установленном порядке» I-ая бригада линейных кораблей и её штаб расформировывались. Линейный корабль «Императрица Екатерина Великая» определялся как флагманский корабль командующего флотом и переподчиняется в строевом отношении начальнику штаба флота. Линейные корабли «Три Святителя» и «Ростислав» зачислялись во II-ую бригаду линейных кораблей, начальник бригады состоял в непосредственном подчинении командующему флотом. «Синоп» отчисляется от II-ой бригады и поступал в отряд судов Севе-

ро-Западной части Черного моря с базированием на Одессу.³³ Этот приказ командующего флотом 13 ноября был подтверждён приказом начальника Морского штаба Ставки адмирала А.И. Русина.³⁴ Формально «Императрица Екатерина Великая» вышла из состава части «из-за расформирования последней» 15 ноября 1916 г., пробыв в составе I-ой бригады 252 дня («Императрица Мария» – 214 дней).³⁵

Неделей раньше в два этапа произошла смена начальника II бригады. 1 ноября 1916 г. контр-адмирал М.П. Саблин, спустив свой флаг на линейном корабле «Пантелеймон», сдал командование бригадой контр-адмиралу С.С. Погуляеву, который перенёс флаг на «Евстафий». 13 ноября командование бригадой от С.С. Погуляева принял капитан 1 ранга В.К. Лукин, подняв в 0 час. 14 ноября свой брейд-вымпел на линейном корабле «Пантелеймон».³⁶

Дальнейшее участие в операциях линейных кораблей флота Чёрного моря происходило в формате двух маневренных групп – дредноута «Императрица Екатерина Великая» и II-ой бригады В.К. Лукина (додредноуты). С осени 1916 г. корабли II-ой бригады начали выводиться из строя для производства текущего ремонта, вызванного их высокой степенью изношенности по причине интенсивного боевого применения в течение предшествующих 24 месяцев боевых действий. Из строя линкоры выводились поочередно, на двухмесячный срок, и переводились для производства работ к стенке ремонтного завода в Севастополе. На момент отсутствия в строю очередного корабля бригада оперировала в составе 3 единиц. «Ростислав», как правило, отделялся для выполнения заявок армии об артиллерийской поддержке с моря (состоял в отряде Юго-Восточной части моря с базированием на Батум с 20.12.1916 по 8.01.1917 г. и с 19.09 по 12.10.1917 г.).³⁷

Эта конструкция оставалась неизменной до середины лета 1917 г. О самых общих планах вице-адмирала А.В. Колчака в отношении дальнейшей организационной структуры линейных сил флота Чёрного моря даёт представление его письмо (не ранее конца осени 1916 г.) морскому министру И.К. Григоровичу, где, в частности, говорится: «... в настоящее время я свёл все линкоры в одну бригаду, выделив «Императрицу Екатерину» как свой флагманский корабль непосредственно в подчинение Штабу. С вступлением в строй линкора «Император Александр III» приходится подумывать и о втором флагмане, и я пока никого не имею в виду...».³⁸

Тем не менее, с отбытием вице-адмирала А.С. Колчака с фло-

та 7 июня 1917 г. и назначения временно-командующим флотом начальника II-ой бригады линкоров В.К. Лукина, эти планы были отставлены. В конце августа 1917 г. II-ую бригаду возглавил новый начальник – капитан 1-го ранга М.М. Остроградский, поднявший брейд-вымпел на линкоре «Борец за свободу» (б. «Пантелеймон»).³⁹

Прибытие в Севастополь 5 июля 1917 г. дредноута «Воля» (б. «Император Александр III»), на который ранее возлагал столько надежд Колчак, в реальности мало что изменило. Для достижения статуса полноценной боевой единицы кораблю предстояло прохождение интенсивного курса боевой подготовки. Однако в условиях послереволюционного упадка дисциплины это являлось почти неразрешимой задачей. Большие корабли находились практически во власти судовых комитетов, вмешивающихся в распоряжения командного состава и подчас отменявших боевые приказы. Новый дредноут всего трижды вышел в море (все выходы – в сопровождении «Свободной России», б. «Императрицы Екатерины Великой»), последний из которых, 19 – 23 октября 1917 г., на пятый день похода окончился отказом матросов «Свободной России» продолжать плавание и требованием вернуться в Севастополь, что деморализованные офицеры линкора и выполнили.

Этим досадным эпизодом (следствие более чем полугодичного революционного развала) окончилась активная боевая деятельность линкоров Черноморского флота. За три года морской войны на Чёрном море они прошли славный путь, заполненный боями и походами, интенсивно участвовали практически во всех операциях флота. Организация линейных сил гибко реагировала на вступление в строй новых кораблей и их убыль, изменение и расширение задач флота сообразно меняющейся общей обстановке на фронтах. В том, что по прошествии первого года войны господство на Чёрном море перешло к России, ключевую роль сыграло наличие грамотно организованных и управляемых линейных сил, обеспечивших всеобщий характер действий Черноморского флота по всей акватории моря.

Примечания

¹ Поскольку в документах отсутствует единая форма написания номеров бригад – латинскими или арабскими цифрами – здесь, с учётом значимости данных подразделений, принято первое из них.

² Назначен Высочайшим приказом № 1066 от 11 октября 1911 г., до этого – в 1908 – 1911 гг. начальник Морского Генерального штаба.

³ Приказ по Морскому ведомству № 231 от 23 июля 1911 г.

⁴ Высочайший приказ № 1120 от 20 июля 1912 г.

⁵ Приказ по Морскому ведомству № 253 от 10 сентября 1912 г.

⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 735. Л. 6. Приказ по МС ЧМ от 25.02.1914 № 1.

⁷ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 735. Л. 37 – 38.

⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 5. Д. 1349. Л. 43.

⁹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4268. Лл. 7 – 15; Ф. 479. Оп. 3. Д. 167. Лл. 5 – 9; Ф. 870. Д. 337. Лл. 68 – 70; Оп. 5. Д. 447. Л. 67, 68; Д. 755. Л. 91, 92; Ф. р–29. Оп. 2. Д. 282. Лл. 164 – 184.

¹⁰ Секретный приказ командующего Черноморского флота от 18.07.1915 г. № 71. // РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 365. Лл. 7, 8.

¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 552. Л. 174.

¹² РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 365, Л. 8 (об.).

¹³ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 365. Л. 14.

¹⁴ Флот в Первой мировой войне (под общ. ред. Д.Б. Павловича). Т. I. Действия русского флота. Гречанюк Н.М., Ляхович А.А., Шломин В.С. Действия русского флота на Чёрном море (1914 – 1917, С. 317 – 573). – М: Воениздат, 1964. С. 394, 395.

¹⁵ Приказ Начальника Морского штаба Верховного Главнокомандующего № 21 от 28 февраля 1916 г.

¹⁶ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 57 от 3 марта 1916 г.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 1262. Оп.1. Д. 1. Л. 312.

¹⁸ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 68 от 20 марта 1916 г.; РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 862. Л. 81.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 1. Д. 840. Лл. 75, 100.

²⁰ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 89 от 3 мая 1916 г.

²¹ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 96 от 17 мая 1916 г.

²² Секретный приказ командующего Черноморского флота № 118 от 14 июня 1916 г.

²³ РГАВМФ. Ф. 696. Оп. 1. Ф. 49. Л. 84.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 696. Оп. 1. Д. 49. Л. 85.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 365. Л. 19, 20, 20 (об.).

²⁶ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 153 от 13 августа 1916 г.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 190, 209, 235.

²⁸ Приказ Начальника Морского штаба Верховного Главнокомандующего № 369 от 28 октября 1916 г.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 1. Д. 840. Л. 135, 138.

³⁰ Козлов Д.Ю. Флот в Румынской кампании 1916 – 1917 гг. – СПб: Изд. М.А. Леонов, 2003. 46, 47.

³¹ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 237 от 30 сентября 1916 г.

³² РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 198, Л. 144.

³³ Секретный приказ командующего Черноморского флота № 312 от 8 ноября 1916 г.

³⁴ Приказ Начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего № 389 от 13 ноября 1916 г.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 1. Л. 312.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 696. Оп. 1. Д. 49. Л. 121. Капитан 1-го ранга В.К. Лукин был допущен к исполнению обязанностей начальника II-ой бригады линейных кораблей Черного моря приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирала А.И. Русина № 381 от 6 ноября 1916 г., подтверждённым секретным приказом командующего флотом Чёрного моря № 319 от 12 ноября 1916 г.

³⁷ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1249. Л. 359.

³⁸ А.В. Колчак. Избранные труды. – СПб: Судостроение, 2001. С. 16.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1249. Л. 333; Лукин В.К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914 – 1918 гг. Ч. II. – СПб: Остров / РГАВМФ, 2012. С. 229.

С.А. Гуров

Надводные корабли и подводные лодки Балтийского флота, отличившиеся в Первой мировой войне

В книге «Балтийский флот России в Первой мировой войне 1914-1918 гг.», выпущенной к 100-летию начала войны, мною рассмотрены боевые действия 14 надводных кораблей и 4 подводных лодок. В своем докладе остановлюсь на некоторых из них.

МИНЫ – ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ РУССКОГО ФЛОТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Минный заградитель «Амур» под командованием капитана 2 ранга Александра Антоновича Ружека являлся флагманом в отряде кораблей заграждения («Енисей», «Нарова», «Ладога») при оборудовании центральной минно-артиллерийской позиции в Финском заливе на линии Нарген-Порккала-Удд. В ходе всей Первой мировой войны его экипаж отличался особой дерзостью, бесстрашием и отменной выучкой. Боевые действия по своему предназначению «Амур» начал уже 31 июля 1914 года и сумел в составе отряда минных заградителей успешно выполнить поставленную задачу: из 2119 выставленных мин при постановке взорвалось только 11. Это был хороший результат. 19 ноября «Амур» выставил еще 240 мин на путях германского флота между о. Борнхольм и банкой Штольпе. На этом заграждении в середине марта 1915 года погибли германские пароходы «Кёнигсберг» и «Бавария», а 29 мая тральщики Т-47 и Т-51.

В кампанию 1915-1916 годов «Амур» ставил минные заграждения в Рижском заливе (133 мины) и у о. Руссарэ (205 мин). В ходе операции русского флота в Рижском заливе с 8 по 21 августа 1915 года, для усиления минной обороны Ирбенского пролива, «Амур» дополнительно выставил около 200 мин, а перед южным входом в Моонзунд – минную банку еще из 150 мин. Отряд загра-

дителей, в состав которого входил «Амур», 10 апреля 1916 года поставил заграждение из 400 мин, обеспечивающее оборону флангов Або-Аландского и Моонзундского районов.

За первые 3,5 месяца войны русский флот выставил в обширном районе между Мемелем и мысом Аркона свыше 1500 мин, на которых только в 1914-1915 годах погибли и получили повреждения 14 немецких транспортов и 18 боевых кораблей различных классов. Минно-заградительные операции русского флота на Балтийском море в этот период по своей организации и искусству их выполнения не имели себе равных. В этом есть и немалая заслуга минного заградителя «Амур».

Миноносец «Пограничник» принял непосредственное участие в боях на море в составе полудивизиона особого назначения, занимавшегося активными минными постановками у побережья противника. Первый боевой выход «Пограничник», под командованием капитана 2 ранга Владимира Ивановича Руднева, совершил 1 сентября 1914 года. 8 октября «Пограничник» участвовал в постановке минного заграждения у Виндавы, где было поставлено две банки по 50 мин в каждой. На этом заграждении 4 июня 1915 года подорвался германский авиатранспорт «Глиндер». 31 октября миноносец ставил минное заграждение в районе Мемеля. 5 апреля 1915 года там погиб немецкий тральщик Т-57. 5 ноября полудивизион особого назначения в полном составе выставил на подходе к Мемелю еще 140 мин. На этом заграждении 17 ноября подорвался и погиб германский броненосный крейсер «Фридрих Карл», шедший под флагом контр-адмирала Беринга. Одновременно погиб на этом заграждении лопцманский пароход «Эльбинг», высланный для оказания помощи крейсеру.

К началу 1915 года за ряд блестящих рейдов командир полудивизиона и ряд командиров кораблей, в том числе и командир миноносца «Пограничник», были награждены Георгиевским оружием. Подлинный героизм проявили моряки полудивизиона особого назначения 14 февраля 1915 года. Ввиду серьезных повреждений крейсера «Рюрик», накануне ночью, бригаде крейсеров пришлось вернуться в Ревель. «Пограничник» и остальные корабли полудивизиона, оставшись без крейсерского сопровождения, под командованием капитана 1 ранга А.В. Колчака успешно выставили 140 мин на подходах в Данцигской бухте.

7 мая 1915 года от крупозного воспаления легких умер командующий Балтийским флотом адмирал Николай Оттович Эссен. Любимый Эссеном «Пограничник», сопровождаемый георгиев-

ким караулом, доставил тело усопшего командующего к Английской набережной Петрограда.

РЫЦАРИ РИЖСКОГО ЗАЛИВА

К началу Первой мировой войны линейный корабль «Слава» являлся уже устаревшим кораблем по своим техническим характеристикам и вооружению, но все же оставался флагманом Балтийского флота. Для усиления Морских сил Рижского залива линкор «Слава» 31 июля 1915 года был переведен в Рижский залив, где особенно отличился. Под командованием капитана 1 ранга С.С. Вяземского линкор несколько раз вступал в бой с немецкими дредноутами и сухопутными батареями. 16 августа командир «Славы» приказал затопить смежные отсеки правого борта, увеличив угол возвышения орудий главного калибра и дальность стрельбы. Операция противника по форсированию Ирбенского пролива была сорвана. 25 сентября 1915 года в бою с германскими полевыми батареями командир корабля капитан 1 ранга Сергей Сергеевич Вяземский был убит. В течение всей осени 1915 года корабль продолжал вести активные боевые действия под командованием капитана 1 ранга В.В. Ковалевского. «Слава» был единственным русским линкором, активно участвующим в боях, за что заслужил внимание прессы и признание общественности.

17 октября 1917 года линкор «Слава» под командованием капитана 1 ранга В.Г. Антонова вновь вступил в бой у Куйвасто с кайзеровским флотом, пытавшимся подойти к Моонзундскому проливу со стороны Рижского залива. В бою «Слава» получила 7 попаданий крупнокалиберных артиллерийских снарядов германских линкоров. Корабль принял 1127 тонн воды и получил крен, его осадка носом достигла 10 метров и уже не позволяла преодолеть мелководный фарватер Моонзундского пролива. Командующий Морскими силами Рижского залива вице-адмирал М.К. Бахирев приказал командиру «Славы» пропустить вперед крейсер «Баян» и линкор «Гражданин», а затем затопить корабль при входе в пролив, предварительно взорвав погреба. В 13 час. 58 мин. линкор потряс сильнейший взрыв. Уничтожение корабля завершила торпеда, выпущенная в упор с миноносца «Туркменец Ставропольский».

Линейный корабль «Цесаревич» известие о Февральской революции в России застало в Рижском заливе. 31 марта 1917 года он был переименован в «Гражданин». 14 октября линкор «Гражд-

ЛУЧШИЕ ЭСМИНЦЫ МИРА В СВОЕМ КЛАССЕ

данин», маневрируя в Рижском заливе, поддерживал огнем действия легких сил на Кассарском плесе. Когда немецкий десант занял полуостров Сворбе, отрезав 305-мм церельскую батарею от остальной части острова Эзель, командир линкора получил приказ снять личный состав и уничтожить батарею огнем главного калибра. Вечером того же дня «Гражданин», отбиваясь от налетавших германских самолетов, выполнил поставленную задачу.

17 октября 1917 года линкор «Гражданин» под командованием капитана 1 ранга Дмитрия Петровича Руденского в ожесточенном бою у Куйваста огнем артиллерии главного калибра рассеял неприятельские тральщики, пытавшиеся тралить фарватер. В дальнейшем корабль отразил атаку германских линейных кораблей и прикрывал отход Морских сил Рижского залива. В бою «Гражданин» получил повреждения, сбив при этом два самолета врага. В корабль почти одновременно попало два 305-мм снаряда, вызвавших пожар и причинивших сильные разрушения. Ядовитые газы проникли в оба машинных отделения, в результате чего машинисты были вынуждены надеть противогазы, но не покинули боевой пост. Трюмный инженер-механик, чтобы уменьшить осадку линкора, быстро организовал выкачивание за борт пресной воды, выгрузку угля и перераспределение боезапаса. Это позволило линкору благополучно пройти мелководный Моонзундский канал и покинуть Рижский залив.

Броненосный крейсер «Баян» входил в состав 1-й бригады крейсеров флота и принял активное участие в боевых действиях. Боевое крещение корабль получил 27 августа 1914 года в перестрелке с германским легким крейсером «Аугсбург». 2 июля 1915 года крейсер «Баян», под командованием капитана 1 ранга Александра Константиновича Вейса, в составе отряда крейсеров участвовал в бою у о. Готланд с немецкими кораблями. В результате часового боя германский минный заградитель «Альбатрос», объятый пожаром, выбросился на берег у м. Эстергарн.

17 октября 1917 года «Баян» под флагом начальника Морских сил Рижского залива вице-адмирала М.К. Бахирева с двумя линейными кораблями – «Слава» и «Гражданин» – принял неравный бой у Куйвасто с отрядом германских кораблей. Один крупный снаряд попал в крейсер «Баян». Кроме того, корабль подвергся налетам германской авиации. Повреждения кораблей и превосходство противника в силах побудили наморси Рижского залива начать около 13 часов отход на север.

Эскадренный миноносец «Новик» был построен особым Комитетом по усилению военного флота на добровольные пожертвования россиян. 21 августа 1913 года «Новик» закончил ходовые испытания на мерной миле. На втором галсе он развил скорость 37,3 узла. Это был мировой рекорд скорости для кораблей данного типа. 22 августа корабль вступил в строй боевых сил Балтийского флота.

В годы Первой мировой войны первую самостоятельную минную постановку эскадренный миноносец «Новик» выполнил 5 ноября 1914 года вне посредственной близости от Пиллау. На минах, выставленных в этой операции, в течение года подорвались три корабля противника. 24 ноября 1914 года «Новик» вновь ставил мины в районе Свинемюнде. В январе 1915 года на этом заграждении погиб немецкий пароход «Латона».

Особенно памятным для экипажа стал день 17 августа 1915 года. «Новик», под командованием капитана 2 ранга Михаила Андреевича Беренса в 00 час. 15 мин. вступил в бой у о. Эзель с двумя новейшими германскими эскадренными миноносцами V-99 и V-100. Весь бой длился 17 минут. «Новик» выпустил по противнику 23 снаряда, 11 из которых достигли цели. Особенно серьезные повреждения получил эсминец V-99, который, потеряв управление, подорвался кормой на двух русских минах и выбросился на камни. Через два дня V-99 был взорван командой и оставлен. Немцы потеряли в этом бою 17 человек убитыми, 39 были ранены и 6 моряков пропали без вести. Потерь в личном составе «Новика» не было.

Через несколько недель после этого «Новик» вновь принял участие в бою и отличился. В ночь на 20 ноября 1915 года неподалеку от Виндавы торпедой с «Новика» и артиллерийским огнем с других кораблей был потоплен германский сторожевой корабль «Норбург». Наиболее удачной в кампании 1916 года была набеговая операция крейсерских и миноносных сил флота на германский конвой в Норчёпингской бухте 31 мая, в которой участвовал «Новик». Торпедами и артиллерией «Новик» потопило дно судно, другое повредил. В этом бою был потоплен немецкий вспомогательный крейсер «Герман». Осенью 1917 года эсминец участвовал в отражении попыток кайзеровского флота уничтожить русские силы в Рижском заливе.

Боевое крещение в Первой мировой войне эскадренный миноносец «Гром» под командованием капитана 2 ранга Дмитрия

Дмитриевича Тыртова получил 31 мая 1916 года, участвуя в набеговой операции на германский конвой в Норчёпингской бухте. В произошедшем бою миноносцами были потоплены вспомогательный крейсер «Герман» и оба эскортных корабля, один из которых «Гром» накрыл с третьего залпа.

В октябре 1917 года «Гром» под командованием старшего лейтенанта Анатолия Петровича Ваксмута отличился в Моонзундской операции Балтийского флота. 13 октября эсминец в составе группы кораблей сорвал тральную операцию противника, пытавшегося расчистить проход в минном заграждении пролива Соэло-Зунд. Прицельный огонь четырёхдюймовок «Грома» заставил немцев прекратить траление и отойти.

14 октября 1917 года разгорелся ожесточенный бой за Касарский плес. Около 13 час. 50 мин. сигнальщики «Грома» обнаружили выходящий из-за мыса Памерорт немецкий линейный корабль «Кайзер». С третьего залпа противнику удалось достичь попадания в машинное отделение эсминца, и он потерял ход. Несколько снарядов попало в надстройку «Грома», он загорелся, но продолжал отстреливаться от наседавшего противника из последней оставшейся пушки. Ввиду тяжелого положения миноносца канонерская лодка «Храбрый» сняла с него экипаж.

В этой критической ситуации геройский подвиг совершил минный старшина эсминца Ф.Е. Самончук. При отходе канлодки Самончук прыгнул на борт эсминца, пробрался к торпедному аппарату, развернул его в сторону подходящих к опустевшему «Грому» германских миноносцев и выстрелил. После выстрела моряк схватил горящую паклю и бросил ее в погреб с боезапасом. Немецкий миноносец затонул одновременно с «Громом». Взрывной волной Ф. Самончука выбросило за борт, и он остался жив, совершив побег из плена.

Через 38 лет Федор Евдокимович Самончук был разыскан. За мужество и героизм, проявленные в бою с кораблями германского флота, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1955 года награжден орденом Красного Знамени.

ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ

К началу Первой мировой войны канонерская лодка «Сивуч», под командованием капитана 2 ранга П. Н. Черкасова, входила в отряд канонерки находилась в Усть-Двинске для содействия флангу 5-й армии. 19 августа 1915 года отряд немецких кораблей

в составе линейных кораблей-дредноутов «Позен» и «Нассау», четырех легких крейсеров, заградителя и трех флотилий миноносцев (32 корабля) под проводкой тральщиков в 9 час. 30 мин. вошел в Рижский залив. Канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец» получили приказ начальника минной дивизии спешно идти в Моонзунд на присоединение к главным силам. Около 19 час. 30 мин. обе лодки встретились в темноте с шедшими со стороны Пернова германским крейсером «Аугсбург» и двумя миноносцами и вступили с ними в бой, длившийся около 20 минут. В 20 часов к месту боя подошли с севера «Позен» и «Нассау» с сопровождавшими их семью эсминцами и также вступили в бой.

Шедшая головной канонерская лодка «Сивуч» была принята противником за линейный корабль «Слава», и вся немецкая артиллерия обрушила огонь по головному кораблю. В наступивших сумерках «Корейцу» удалось уйти в сторону берега. «Сивуч», окруженный со всех сторон неприятелем, принял неравный бой. Беглый огонь противника, несмотря на маневры лодки, приносил ей огромные разрушения. Это был сплошной огненный ураган. 11-дюймовые снаряды дредноутов пронизывали корпус канонерки насквозь, благодаря чему «Сивуч» не взлетел на воздух после первого же попадания. К 21 часу корабль стал сплошным факелом, но поскольку Андреевский флаг спущен не был, то немцы продолжали вести огонь, пока «Сивуч» не скрылся под водой. Противник поднял из воды только двух раненых офицеров и 48 матросов. Остальные пали в неравном бою.

Командир КЛ «Сивуч» капитан 2 ранга Петр Нилович Черкасов был награжден впоследствии орденом Святого Георгия IV степени (посмертно).

АТАКУЮТ ПОДВОДНИКИ

Подводная лодка «Окунь» приняла активное участие в Первой мировой войне и совершила 7 боевых походов. 3 июня 1915 года подводная лодка «Окунь» под командованием старшего лейтенанта В.А. Меркушева в 4 час. 40 мин. вышла из Арнсбурга на позицию перед Ирбенским проливом в 20 милях к западу от маяка Люзерорт. В 13 час. 14 мин. лодка обнаружила отряд германских броненосных крейсеров («Принц Адальберт», «Принц Генрих» и «Роон»), шедших в охранении 10 миноносцев. Главной целью неприятельской эскадры являлся прорыв в Рижский залив для бомбардировки Усть-Двинской крепости и южных батарей

Моонзунда. «Окунь», заняв боевую позицию, пошёл в атаку. В момент залпа в перископ был обнаружен, в 40 метрах от лодки, идущий на нее полным ходом немецкий миноносец G-135. Срочно погрузившись и успев выстрелить, лодка все же оказалась под миноносцем, который, пройдя над ней, сильно согнул перископ, однако не причинил каких-либо более серьезных повреждений. «Окунь» после четырех часов пребывания под водой всплыл и направился под берег к Михайловскому маяку. Выпущенные лодкой торпеды попаданий не имели, но подводники выполнили поставленную задачу.

Вследствие атаки «Окуня» операция, предпринятая германским командованием, была остановлена. Эскадра отошла, и к утру её главные силы взяли курс к своим портам. За атаку неприятельской эскадры вся команда лодки была награждена Георгиевскими крестами IV степени. Командир подводной лодки «Окунь» Василий Александрович Меркушев был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Он стал первым среди моряков российского флота Георгиевским кавалером и обладателем Георгиевского оружия в ходе Первой мировой войны.

Подводная лодка «Аллигатор» с началом Первой мировой войны приняла активное участие в боевых операциях флота. Всего она совершила 12 боевых походов, 33 дня находилась в море, 21 сутки провела на боевых позициях, 4 раза атаковала вражеские корабли, выпустила 10 торпед.

26 июня 1915 года подводная лодка «Аллигатор» под командованием капитана 2 ранга Р.К. Вальронда, находясь на позиции в районе Богшера, обнаружила отряд германских кораблей, идущих на постановку минного заграждения в этом районе. Лодка дважды выходила в атаку на корабли противника и выпустила 4 торпеды. Отряд был вынужден отойти, в спешке и беспорядочно выставив 350 мин. Приготовленные наскоро мины вскоре всплыли и были обнаружены подводной лодкой. С большим трудом, идя под электромоторами, командир вывел лодку с минного поля, обойдя до 60 мин, а придя на базу, немедленно сообщил об опасности. За срыв операции противника командир был награжден орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом.

2 августа 1915 года подводная лодка «Аллигатор», идя в подводном положении на позицию в Ирбенский пролив, подверглась атаке германского цепелина, но командир, сманеврировав, сумел уклониться. 13 августа лодка уклонилась от артиллерийского огня миноносцев противника и около 4 миль ползла по дну

на мелководье. Вечером того же дня «Аллигатор» атаковал крейсер «Пиллау», но был обнаружен и, пройдя под водой 40 минут, вновь оторвался от преследования. 24 октября «Аллигатор» захватил германский транспорт «Герда Бихт» с грузом леса и привела его в финские шхеры. За эти походы команда «Аллигатора» преподнесла своему командиру памятный подарок – кортик с надписью: «Нашему боевому командиру Ростиславу Константиновичу Вальронду команда ПЛ «Аллигатор» за храбрость». Эта реликвия хранится в Центральном военно-морском музее (ЦВММ) в г. Санкт-Петербурге.

Боевое крещение подводная лодка «Волк» под командованием потомственного военного моряка старшего лейтенанта И.В. Мессера приняла в кампанию 1916 года и явилась наиболее результативной из подводных лодок типа «Барс». 17 мая подводная лодка «Волк», находясь в крейсерстве у берегов Швеции в районе Ландсорта, задержала и потопила торпедами германские пароходы «Гера», «Кольга» и «Бианка». Капитаны пароходов «Гера» и «Бианка» с картами и вахтенными журналами были взяты в плен. Экипажи подобраны со шлюпок двумя шведскими пароходами. Имея неисправность правой линии вала, лодка под левым дизелем, одолев за поход 629 миль, утром 21 мая благополучно прибыла в Ревель (Таллин). 8 июля «Волк», находясь в крейсерстве в Ботническом заливе, задержал германский транспорт «Дорита» с грузом железной руды. Взяв в плен капитана и предоставив возможность экипажу уйти на шлюпке на берег, подводники потопили транспорт артиллерийским огнем. Блестящий успех «Волка» всколыхнул подводные силы Балтийского флота, но повторить его в Первую мировую войну никому не удалось.

Выводы

Главной задачей Балтийского флота на протяжении всей войны являлась оборона морских подступов к Петрограду. Для России особенно большое значение имела оборона с моря своей столицы. С этой задачей моряки-балтийцы справились достойно. Несмотря на пополнение Балтийского флота в течение 1914 – 1917 годов новыми кораблями, ему до конца войны приходилось вести боевые действия при наличии у противника подавляющего превосходства в силах на театре. Тем не менее русский Балтийский флот в целом действовал успешно и нанес германскому флоту серьезные потери при незначительных потерях в своем составе.

Литература

РГАВМФ. Эскадренные броненосцы Балтийского флота//Альбом. – Выпуск 2. – ООО «АНТТ Принт», 2004.

Амусин Б. М., Кинякин И. Н. и др. Балтийский флот накануне и в годы Первой мировой войны // Военный научный сборник. – № 21. — «Флагман»: материалы Всероссийской научной конференции к 100-летию начала Первой мировой войны. – Калининград, 2013.

Апальков Ю. В. Боевые корабли русского флота 8.1914-10.1917: Справочник. – СПб: АО «Интек», 1996.

Боевая летопись ВМФ. 1917-1941. – М., 1993.

Веселого Ф. Краткая история русского флота. – СПб. Вып. I, II, 1893, 1895.

Корабли-герои. – М.: Изд-во ДОСААФ, 1970.

Новиков Н. В. Боевая летопись Русского флота. – М.: Воениздат, МО ВС СССР, 1948.

Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф. Эскадренный миноносец «Новик». – Л.: Судостроение, 1981.

Павлович Н.Б. Флот в Первой мировой войне. Том I. –М., Воениздат, 1964.

Шершов А. П. История военного кораблестроения. – М.: Воениздат, 1940.

А.Д. Федечкин

Участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях в 1914 – 1915 гг.

Отсутствие у противника намерений к прорыву в Финский залив позволило русскому флоту Балтийского моря перейти осенью 1914 г. к активным действиям на германских коммуникациях, в том числе масштабным постановкам минных заграждений на наиболее оживлённых маршрутах, ведущих из Киля в Данциг и Мемель. По мысли русского командования, реализация этих мероприятий обеспечивала безопасность правого фланга сухопутного фронта от возможных десантов, максимально затрудняла германские морские перевозки в южной части Балтики, а также ограничивала деятельность немецкой военно – морской группировки на театре.¹ «Постановка мин – писал адмирал Н.О. Эссен, – вызовет усиленную и сложную операцию траления... и определит дальнейшее движение судов в опасных районах с тралами, что отзовётся на скорости всех операций...».²

Первые постановки в неприятельских водах, осуществленные миноносцами и минным заградителем «Амур» в сентябре – ноябре 1914 г., оказались результативными (германский флот в этот период потерял на минах броненосный крейсер «Фридрих Карл» и несколько транспортов), во многом подтвердив ожидания русского командования. Вместе с тем эти действия выявили крайнее несовершенство привлекаемых к активным операциям боевых единиц. Так, даже наиболее современные балтийские минзаги «Амур» и «Енисей» были неспособны развивать на переходах более 12 – 14 узлов, вследствие чего было «очень много риска и мало шансов довести тихоходный заградитель к месту постановки». Выполнение же задач миноносцами существовавших типов в значительной степени затруднялось условиями погоды, крайне «неблагоприятной для этих операций в позднее осеннее и зимнее время».³ «Наши суда столь стары, что трудно осуществить с ними

что-нибудь активное...» – справедливо отмечал капитан 2-го ранга В.М. Альтфатер.⁴

Отсутствие быстроходных заградителей вынуждало привлечь в качестве кораблей – постановщиков броненосные крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян», входившие в состав 1-й бригады крейсеров и в ноябре 1914 г. спешно оборудованные для приёма мин. Скорость их хода не превышала 21 узла, однако эти боевые единицы, благодаря большому водоизмещению, обладали достаточной миноподъёмностью и были способны действовать в условиях наступающей зимы, не страдая от обмерзания. Это давало определённые преимущества для осуществления «скрытных марш-манёвров и минных постановок», шансы на успех которых росли с увеличением продолжительности тёмного времени суток.⁵

В период с 30 ноября по 2 декабря 1914 г. «Рюрик» и «Адмирал Макаров» совместно с заградителем «Енисей» выставили 484 мины южнее о. Готланд, причём проникновение русских сил в указанный район осталось незамеченным неприятелем.⁶ Подобный факт доказывал целесообразность использования броненосных крейсеров для активных постановок, но, вместе с тем отмечалось, что наличие мин на борту делает их в случае необходимости «совершенно неспособными к артиллерийскому бою», требуя надёжного прикрытия для кораблей-постановщиков. Задача его обеспечения в условиях запрета Ставки Верховного главнокомандующего на использование за пределами Финского залива линкоров даже додредноутного типа заставила пересмотреть наряд сил, привлекаемых для новых заградительных операций. Очередную из них планировалось осуществить в конце декабря – в период новолуния и наиболее продолжительных зимних ночей, максимально способствовавших скрытности. Благоприятным фактором стала и оперативная обстановка на театре, в том числе временное прекращение противником активных действий своих надводных кораблей, ограничение района их плавания в юго-восточной части моря и перенос основного пункта базирования из Данцига в Свинемюнде, существенно изменивший конфигурацию операционной зоны.⁷ Данные обстоятельства позволяли русскому флоту расширить район заграждений, предоставив возможность воздействовать на удалённые германские коммуникации.

Основной целью операции, инициатива проведения которой принадлежала капитану 1-го ранга А.В. Колчаку, должно было стать минирование района моря у м. Аркона, мимо которого пролегли судоходные пути из Киля к восточным германским пор-

там, а также маршруты доставки стратегических материалов из Швеции. Удалённость района планируемых постановок от передовых пунктов базирования русского флота (более 450 миль) и необходимость пройти за о. Борнхольм, «проливы по обе стороны которого надо было предполагать находящимися под контролем неприятеля», послужили причиной использования в качестве заградителя крейсера «Россия» водоизмещением 14000 т, обладавшего наибольшей среди находившихся в строю отечественных единиц этого класса дальностью плавания – 5040 миль экономическим (12 узлов) и 3420 миль полным (19 – 19,75 узлов) ходом.⁸ Вступивший в строй ещё в 1897 г. как океанский броненосный рейдер для действий на торговых путях неприятеля и не без оснований считавшийся в начале своей службы «лучшим из судов русского флота», корабль принимал активное участие в войне 1904 – 1905 гг., по окончании которой прошёл основательную модернизацию. В начале декабря 1914 г. крейсер был вновь дооборудован и мог принимать на борт до 300 мин, значительно превосходя по этому показателю более современные боевые единицы.⁹

Помимо «России» в состав «особого отряда заграждения» включили «Богатырь» и «Олег», для конвоирования которых назначались «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян» под непосредственным командованием начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала М.К. Бахирева. Общее же руководство операцией возлагалось на начальника бригады заградителей контр-адмирала В.А. Канина, державшего флаг на «России».

Согласно утверждённому плану предусматривалось три варианта возможных действий, реализуемых «в зависимости от обстоятельств по усмотрению начальника особого отряда». Основной из них предусматривал скрытное проникновение крейсера «Россия» в район м. Аркона, где ему надлежало поставить заграждение общей протяжённостью до 10 миль, в то время как «Богатырю» и «Олегу» следовало минировать район между Борнхольмом и заграждением у банки Штольпе, выставленным «Амуром» 7 ноября 1914 г. Согласно второму варианту, если продвижение отряда станет известно противнику, все три крейсера должны были ставить мины к востоку от острова, а в случае встречи с крупными силами неприятеля (третий вариант) – в районе их обнаружения.¹⁰ Броненосным же крейсерам 1-й бригады надлежало «прикрывать операцию, приняв при необходимости бой».¹¹

Как следовало из предписания, переданного командирам кораблей 26 декабря 1914 г., заграждения предполагалось ставить

банками по 20 мин с углублением 16' (4,88 м) и интервалом между минами 150' (45,8 м). Подобная тактика постановки активных заграждений высокой плотности, характерная для первого года войны и отличавшаяся от действий германского флота, обеспечивала русским минам больший процент «попадания» на них кораблей и судов противника – 0,7% против 0,4% для немецких мин.¹² Кроме того, эффективность заграждений повышалась за счёт использования новейших отечественных ударно-механических мин «образца 1912 г.» с массой заряда до 96 кг.¹³ Мины этого типа устанавливались на требуемое углубление специальным гидростатическим устройством, сопряжённым с таймером, в то время как наличие особого прибора в ударном механизме делало их более безопасными в приготовлении и постановке по сравнению с прежними образцами.¹⁴

Вечером 29 декабря 1914 г. 296 таких мин были приняты крейсерами-постановщиками с заградителя «Амур» на рейде Севастополя в Абосских шхерах (по 100 на «Россию» и «Богатырь» и 96 на «Олег»)¹⁵ Утром 30 декабря сюда же прибыли силы прикрытия и спустя несколько часов всё соединение снялось с якоря, выйдя по назначению.¹⁶ Предполагая наличие у входа в Финский залив неприятельского минного заграждения, границы которого были неизвестны, крейсера, используя заранее обследованный тральщиками шхерный стратегический фарватер, перешли в Утэ, откуда с темнотой оба отряда вышли в море, двигаясь к югу на расстоянии 15 миль друг от друга – впереди силы прикрытия, за ними корабли-заградители.

На рассвете, в тихую, но пасмурную погоду миновали о. Готланд, повернув затем к условленной точке randevу возле зюйд-овой Средней банки, лежащей в стороне от вероятных маршрутов движения неприятеля. Соединившись в 16 часов 31 декабря, корабли построились в две кильватерные колонны (в правой – «Россия», «Олег», «Богатырь», в левой – «Рюрик», «Макаров», «Баян») и, развив 14-ти узловую скорость, начали продвижение на запад, направляясь к северной оконечности Борнхольма.¹⁷ По пути не встретилось ни германских, ни нейтральных судов, вследствие чего, полагая, что присутствие соединения в этих водах осталось неизвестным противнику, командующий операцией В.А. Канин решил применить основной вариант плана.

В 17 часов соединение перестроилось в одну колонну (головным был корабль «Россия», концевыми – «Олег» и «Богатырь»), а ещё через полчаса, с наступлением темноты «Россия», развив 16-ти узловой ход, отделилась от основных сил и приступила к

форсированию предполагаемой линии германских дозоров у Борнхольма. Условия погоды не способствовали скрытности – наступавшая ночь была ясная и «небо временами очищалось от облаков». Однако корабль миновал Борнхольм, «не встречая никаких судов», хотя перехваченные «в изобилии» и большей частью расшифрованные радиogramмы указывали на присутствие к весту от острова крейсеров и миноносцев противника.

За Борнхольмом обстановка резко изменилась – с 20 часов на «Россию» стали отмечать многочисленные огни коммерческих пароходов, шедших преимущественно нордовыми курсами по направлению к шведским портам, что подтверждало сведения об оживлённом судоходстве в этой части Балтики и, следовательно, правильность выбора района постановки. При приближении пароходов корабль вынужден был уклоняться в сторону, а затем снова возвращаться на прежний курс. Благодаря умелому маневрированию, «Россию» удалось остаться незамеченной, однако большое количество встреченных судов создало у командира корабля капитана 1-го ранга Н.Л. Подгурского ложное представление о потере скрытности похода. Считая крейсер уже обнаруженным противником, он, по воспоминаниям капитана 2-го ранга Л.В. Ларионова, сумел убедить контр-адмирала В.А. Канина в необходимости начать постановку гораздо раньше срока.¹⁸ Продолжить выполнение задачи согласно первоначальному плану удалось лишь после энергичного вмешательства А.В. Колчака, находившегося на борту «России» и настоявшего на следовании прежним курсом.¹⁹

Тем не менее, точного исполнения замысла добиться так и не удалось. Во втором часу ночи 1 января 1915 г. русские связисты перехватили и расшифровали немецкое радио, указывающее о присутствии в месте постановки германского крейсера «Ундине». Во избежание нежелательного столкновения с противником, было решено осуществить минирование, не доходя двух миль по долготе до намеченного района. Повернув на курс 335° и имея скорость 12 узлов, «Россия» в 2 часа 17 минут 1 января начала постановку пятью отдельными банками, располагая их в линию на расстоянии 10 кб одна от другой. Четыре банки насчитывали по 20 мин, установленных с интервалом в 150 и углублением в 16 футов, и лишь в последней их было 18 (ещё две мины оставлены на борту связанными концом длиной в 200 саженой с целью сброса на пути неприятеля в случае погони за крейсером). Для маскировки заграждения в двух местах были оставлены фальшивые перископы, изготовленные кустарным способом из шлюпочного рангоута.²⁰

В 2 часа 53 минут постановка была завершена, и крейсер, минировав в течение чуть более получаса район моря протяжённостью около 7 миль, повернул на обратный курс и, увеличив ход до 16 узлов, пошёл к месту randevу с «Богатырём» и «Олегом». Следуя в точку встречи, с «России» в течение нескольких часов видели впереди себя неизвестный быстроходный корабль, шедший с включёнными ходовыми огнями и производивший оживлённый радиообмен. Перехваченные позывные позволили распознать германский лёгкий крейсер «Ундине», двигавшийся тем же курсом и скрывшийся затем в направлении на зюйд – ост. Благодаря полному затемнению, в том числе отсутствию факелов из труб (как оказалось, «Россия», не демаскируя себя таким образом, легко могла поддерживать скорость до 18 узлов), а также строгому радиомолчанию, русский крейсер остался незамеченным и в 8 часов 45 минут утра соединился с подошедшими почти одновременно «Богатырём» и «Олегом», которые донесли, что постановка заграждений произведена ими точно в указанных районах. Ещё через полчаса корабли встретились с силами прикрытия, после чего оба отряда 16-ти узловым ходом направились на норд – ост и в 10 часов утра 2 января благополучно достигли рейда Утэ.²¹

«Новогодний» поход «России» оказался результативным. Так, уже 12 января 1915 г. на выставленном заграждении получил повреждения германский лёгкий крейсер «Газелле», вышедший накануне из Аарэзунда для несения дозора между южным входом в Зунд, Треллеборгом и Арконой. Взрыв мины пришёлся на кормовую часть корабля, отчего ближайшие отсеки оказались быстро затопленными водой, а два человека в румпельном отделении погибли. Крейсер повернул к Арконе, стремясь как можно скорее достичь мелководного района, однако по пути потерял оба винта и лишился хода. Только на следующий день беспомощный корабль на буксире миноносцев был приведён в Свинемюнде. Его ремонт признали нецелесообразным и 19 февраля 1915 г. «Газелле» был исключён из списков флота.

Определение границ опасного для плавания района германские тральщики вели с 30 января по 10 февраля 1915 г., а окончательно вытралить русские мины удалось лишь спустя более двух месяцев. Тем не менее, 1 апреля 1915 г. ещё одной жертвой минной постановки «России» стало немецкое судно «Грете Хемсот», неосторожно пытавшееся пересечь заграждение у Арконы.²² Минирование района наиболее интенсивного судоходства вынуждало германское командование менять маршруты движения своих

транспортов, тем самым значительно увеличивая время доставки грузов и стоимость перевозок.²³ Зачастую судоходные кампании, в том числе принадлежащие нейтральным странам, вообще отказывались от фрахтов, прерывая морские сообщения с германскими портами. Ярким примером тому стала Швеция, которая, опасаясь потери своих судов, в апреле 1915 г. временно прекратила паромные перевозки между Треллеборгом и Зассницем, пролежавшие через минированный «Россией» район.

Поход к Арконе стал для крейсера последним в первую военную кампанию – к концу января 1915 г. тяжёлая ледовая обстановка в устье Финского залива не позволяла использовать корабли с деревянной обшивкой подводной части для активных действий, вынудив поставить все четыре единицы 2-й бригады на зимовку в Гельсингфорсе. В последующем в связи с ремонтом и перевооружением «Россия» более не привлекалась к операциям такого рода, однако опыт её использования на неприятельских коммуникациях позволили русскому командованию сделать ряд важных выводов, в том числе о необходимости прикрытия активных постановок линкорами, что во многом обусловило разрешение на привлечение к заградительным операциям в октябре – ноябре 1915 г. новейших дредноутов «Гангут» и «Петропавловск».²⁴ Кроме того, подрыв у м. Аркона крейсера «Газелле», продемонстрировавший слабость заряда русских мин, заставил отечественных специалистов искать пути повышения их могущества.²⁵

Таким образом, несмотря на существенное изменение характера и способов ведения морской войны, успешное участие «России» в минно-заградительных операциях в очередной раз продемонстрировало эффективность применения на коммуникациях противника отечественных океанских броненосных крейсеров, чьи основные качества были заложены русскими инженерами ещё в конце XIX века. «Из этих устарелых судов личный состав сумел извлечь такую боевую пользу, что не только исполнил все задачи, поставленные ему планом войны, а на Балтийском море эти задачи даже и значительно расширил» – справедливо отмечал впоследствии контр-адмирал А.Д. Бубнов.²⁶

Примечания

¹ Козлов И.А. Минные постановки русского флота в южной части Балтийского моря в 1914 – 1915 гг. // Морской сборник, 1950, № 1. С. 34 – 35.

² РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп.2. Д. 357. Л. 4.

³ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп.2. Д. 11. Л. 149.

⁴ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп.2. Д. 357. Л. 1.

⁵ Петровский В. Зимние операции в мировую войну на Балтийском театре // Морской сборник, 1937, № 3. С.81.

⁶ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп.2. Д. 11. Л. 162.

⁷ Козлов Д.Ю. Флот Балтийского моря в кампанию 1914 года // Военно-исторический журнал, 2006, № 11. С. 23.

⁸ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 359. Л. 9.

⁹ Таблицы элементов судов, входящих в состав Балтийского флота, Черноморского флота, флотилии Северного ледовитого океана и флотилий, возникших во время войны, Птрд, 1917. С. 2.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 21. Л. 28 – 30.

¹¹ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 357. Л. 142.

¹² Денисов Б. Минно-заградительные операции германского флота в Балтийском море в империалистическую войну // Морской сборник, 1935, № 12. С. 76; Киреев И.А. Траление в Балтийском море в войну 1914 – 1917 гг., М.-Л., 1939. С. 149.

¹³ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 7. Д. 192. Л. 4.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 571. Л. 1. Так, например, при постановке в свежую погоду гальваноударных мин «образца 1908 г.» с заградителя «Амур» 7 ноября 1914 г. «приходилось выжидать благоприятных моментов для сбрасывания мин во избежание погнутия колпаков и неизбежных взрывов», что значительно удлиняло время операции. // РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 11. Л. 140.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 59. Л. 2.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 315. Л. 114.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 11. Л. 211.

¹⁸ Дневник капитана 2 ранга Л.В. Ларионова. Часть 2. 13.11.1914 – 7.12.1916. // ОР РНБ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 7. Л. 35об.

¹⁹ Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. – СПб: Изд-во «Гангут», 1997. С. 233.

²⁰ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 40. Л. 70.

²¹ РГАВМФ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1. Л. 46об.

²² Киреев И.А. Траление в Балтийском море в войну 1914 – 1917 гг., М.-Л., 1939. С. 364.

²³ Болотников Н.И. Материалы по заградительным операциям в период империалистической войны 1914 – 1915 гг. – Л.: ВМА РККА им. тов. Ворошилова, 1933. С. 10.

²⁴ РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 12. Л. 32 – 35, 55 -5 6; Ф. р-29. Оп. 2. Д. 156. Л. 2об.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 571. Л. 19.

²⁶ Бубнов А.Д. В царской ставке. // В сборнике: Бубнов А.Д., Пронин В.М. В Ставке Верховного Главнокомандующего. – М.: Вече, 2014. С. 76.

В.П. Ципленкин

Участие военно-морских сил России в боевых действиях на Нижнем Дунае в 1916 – 1917 гг.

В период Первой мировой войны Дунай протекал по территории семи государств (Россия, Румыния, Болгария, Сербия, Австро-Венгрия, Германия, Швейцария), из которых шесть участвовали в войне в составе противоборствующих коалиций. Россия владела лишь небольшим участком левого берега в дельте реки с портовыми городами Рени, Измаил, Килия и Вилково. Действия русского флота на Дунае находились в зависимости от отношений с союзными странами, расположенными в этом регионе. Можно выделить три основных периода:

- с августа 1914 г. до октября 1915 г. – период активной деятельности Экспедиции особого назначения под командованием контр-адмирала М.М. Веселкина по оказанию помощи союзной Сербии. В состав Экспедиции, созданной в августе 1914 г., входили транспортный, минный, инженерный отряды, небольшое соединение кораблей для обороны района Железных ворот и различные береговые части¹.
- с октября 1915 г. до августа 1916 г. – фактический разгром сербской армии и вступление в войну Болгарии на стороне Центральных держав положили конец активной деятельности Экспедиции. Она была переведена в порт Рени в низовьях Дуная и занималась в этот период преимущественно эвакуацией сербской гражданской населения с оккупированных территорий в Румынию².
- с августа 1916 г. до конца 1917 г. – после длительных дипломатических лавирований в войну на стороне Антанты вступила Румыния. По условиям соглашения с ней Россия оказывала поддержку сухопутными и морскими силами. Русские корабли были отправлены для защиты румынско-

го порта Констанца и поддержки румынской флотилии на Дунае.

В статье рассмотрен третий завершающий период действий русского флота на Дунае.

Материалы, хранящиеся в РГАВМФ, позволяют составить подробное представление об этой странице истории русского флота. Особенный интерес представляют фонды Морского генерального штаба, Морского штаба Верховного главнокомандующего, штаба командующего флотом Черного моря, штаба начальника речных сил на Дунае, Отдельной Балтийской морской дивизии.

Наращивание боевых сил русского флота на Дунае началось еще до вступления Румынии в войну. В июне в Рени из числа морских команд Черноморского флота был создан минно-артиллерийский отряд под командой капитана 2 ранга И.П. Семенова³. В ночь на 13 августа 1916 г.⁴ из Одессы вышел отряд мореходных канонерских лодок под командованием капитана 1 ранга А.Ю. Свиньина в составе лодок «Донец», «Кубанец» и «Терец». Днем того же дня лодки вошли в Дунай через Потаповский канал и проследовали до Рени, где А.Ю. Свиньиным был нанесен визит начальнику Экспедиции особого назначения контр-адмиралу М.М. Веселкину. На следующий день 14 августа отряд продолжил свое движение вверх по реке для соединения с румынской флотилией, находящейся в районе Силистрии⁵. Одновременно с этим Румыния объявила войну Австро-Венгрии.

В сентябре канонерские лодки принимали участие в боевых действиях, поддерживая артиллерийским огнем наступление союзных русско-сербско-румынских войск. В скором времени, однако, выявилась слабая приспособленность мореходных канонерских лодок к плаванию по реке. Малые глубины, многочисленные перекапы и отмели создавали ощутимые затруднения. Для содействия отряду требовалось привлекать буксиры и землечерпатели, а также опытных лоцманов из местного населения. В своем донесении А.Ю. Свиньин так характеризовал положение дел: «Ознакомившись с условиями плавания Отряда по Дунаю, можно высказаться определенно, что лодки совершенно не приспособлены для такового, главным образом в смысле осадки и поворотливости на течении, за неимением речных рулей. Несмотря на присутствие на каждой лодке опытных штурманов, это не гарантирует лодки от постановки на мель, вследствие очень частых и резких изменений фарватера. В особенности трудность плавания

сказывается при выборе позиций для обстреливания неприятеля, очень часто случается, что место выбранное для обстрела, по своему положению очень удобно, но глубина не позволяет его занять. В периоды малой воды, плавание по Дунаю, для выполнения боевых операций, становится даже рискованным, т.к. какой-нибудь перекап проходимый например сегодня утром, уже вечером может быть непроходим, вследствие убыли воды, и таким образом Отряд может быть отрезанным и изолированным от действующей совместно с ним армии...»⁶. Этот опыт был учтен и отряд усилили четырьмя тральщиками типа «Эльпидифор», более приспособленными для плавания по мелким глубинам. Также рассматривалась возможность вооружения и использования самоходных барж⁷.

В это же время в Сулине были сосредоточены силы, предназначенные для поддержки левого фланга армии и обороны устьев Дуная. В их число входили: эскадренный миноносец «Капитан-лейтенант Баранов», четыре миноносца типа «Жаркий», восемь вооруженных тральщиков, три посыльных судна и 4 быстроходных катера. В конце октября в Сулин также прибыл 1-й авиационный отряд, состоящий из шести гидроаэропланов истребителей и четырех аппаратов типа «М-9»⁸. Для командования этими силами 13 октября 1916 г. была учреждена должность начальника обороны устьев Дуная, исполнять которую было поручено капитану 2 ранга В.И. Медведеву⁹. Также в Сулинском порту базировались и румынские силы, которые не были подчинены начальнику обороны устьев: крейсер «Елизавета», несколько катеров, две речные батареи и «технические средства» (краны, землечерпатели, оборудование мастерских).

Интересные свидетельства о событиях, происходивших в это время на Дунае, содержат донесения морскому министру командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака, несколько раз лично посещавшего позиции русских сил на реке. К задачам, стоящим перед союзным русско-румынским флотом, он относил следующие: поддержка правого фланга сухопутной армии (отряд канонерских лодок и тральщиков «Эльпидифоров» под командой капитана 1 ранга А.С. Зарина, сменившего на этом посту А.Ю. Свиньина, минно-артиллерийский отряд капитана 2 ранга И.П. Семенова и отряд румынских мониторов и катеров); поддержка левого фланга сухопутной армии (отряд обороны устьев Дуная под начальством В.И. Медведева); организация тыла, грузовые и войсковые перевозки и надзор за навигацией по реке¹⁰. Для реализации последней задачи привлекались силы

Экспедиции особого назначения, участвовавшей в перевозке войск, вооружения и боеприпасов из Рени в Черноводы. Кроме этого на Дунае находилось значительное количество румынских плавучих средств, частично реквизированных у частных лиц, а частично принадлежащих Европейской Дунайской комиссии. Средства эти находились в ведении румынского министра торговли, что затрудняло их привлечение для военных нужд¹¹.

Вступление Румынии в войну не принесло для России ожидаемых результатов. Потерпев ряд поражений, румынская армия стремительно отступала из Добруджи. 10 октября 1916 г. была оставлена Констанца – главный порт Румынии на Черном море. Переходили в руки Центральных держав и опорные пункты на Дунае. В начале декабря ситуация приблизилась к критической, когда были захвачены Исакча и Тульча, находящиеся в непосредственной близости от устьев Дуная. Добруджинская армия спешно оставляла правый берег Дуная.

Изменение военной-стратегической обстановки повлекло за собой и изменения в организации военно-морских сил. А.В. Колчак отмечал в своем донесении: «Ввиду занятия неприятельскими войсками Тульчи, с потерей которой утратилась связь устьев Дуная с базой армии, считая совершенно необходимым удержать до последней возможности в своем обладании Дельту Дуная со всеми гирлами с опорным пунктом на Сулин, как базу для активных действий вверх по Дунаю, так и возможных в будущем переправ на правый берег, мною 10 декабря была послана телеграмма Начальнику Морского Штаба Верховного Главнокомандующего о необходимости срочно выделить для обороны устьев Дуная все канонерские лодки, румынские мониторы, вооруженные тральщики, моторные катера, самоходы и миноносцы, входящие в настоящее время в отряд Начальника обороны устьев Дуная и, так как Сулин удерживать возможно сравнительно небольшими силами благодаря болотистой местности, перевести в него морскую бригаду и батальон Гвардейского экипажа»¹². Предлагаемые А.В. Колчаком меры были реализованы. В начале января на Дунай перевели батальон гвардейского экипажа и Отдельную Балтийскую морскую дивизию в составе четырех морских полков. 8 января 1917 г. приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего был сформирован Отдельный отряд обороны устьев Дуная и Дунайских гирл. В его состав, помимо вновь прибывших Балтийской морской дивизии и батальона Гвардейского экипажа, включили также находящиеся на Дунае рус-

ские и румынские суда и плавучие средства, морские батареи и некоторые сухопутные части, подчиненные командующему Черноморским флотом. Одновременно с этим должность начальника обороны устьев Дуная, занимаемая В.И. Медведевым, была упразднена, а штаб его расформирован. Во главе Отдельного отряда обороны устьев и гирл был поставлен начальник Отдельной Балтийской морской дивизии контр-адмирал С.С. Фабрицкий¹³.

Дойдя до берега Дуная, Центральные державы были вынуждены остановить свое наступление, натолкнувшись на мощную естественную преграду и получив отпор со стороны русской армии. Линия фронта вытянулась вдоль реки, и первые месяцы 1917 года прошли относительно спокойно, нарушаемые лишь локальными стычками, перестрелками и налетами гидроавиации. Весной русское командование планировало начать наступление, которое должно было включать переход войск на правый берег и движение вверх по Дунаю. Предполагавшееся расширение зоны влияния флота требовало и очередной реорганизации управления.

В апреле 1917 г. была вновь учреждена (вернее сказать – восстановлена) должность начальника обороны устьев Дуная¹⁴. До 13 сентября ее занимал капитан 1 ранга [В.И.] Лебедев, а впоследствии – капитан 2 ранга [А.Е.] Тягин. Входящие в отряд силы были выведены из состава Отдельного отряда обороны устьев Дуная и Дунайских гирл и подчинены непосредственно командующему Черноморским флотом. В это же время был создан 10-й дивизион тральщиков Черного моря, а Экспедиция особого назначения переименована в Дунайскую транспортную флотилию. Ее начальник контр-адмирал М.М. Веселкин еще в декабре 1916 г. сдал свою должность контр-адмиралу Д.В. Ненюкову¹⁵. Из сил, не вошедших в состав отряда обороны устьев, была создана Дунайская речная флотилия, начальник которой подчинялся начальнику Отдельного отряда обороны устьев и гирл¹⁶.

В июне 1917 г. Отдельный отряд обороны устьев Дуная и Дунайских гирл был расформирован. Вместо него создали отряд речных сил Дуная. Законодательно это было закреплено приказами верховного главнокомандующего № 422 и № 423 от 10 июня 1917 г. В состав речных сил вошли: Дунайская речная флотилия (отряды мореходных и речных канонерских лодок, 10-й дивизион тральщиков); Дунайская транспортная флотилия, начальнику которой помимо средств бывшей Экспедиции подчинялись также русские и румынские порты и румынские плавучие средства; Отдельная Балтийская морская дивизия; сухопутный дунайский

и румынский отряды и вновь созданный Дунайский речной район службы связи. Во главе речных сил был поставлен вице-адмирал Д.В. Ненюков, находившийся в подчинении у командующего 6-й сухопутной армией, действующей в этом регионе. Штаб речных сил Дуная находился в Измаиле¹⁷.

Это была последняя и наиболее масштабная попытка реорганизации управления морскими силами на Дунае. Насколько она оказалась эффективной, выяснить не удалось. Позиционный характер войны на Дунае сохранялся вплоть до конца 1917 г. Как свидетельствует журнал военных действий отряда речных сил за период с июля по декабрь 1917 г.¹⁸, основная его деятельность в этот период сводилась к разведывательной деятельности и поддержанию линии фронта. Периодические ружейные, пулеметные и артиллерийские перестрелки, отражение налетов неприятельских гидросамолетов и бомбардировка позиций противника на правом берегу. В боевых сводках положение дел описывалось незамысловатой фразой: «в районе Дуная обычная перестрелка».

Наряду с разведкой велась также деятельность по противодействию шпионажу и предотвращению диверсий. В Килии и Измаиле существовали особые отделения контрразведки, контролировавшие весь участок, находящийся в ведение начальника речных сил. В приказах по речным силам Дуная встречаются упоминания о так называемых «адских машинах» – взрывных устройствах замаскированных чаще всего под куски угля или проносимых на суда под видом пассажирского багажа¹⁹. Одно из таких, к примеру, обнаружили на пароходе «Русь»: «...сего числа во время приборки 3-го кл. на п/х. «Русь» был найден под умывальником замаскированный снаряд в виде куска каменного угля неизвестно кем оставлен»²⁰. Интересные сведения содержатся и в рапорте начальника Дунайской речной флотилии от 26 июня 1917 г.: «Во время обстрела Тульчи неоднократно замечалась пометка корректорам, слышались посторонние разговоры и по некоторым сведениям давались неизвестно кем, явно не верные указания стреляющим. Все это указывает на существование шпионажа. Борьба с ним, при условии нахождения жителей на островах, не возможна поэтому желательно удаление жителей из районов боевых участков на несколько верст, запрещение рыбной ловли в местах соприкасающихся с неприятелем и усиленный контроль за перебежчиками»²¹. И это лишь несколько примеров подобных случаев.

Деятельность отряда обороны устьев Дуная в это время сосре-

доточилась на обеспечении безопасности подходов с моря к судходным артериям реки (Сулинское гирло и Потаповский канал Килийского гирла) и конвоировании транспортов, перевозящих войска и грузы военного назначения. Успешно проводилась травление мин, выставляемых германскими подводными заградителями и крейсером «Бреслау». Документальные свидетельства сохранили память лишь об одной трагедии, произошедшей на подступах к Дунаю. 17 июня 1917 г. на пути из Одессы в Сулин в 2,5 милях от маяка Фидониси взорвался на mine заграждения эскадренный миноносец «Лейтенант Зацаренный». Командир миноносца старший лейтенант П.Г. Штильберг, старший офицер лейтенант [С.И.] Бородин и около 30 матросов погибли²².

С конца 1917 г. начались переговоры о прекращении военных действий. В журнале военных действий отряда речных сил Дуная первое упоминание о начале мирных переговоров встречается еще 17 ноября²³. 28 ноября начальник речных сил проинформировал вверенные ему части о заключении временного перемирия до разрешения вопроса о войне и мире Всероссийским учредительным собранием. По условиям перемирия нейтральной зоной в дельте Дуная объявили Георгиевское гирло, через маяк Оленька, находящийся в его устье, прошла демаркационная линия²⁴.

В начале января 1918 г. последовало решение о расформировании отряда речных сил и выводе их с Дуная. Для поддержания порядка до полного вывода войск решено было задержать на Дунае отряд мореходных канонерских лодок²⁵. Дальнейшая судьба моряков, служивших на Дунае, и находившихся там кораблей требует отдельного внимательного исследования.

При рассмотрении деятельности русских военно-морских сил на Дунае в рассматриваемый период обращает на себя внимание запутанная и часто изменяющаяся система управления ими. Эту ситуацию можно объяснить самим положением района боевых действий, который попадал в зону ответственности и сухопутных, и морских начальников; разнообразием выполняемых боевых операций – от поддержки наступления сухопутных армий до операций в прибрежной зоне Черного моря по обеспечению безопасности подходов к устьям Дуная; и, наконец, необходимостью координирования действий с союзниками румынами.

Главным недостатком системы управления являлось отсутствие единого командования. В июне 1917 г., с учреждением дол-

жности начальника речных сил Дуная, была предпринята попытка подчинить все военно-морские силы одному командующему. Это начинание не было доведено до конца, т.к. отряд обороны устьев Дуная не включили в состав речных сил и оставили его в подчинении командующего Черноморским флотом.

В целом боевые действия на Дунае носили для России сдерживающий и оборонительный характер. К заслугам русской армии и флота, без сомнения, следует отнести факт сохранения контроля над районом дельты Дуная, являвшимся важным стратегическим узлом.

Ситуация, существовавшая на Дунае с осени 1916 г. и до конца 1917 г., хорошо иллюстрирует общие тенденции характерные для боевых действий этого периода. К ним можно отнести: создание новых командных должностей и временных войсковых соединений для выполнения локальных задач, периодические смены в руководящем составе и реорганизации управления боевыми силами, отсутствие единоначалия, необходимость тесного тактического взаимодействия разных родов войск.

Внимательный анализ действий военно-морских сил на Дунае позволяет раскрыть причины успехов и неудач всей русской армии в Первой мировой войне.

Примечания

¹ Тюриков С.В. Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 г. – октябре 1915 г. СПб., 2015. С. 39-40.

² Там же. С. 106-108.

³ Козлов Д.Ю. Флот в Румынской кампании 1916 – 1917 годов. СПб., 2003. С. 70.

⁴ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

⁵ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 916. Л. 133 – 133 об.

⁶ Там же. Л. 136 об – 137.

⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 137.

⁸ Там же. Л. 57, 152 – 153.

⁹ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 59. Л. 92 – 93.

¹⁰ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 137 – 143.

¹¹ Там же. Л. 142.

¹² Там же. Л. 177 – 178.

¹³ Там же. Д. 924. Л. 24, 30.

¹⁴ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1246. Л. 42.

¹⁵ Тюриков С.В. Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 г. – октябре 1915 г. СПб., 2015. С. 120.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1245. Л. 77.

¹⁷ Там же. Д. 1246. Л. 6 об – 7; Ф. 715. Оп. 1. Д. 56. Л. 6 – 6 об.

¹⁸ Там же. Ф. 715. Оп. 1. Д. 23.

¹⁹ Там же. Д. 38. Л. 64.

²⁰ Там же. Д. 43. Л. 149.

²¹ Там же. Л. 329.

²² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 124. Л. 284.

²³ Там же. Ф. 715. Оп. 1. Д. 23. Л. 76 об – 77 об.

²⁴ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 225.

²⁵ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1239. Л. 19, 30, 31.

О.Н. Кондакова

**Обустройство российских портов
на побережье Анатолии.
Порт Трапезунд в 1916 – 1918 гг.**

**1. РАЗРАБОТКА ПЛАНОВ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ.
КАРТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ПОБЕРЕЖЬЯ ТУРЦИИ**

В документах Генерального Штаба высшего оперативно-стратегического органа управления военно-морского флота имеется доклад вице-адмирала светлейшего князя А.А. Ливена, возглавлявшего Морской генеральный штаб в 1911 – 1914 гг. В этом докладе, датированном 30 марта 1912 года, Ливен представил секретный план войны России с Турцией на 1912 – 1913 год, одобренный министром И.К. Григоровичем.

По мнению Александра Александровича Ливена у России в 1912 г. были причины начать войну с Турцией. Обоснования этому он находил во внутривосточной обстановке в Турции, а именно подъём национального духа в стране, значительное усиление её армии и флота. Покупка Турцией военных кораблей за границей, заказ новых дредноутов и лёгкого крейсера, а также намерение довести флот до 6 новых линейных кораблей – всё это создавало угрозу российскому преобладанию в Чёрном море. «Если не представляется дипломатическим путём достигнуть ограничения в вооружениях, то мы вынуждены параллельно увеличивать наши морские силы и притом в большей степени, чем турки»¹. Ливен подчёркивал, что начать войну возможно только в 1912 – 1913 гг. – выгода нашего географического положения будет способствовать успеху войны с Турцией. «Для Турции Кавказ удаленная территория, для нас же обладание морем даёт возможность быстрой переброски войск из Крыма или Одессы в любую точку Анатолийского побережья в непосредственной близости к столице империи, т.е. даёт возможность окончить войну одним решительным

ударом».² В плане были представлены предполагаемые операции Черноморского флота: овладение морем и перевозка войск морским путём. Также в своём докладе вице-адмирал Ливен предлагал совместные с армией десантные экспедиции на побережье Анатолии при руководящей роли флота. Пунктами высадки первых экспедиций намечаются порта Батум и Трапезонд.³

Дальнейшие события 1914 – 1916 гг. на Чёрном море показали, что план Ливена был частично реализован в ходе боевых действий 1915 – 1916 гг. Более того, высадка десантов на побережье Лазистана оказалась самой успешной военно-морской операцией в ходе Первой мировой войны.

Подготовка десантных операций требовала информации о состоянии внутренних дел в Турции. Поэтому большое внимание уделялось организации разведки. По мнению вице-адмирала Ливена, «разведка по черноморской десантной операции сосредотачиваться будет не как обычно в Генеральном штабе, а будет сделано исключение и будет передана местным органам. Средства на разведку будут отпускаться по мере надобности из центральных учреждений».⁴

Так возникает в истории разведки интересная личность юнкера флота Иосифа Колларо. В РГАВМФ хранится «Дело юнкера флота Иосифа Колларо».⁵

Колларо Иосиф Николаевич, личный дворянин римско-католического вероисповедания, сын Российского императорского вице-консула в городе Керасунде, который расположен в 75 километрах от Трапезунда. Иосиф Колларо родился 27 февраля 1889 г. в городе Тифлисе. Закончил Лазаревский институт восточных языков.⁶

30 июля 1914 г. Иосиф Колларо подал прошение императору Николаю II: «Имею желание поступить на службу во флот Вашего императорского величества на правах юнкеров. Жительство имею: Суворовский пр., д. 15, кв. 8»⁷. 12 мая 1915 г. в своей докладной записке командиру 2-го Балтийского флотского экипажа И. Колларо писал: «Прошу ходатайства о назначении меня на суда Черноморского флота, где я в настоящий переживаемый исторический момент благодаря своим знаниям языков и края могу оказаться наиболее полезным. К сему прилагаю копию свидетельства о прослушивании курса восточного факультета Петроградского университета от 18 апреля 1914 г. и копию удостоверения (временного заменяющего диплом) об окончании Лазаревского института Восточных языков в Москве от 7 апреля 1915 г»⁸. В результате прошений И. Колларо был направлен на Черноморский флот.

Именно донесения юнкера Колларо давали для разведки ценные сведения на протяжении 2-х лет.

После успешного взятия Трапезунда И. Колларо по просьбе командира Трапезундского порта капитана 1-го ранга Власьева продолжал оставаться в Трапезунде. В своём рапорте от 12 апреля 1916 г. под грифом «секретно», Власьев писал о Колларо командиру Транспортной флотилии: «В совершенстве владеет французским, турецким, греческим и персидскими, и арабскими языками и их наречиями и очень развитый и серьёзный человек. Прикомандирование его к порту не лишит возможности выполнять инструкции лейтенанта Саблина, но даёт возможность ещё шире поставить разведывательную часть и организовать при порте постоянное бюро могущее добывать весьма ценные сведения о противнике»⁹. В дальнейшем, на протяжении осени 1916 г. И. Колларо находился в распоряжении командира порта и выполнял задания штаба армии и штаба Черноморского флот.¹⁰

Генеральный Штаб пользовался услугами торговых агентов, которые доставляли сведения о происходящих событиях в городе Трапезунде. Такого рода документы освещали подробности внутренней жизни Турции, передавали настроения населения и многое другое. В фонде Генерального штаба РГАВМФ хранятся донесения агента Русского Общества пароходства и торговли в Трапезунде Прассино.¹¹ Правление русского Общества пароходства и торговли сообщало в Морской Генеральный Штаб от 6 мая 1916 г., что все донесения «агентов, в особенности, в которых сообщается что-либо касающееся войны, считаются секретными и никакой огласке не предаются»¹².

В июле 1915 года в Трапезунде и в прилегающих к нему селениях началась армянская резня. «Описать её положительно невозможно, настолько она была жестока и отвратительна. Варфоломеевская ночь в сравнении с этой резнёй была игрушкой; было вырезано более 10.000 армян, не пощадили ни женщин, ни стариков, ни даже малолетних детей, служащий Агентства Карапет Кешинян, также был убит. После резни пошёл форменный грабёж их имуществ. Ценные вещи вроде драгоценностей, ковров, серебра и тому подобных вещей были увезены турецкими властями, а остальное – чернью»¹³.

В планах Генерального штаба и запискам отдельных официальных лиц относительно войны с Турцией Трапезунд всегда фигурирует, как одно из предполагаемых приобретений. Начиная с 1903 года составлялись карты Анатолийского побережья, соби-

рались сведения как экономического, так и этнографического характера о населении Анатолии.

Интересна хранящаяся в фонде Генерального штаба «Записка о границе наших предполагаемых приобретений в восточной Анатолии (автор не установлен) март 1916»¹⁴. Содержание данной записки совпадает с решениями известного соглашения между Россией и Францией о разделе Азиатской Турции, которое было заключено 13 (26) апреля 1916 г. По этому соглашению Россия получала области Эрзерума, Трапезунда, Ванна и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда.

2. ТРАПЕЗУНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 23 ЯНВАРЯ (5 ФЕВРАЛЯ) 1916 – 5 (18) АПРЕЛЯ 1916

Итак, в истории Первой мировой войны Трапезундская операция известна как успешная операция армии и флота по захвату Анатолийского побережья. Русская армия и флот взяли позиции от Хопы, Архаве, Вице, Гаре, Биюк-Дере, Атина, Липари, Калапотамос, Оф, Хамуркан, Янук-Дере, Трапезунд.¹⁵

Первые сведения о взятии Трапезунда сообщили агенты Русского Общества пароходства и торговли: «7-го апреля сего года, благодаря доблести наших войск, мы были освобождены от 18-ти месячного плена у турок. Город сдался без сопротивления, так как после боя у реки Кора-Дере часть турецких войск начала отступать к Бай-Бурту, а остальная часть вместе с турецкими властями покинула город накануне её сдачи»¹⁶.

Первую оценку Трапезундской операции дал адмирал Русин, начальник Морского штаба Верховного Главнокомандующего: «Морская часть операции была наиболее важной, так как сухопутная армия была стеснена горной местностью и отсутствием дорог. Приморский отряд сухопутной армии мог наступать только при поддержке судового огня»¹⁷. В фондах архива сохранились документы, свидетельствующие о мужестве моряков, проявленном при подвозе и высадке десанта на Лазистанском побережье.

В рапорте начальнику Морского штаба Верховного Главнокомандующего командующий Черноморского флота адмирал Эбергард от 12 апреля 1916 г. дал следующую оценку Трапезундской операции. По его мнению, план операции был принят для флота самый невыгодный, «заключавшийся в постепенном продвижении по берегу, последовательно беря в лоб одну позицию за

другой. При этом плане требовалось от флота постоянное прикрытие наших позиций от нападений неприятельских судов, поддержка огнём наступления правого фланга и переброска ряда небольших десантов в тыл неприятельского расположения»¹⁸.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОРТОВ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АНАТОЛИИ. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ ПО СОЗДАНИЮ ПОРТА

Особенностью организации и обустройства портов было соединение усилий трёх ведомств: военного, морского и министерства торговли и промышленности.

Портовые работы находились в ведении министерства Торговли и Промышленности. Командир Трапезундского порта отвечал за разгрузочные работы перед начальником Транспортной флотилии¹⁹ и был подчинён Командующему Черноморским флотом.

Во всех занятых портах практически отсутствовали портовые сооружения. Для их строительства 20 апреля 1916 г. министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховский сделал распоряжение о немедленном выезде в порт Трапезунд начальника работ Керченского порта инженера Тагеева и начальника работ Евпаторийского порта инженера Илькевича, бывших начальников портов на Кавказском побережье и потому знакомых с местными условиями возведения портовых сооружений в восточной части побережья Чёрного моря. Средства на строительство портов выделялись по просьбе командира Трапезундского порта. Обоснование количества средств исходило из смет, которые составлял Строитель порта Ризе и Трапезунда.²⁰

Новый этап в управлении портом наступает после совещания от 5 февраля 1917 г. Совещание состоялось под председательством начальника отряда судов и портов Восточной части Чёрного моря контр-адмирала князя Путятина. На совещании присутствовали инженеры путей сообщения Руммель, Курилёнок, Покровский – представители министерства торговли и промышленности.

Представители морского ведомства: командир временного военного Трапезундского порта, капитан 1-го ранга И.В. Никанов; флаг-капитан штаба Начальника отрядов судов и портов Восточной части Чёрного моря капитан 1-го ранга Свинына. Было решено учредить одно Управление работ Трапезундского и Платанского портов. Во главе Управления должен стоять начальник работ,

который является распорядителем всех строительных кредитов в порту и получает кредит по частям, по мере надобности, от начальника отрядов судов и портов Восточной части Чёрного моря.

Учреждается Совещание под председательством командира Трапезундского военного порта из представителей заинтересованных ведомств с непременным участием начальника работ и Инспекция за портовыми работами в лице Начальника работ Новороссийского и Туапсинского портов.

Таким образом, к 1917 г. роль командира Временного военного Трапезундского порта значительно была сокращена.

Адмирал Колчак в своей телеграмме от 1 марта 1917 г. пишет начальнику Генерального штаба вице-адмиралу А.И. Русину и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу : «Посетив Трапезунд и переговорив с представителями флота, портостроительства и Кавказской армии я признал совершенно необходимым произвести расширение порта Трапезунд. Работу эту я нашёл возможным принять на Черноморский флот... Возложение ответственности и распоряжения кредитами на строителя порта инженера путей сообщения Покровского. Это решение мною доложено Августейшему Главнокомандующему Кавармии и им одобрено. Приблизительно стоимость расширения порта исчисляется в 2.200.000 рублей, которые мною будут отпущены из военного фонда по составлению проекта. В настоящее время Кавказской армии отпущено заимообразно 500.000 рублей и мною приказано приступить к работе теперь же. 20 час. 45 мин. 1 март 1917 г. Колчак»²¹.

14 марта 1917 г. от начальника работ Трапезундского и Платанского военных портов инженера путей сообщения Покровского военноморскому министру А.И. Гучкову последовала жалоба. Покровский обвинил чиновников морского ведомства в плохой организации работ Трапезундского порта и предложил передать строительство порта в министерство торговли и промышленности.

28 апреля 1917 г. морской министр сообщил министру торговли и промышленности А.И. Коновалову, что без предварительного мнения командующего Черноморским флотом Трапезундский порт, вследствие большого значения порта для военно-морской обстановки на Чёрном море, передать в Министерство торговли не может. «В настоящее время получена телеграмма Начальника штаба Командующего Черноморским флотом, в которой сообщается, что адмирал Колчак считает вполне целесообразным передачу постройки Трапезундского порта министерству Торгов-

ли и Промышленности и что им это дело было принято в свои руки только по настоянию Главнокомандующего Кавказской армии. Подписал М. Кедров, начальник Генерального Штаба»²². Таким образом, именно, Колчак закончил историю Трапезундского порта в составе Морского ведомства.

Теперь все денежные обороты и вещевые капиталы подчинялись фактической Ревизии государственного контроля по правилам, установленным в приморских торговых портах Министерства торговли и промышленности. В результате с мая 1917 года идёт сокращение строительных программ и финансирование работ со стороны военно-морского министерства.

Особенностью внутренней организации и устройства порта является тот факт, что в составе российских оккупационных войск преимущество принадлежало сухопутным частям. В апреле 1916 г. в порту находились 27-я пехотная дивизия, Одесский морской батальон, 1-й батальон Черноморского флота, вольнонаёмные рабочие военного ведомства. В Платане располагался авиационный отряд «Третий Южный».²³ На 1 октября 1916 г. из 1574 человек, находящихся в подчинении командира порта морских было 26. Военнопленных турок было 1583 человека, которые также подчинялись командиру порта.²⁴ В подчинении командира Временного Трапезундского военного порта находились несколько сухопутных частей, также морские силы, тяжёлая батарея особого назначения, отдельная береговая батарея.²⁵ Работа по обустройству велась интенсивно силами сухопутной армии и вольнонаёмными, но под началом морского ведомства. Число и состав населения порта постоянно менялся, но оставалась основная проблема – это отсутствие квалифицированной рабочей силы. В рапорте отрядного интенданта Приморского отряда от 25 апреля 1916 г. начальнику Временного Трапезундского порта капитану 2-го ранга Власьеву сообщается: «В городе рабочих нет, все жители работают на постройке дорог, инженерных сооружений и хлебопекарен, увеличить состав рабочих всеми принятыми мерами не могу»²⁶.

Командирам порта приходилось организовывать свою работу при недостатке рабочей силы в кратчайшее время, и это возможно было только при условии соблюдения строгой дисциплины и точной организации. Командир порта Лукин писал: «Небольшими силами флота нужно было снабдить Кавказскую армию продовольствием и боеприпасами... Матросы Черноморского и солдаты Одесского морского батальона работали с 4-х часов утра до позднего вечера, никаких праздников, никакого отдыха, никакого

почёта. Лучше всего работали военнопленные турки, они хорошо знали специфику разгрузочных работ и работали добросовестно. Но при благоприятных обстоятельствах могли сбежать. Сама разгрузка судов должна была происходить быстро и слаженно и силами ограниченного контингента; объёмы разгружаемого товара были очень большими и противоречили всем условиям нормальной разгрузки. Разгрузочные работы можно было производить только в штилевую погоду. Поэтому, прежде всего, необходимо было оснастить гавань»²⁷.

Для бесперебойной работы командирам порта приходилось продумывать и составлять инструкции. В инструкции командиру Черноморского Морского батальона от 05 июля 1916 г. указывалось: «Расположить батальон лагерем вблизи разгрузочной гавани; назначить в 2 смены нижних чинов на 50 ботов Морского батальона; иметь ежедневно дежурную рабочую часть в 100 человек; нести караульную портовую службу; нижних чинов после захода солнца в город не увольнять; объяснить нижним чиновам, что всякое мародёрство в городе, кража с ботов наказывается поркой виновного пойманного на месте преступления; виду плохого качества местной воды, установить в лагере чаны с кипячёной водой»²⁸.

В результате напряженной деятельности за 5 месяцев к 20 августа 1916 года было расчищено помещение мастерских. 15 сентября открылась токарно-слесарная мастерская; приступили к обустройству лесного склада; сформирован штат всех служащих: слесарей, кузнецов, плотников, шлюпочников, котельщиков, токарей, молотобойцев, маляров, монтеров, мотористов; начали строить прибрежную железную дорогу на Батум; была построена дековилька – дорога, по которой ходил паровоз («кукушка») и т.д.²⁹

4. СЛОЖНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОРТА ТРАПЕЗУНД. КАРТА ЗАЛИВОВ ТРАБЕЗОНД, РИЗЕ, ПЛАТАН

В записках Вениамина Константиновича Лукина от 28 мая 1919 г. есть сведения о природных условиях портов Анатолийского побережья. Имеющиеся в архиве карты порта Трапезунд подтверждают мнение Лукина о сложных природных условиях, так как порт был закрыт только с юга, «просто можно сказать, что ни гавани, ни залива, ни бухты не было – открытое свободное море с мелким берегом; места красивые и очень удобные для морских купаний и только»³⁰. Также были плохие подходы для кораблей: мелководье и песок, трудно подойти и трудно заякориться; место

было не защищенное и корабли в случае непогоды уходили переждать в другой порт (Платан). Как подтверждение этому в фонде Трапезундского порта сохранилось большое количество дел о судах, разбитых штормами.

30 ноября 1917 г. на берег в пяти верстах от селения Элеу штормом была выброшена шхуна «Евангелистрия» и бот № 29. Бот удалось стащить с помощью катера. «Что касается шхуны «Евангелистрия», то она представляет грудю обломков, годную только на дрова. Мотор при обследовании берега найден не был»³¹. В приказах командира порта имеется большое количество приказов о наказаниях за порчу судна, за постановку судна на мель. По каждому случаю проводилось расследование о причинах повреждения судна.³²

Существовала ещё одна сложность в организации порта – сложность в отправке и принятии грузов, которая объяснялась не только объективными условиями, но и простым человеческим фактором. Проследить сохранность грузов при большом грузообороте и срочной отправке с правилами, которые применялись в коммерческом флоте было невозможно. Поэтому командир порта С.Н. Власьев предлагал начальнику штаба командующего Транспортной флотилии ввести в порту новую должностную единицу – обер-аудитора для производства следствия. «Задержка в выгрузке не в нас, а в отсутствии рабочих и приёмщиков на берегу – интендант просит не разгружать сразу более одного транспорта, я же тороплю изо всех сил, не желая подвергать излишнему риску транспорты от атак подводными лодками на совершенно незащищённом рейде». О местных рабочих Власьев отзывается привычно: «местные рабочие – дрянь, так как остались только ленивые греки, а турки уведены с собой войсками»³³.

С первых дней организации порта необходимо было довести до сведения каждого чёткие правила жизни. Поэтому в приказах постоянно давались инструкции и объявлялись дисциплинарные наказания за их нарушение.

Согласно Инструкции о поведении нижних чинов в городе выйти в город можно только по увольнительной записке за подписью офицера и в военной форме.

Также существовали наказания за появление в гражданском платье или за небрежный вид, наказание розгами нижних чинов за мародёрство, причём это касалось как военных, так и морских нижних чинов. Кроме того турецкую мебель рекомендовалось сдать коменданту города и брать только под расписку, а в случае ненадобности или отъезда сдать коменданту.

В приказе главнокомандующего Кавказской армией от 12 мая 1916 г. «О сохранении земельной собственности на занятых территориях в пользу коренного населения» говорилось, что земли, которые фактически оказались брошенными должны были сдаваться в аренду местному населению и армии».³⁴

5. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЗАЩИТЕ АНАТОЛИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Мероприятия по защите портов на Анатолийском побережье проходили в обстановке строгой секретности. На этот счёт существовало большое количество инструкций и приказов. Среди них – Инструкция для дежурных офицеров в разгрузочной гавани, Инструкция для дежурных офицеров на пассажирской пристани. Категорически запрещалось передавать незашифрованные телеграммы.

В сборе разведывательных данных участвовал отдельный летучий гидроотряда «Платан». Район разведки от Оффы до границы с территорией, занятой турецкими войсками.³⁵

Наблюдательные посты находились в Атине, Хамуркане, Сурмине, Визе (Вице), Пироните, Мепаври, Офи, Макриоле. Все сведения о перемещении вражеских кораблей, подводных лодок и просто судов, которые не имели разрешения на плавание, передавались в порты.³⁶ В охране Трапезундского порта участвовали миноносцы: «Строгий», «Сметливый», «Зоркий», «Звонкий», «Заметный», транспорты: № 8, 9, 13, 17, 22, 37, 42, 44; впервые были использованы пеленгаторы. В порту находились подводные лодки: «Скат», «Налим»³⁷.

Постоянно шло наблюдение с позиций военных частей, береговых батарей. Командиры береговых батарей внимательно следили за передвижением различных судов и сообщали командиру порта.

Оперативная часть тыла Черноморского флота также требовала от командира порта Трапезунд соблюдения правил передвижения военных и гражданских лиц, как на судах, так и сухопутным путём. Все моторно-парусные суда должны были предъявлять свои документы и, получив разрешение на отход, сниматься в назначенный час, так как «за этим следили очень строго».³⁸

В приказе по порту от 30 октября 1916 г. объявлялось, что для обеспечения собственной безопасности, жители города обязаны были в окнах домов, обращённых к морю не зажигать ночью свет.³⁹

6. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ПОРТА ТРАПЕЗУНД

В 1916 – 1918 гг.

Вениамин Константинович Лукин в своих записках писал, что местный климат также не располагал к удобству обустройства портов. Весной и летом сыро, хороши только два осенних месяца. Зимой оспа, весной лихорадка, к осени – «хава» – помесь тифа с лихорадкой. Умиряли от холеры, дизентерии. В Трапезунде остались 2 братских кладбища. Были развёрнуты госпитали и временные лазареты.

Особенно сложно было организовать санитарно-гигиеническую службу в условиях нехватки специалистов и скученности населения. Капитан 2-го ранга Власьев в своём письме к Александру Ювенальевичу Зуеву (главному санитарному инспектору) об условиях порта написал следующее: «За 5 дней, что я команду здесь портом, я со всех сторон слышу, что Трапезунд является очагом заразы, что здесь свирепствует сыпной тиф и холера. Гигиенические условия как во всех турецких городах ужасные. Канализация примитивная, бани отвратительные, всюду грязь, вонь»⁴⁰.

В рапорте врача Трапезундского порта в ноябре 1916 г. командиру Временного Трапезундского порта коллежский советник, врач Лесников пишет о непрестанной борьбе с местной болезнью хава и со всеми тремя видами тифа. Поэтому также составлялись инструкции на случай холеры или несчастного случая.⁴¹

В городе Трапезунде находился 158-головной эвакуационный пункт, который включал в себя другие временные полевые госпитали. Задача этого госпиталя заключалась не только в лечении раненых солдат и матросов, но и борьба с эпидемиями в городе и на фронте. Головной пункт располагал необходимыми средствами для борьбы с инфекциями: санитарный транспорт, отдельные помещения для зараженных больных, дезинфекционный отряд. Всероссийским Союзом городов была оборудована войсковая баня № 2 для нужд гарнизона по ул. Туркестантской, дом 49.

К 1917 году ситуация несколько улучшилась. Предприняты были меры по быстрой ликвидации вспышек заболеваний. В санитарном отчёте за 1917 год сообщается, что в течение апреля в Трапезунде эпидемия сыпного и возвратного тифа значительно ослабла. Среди морских команд заболеваний тифом не было. В Трапезунде скопилось огромное количество больных с фронта, особенно цинготных. Госпитали были переполнены, так что больные оставались под открытым небом. Началась усиленная эвакуация

в Батум, всего было перевезено свыше 10000 человек. Теперь Батуми оказался в критическом положении. Так говорилось в отчёте контр-адмирала Путятина.⁴²

Решалась и основная проблема жизни и смерти. Командирам портов начальникам частей от начальника Транспортной флотилии контр-адмирала Хоменко направлена телеграмма, согласно которой, организация похорон возлагалась на командиров портов. Все вопросы о регистрации могил моряков с затонувших транспортов, установка на могилах крестов с надписями, точное местонахождение могил решались командиром портов.⁴³

Для устройства мирной жизни на завоёванной территории требовалось от российских властей большой такт и терпение. В условиях, когда российские части не были однородны, создать порядок в период отсутствия боевых действий, было очень сложно. Российские оккупационные власти прилагали все усилия для того, чтобы наладить мирную жизнь в городе и не обидеть местных жителей. Для налаживания отношений с мирными жителями необходимо было сохранить, прежде всего, порядок в городе и дать возможность местным жителям заниматься привычным трудом.

Поэтому в 1916 г. был разработан проект правил для производства ловли рыбы в районе Временного Трапезундского порта. В мае 1917 г. были уже подготовлены и отпечатаны билеты для рыбаков.⁴⁴

Среди документов архива хранится незаполненный билет, который выдавался рыбакам командиром Трапезундского порта. Правила производства ловли рыбы в районах временного порта дополнялись в зависимости от ситуации: нельзя выходить в море ночью; ловец, сдавший большее количество рыбы может повысить цену на улов и т.д.

Для поддержания порядка в городе и порту первоочередной задачей было запретить пьянство и продажу спиртного. О запрете пьянства постоянно повторялось в приказах: «Кто пьянствует во время войны – тот является нарушителем Царской воли».⁴⁵ В городе был введён запрет на продажу спиртного. В приказах командира порта встречается часто наказание на 30 суток за появление в пьяном виде.

Ещё в сентябре 1916 г. участились жалобы на чайную «Петроград» на улице Романовской, «где пьянствуют нижние чины и учиняют часто буйство и драку». 22 сентября 1916 г. это заведение было закрыто.

Глава города, представитель российской власти совместно с

командиром Трапезундского порта должен был улаживать различные конфликтные ситуации. Среди документов порта сохранилось прошение жителя города Батума Мирана Погосовича Паригентаньяна, который предлагал свои услуги по ускоренной полной выгрузке по 10 копеек с пуда. За простую выгрузку он просил по 3 копейки с пуда. На данном прошении Власьев оставил свой комментарий. «Никаких средств у г. Паригентаньяна нет, цель его взять условие и передать другому. Сорвать хороший куш»⁴⁶.

В 1917 г. Трапезундский порт «переживал» все трудности революционного времени. Но революционные события в феврале 1917 г. в завоёванных портах не повторились в таких трагических формах, как это было на флотах в России. В приказах капитана 2-го ранга Пышнова (в июне 1917 г. он занимал должность капитана над портом), основной задачей было поддержание порядка. Из приказа по Трапезундскому укрепленному району от 18 ноября 1917 г.: «Каждая кража не только клеймит позорной кличкой «вора» совершившего её, но также порочит и часть такого чина, и доброе славное имя «русского солдата». Капитан 2-го ранга Пышнов».⁴⁷

На протяжении 1916 – 1917 гг. порт Трапезунд стабильно выполнял свои задачи, связанные с обеспечением Кавказской армии продовольствием и оружием.

Причина оставления русскими войсками Анатолийского побережья – подписанный 3 марта 1918 г. Брестский мир. Статья 4 мирного договора гласила: «Россия сделает все, что в её силах, чтобы обеспечить скорый вывод войск из западных провинций Анатолии и их возвращение Турции. Ардаган, Карс и Батум будут незамедлительно освобождены от российских войск». 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась мирная конференция между Турцией и Закавказьем.

В феврале 1918 года начинается эвакуация портового управления, которое переезжало в Севастополь. Значительная часть имущества портового хозяйства осталась на территории Турции.

Так закончилась история Трапезундского порта.

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 204.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же Л. 6 об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 4076.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же Л. 3.

⁸ Там же Л. 27.

⁹ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 8.

¹⁰ Там же. Л. 99.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 905 Л. 19.

¹² Там же Л. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 208.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 167. Л. 20.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 905. Л. 20.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп.1. Д. 37. Л. 45 – 46 об.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 167. Л. 211 об. – 212.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 418, Оп. 1. Д. 885. Л. 2.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 418, Оп. 1. Д. 885. Л. 4, 11.

²¹ Там же. Л. 37.

²² Там же Л. 38, 51, 52.

²³ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 1.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 15. Л. 129.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 609. Оп.1. Д. 918. Л. 47 – 47 об.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

²⁷ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 92. Л. 3, 4.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп.1. Д. 918. Л. 47 – 47 об.

³⁰ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 92. Л. 8.

³¹ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 69. Л. 25.

³² РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 – 36.

³³ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 4. Л. 49 – 50.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 17 – 17 об., 20, 23 – 23 об., 30 об., 35 – 38.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 3.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 16.

³⁷ РГАВМФ. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 8.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 72.

³⁹ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Л. Л. 2 об.

⁴⁰ Рукописные документы Власьева // РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Л. 128, 129.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

⁴² РГАВМФ. Ф. 609. Оп.1. Д. 1249. Л. 214 об.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2. Л. 271 об.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 4. Л. 291, 319. Д. 27. Л. 334а, 377.

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 333.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

О.А. Зотова

**К 100-летию гибели
линейного корабля «Императрица Мария»:
события 7 (20) октября 1916 г. на Севастопольском
рейде в рапортах врачей, оказывавших первую
медицинскую помощь пострадавшим при взрыве**

Трагическая гибель линейного корабля «Императрица Мария» всегда привлекала особое внимание всех интересующихся историей отечественного флота. К сожалению, в тени интереса к причинам катастрофы остались многие нюансы тех событий. В частности, исследователи не уделяли должного внимания выводам, сделанным моряками «по горячим следам», а потому актуальным для продолжавшейся Первой мировой войны. Одними из первых такие выводы постарались сделать служившие на флоте врачи, которые получили горький опыт столь громадных небоевых потерь непосредственно в главной базе Черноморского флота¹.

Сразу после трагедии флагманский врач штаба командующего флотом Черного моря статский советник Евгений Кириллович Яблонский распорядился собрать сведения о событиях того дня. По его инициативе врачи, фельдшеры и санитарные кондукторы, принимавшие участие в оказании помощи пострадавшим при взрыве и пожаре на корабле, представили ему подробные рапорты и докладные записки, в которых зафиксировали известные им подробности, связанные с гибелью линкора, и ответили на поставленные Е.К. Яблонским вопросы. Благодаря этому в нашем распоряжении оказалась интересная подборка документальных материалов, позволяющая увидеть катастрофу с точки зрения морских врачей².

Напомним, что первый взрыв произошел в 6 часов 20 минут 7 (20) октября 1916 г., вскоре после пробуждения. Почти час продолжалась борьба за живучесть корабля, прерываемая постоянными взрывами. В 7 часов 16 минут линкор начал переворачиваться

через правый борт и вскоре скрылся под водой³. Из более, чем тысячного экипажа корабля, погибло не менее 220 человек, десятки получили серьезные ранения и ожоги⁴.

Старшим врачом линейного корабля «Императрица Мария» служил коллежский советник Николай Македонович Марков, имевший опыт оказания помощи раненым в начальный период обороны Порт-Артура⁵. Утром 7-го октября он был на берегу. Узнав о взрыве, он направился на гидроавиатранспорт «Император Николай I», где, как ему стало известно, находилось много раненых⁶.

Таким образом, заботы об оказании помощи раненым и обожженным непосредственно на борту линкора «Императрица Мария» легли на плечи младшего судового врача Михаила Силовановича Муджири и его помощников: фельдшера Тимофея Гладкова, санитарных унтер-офицеров Владимира Брустмана и Алексея Вавилова, дежурного санитаря Максима Стопчинского, санитаров Феодосия Аргата, Алексея Колпакова и Трифона (Трофима) Филимонова. По оценке М.С. Муджири, их совместными усилиями на борту корабля до его гибели была оказана первая помощь не менее чем 50 – 70 матросам.

Необходимо сказать несколько слов о человеке, который оказался в критический момент во главе медицинской службы корабля. Михаил (Михако) Силованович Муджири родился 4 февраля 1887 г. Происходил из крестьян, уроженец Тифлисской губернии. Окончил два курса Императорской военно-медицинской академии и 30 апреля 1916 г. был переведен на третий специальный (ускоренный) курс. 10 мая того же года был зачислен в резерв врачей Кавказского военно-санитарного управления с утверждением в звании зауряд-врача 1-го разряда. Вскоре был переведен в распоряжение морского ведомства и с 1 июня 1916 г. назначен младшим врачом 1-го Балтийского флотского экипажа⁷. С 21 июня того же года его переводят в Черноморский флотский экипаж⁸ и вскоре назначают младшим врачом на линейный корабль «Императрица Мария»⁹. Таким образом, речь идет о 29-летнем зауряд-враче с неоконченным высшим образованием и не очень большим практическим опытом.

Служебный день матросов начинался раньше, чем у не находящихся на вахте офицеров, поэтому взрыв застал М.С. Муджири еще спящим. Наскоро одевшись, он прибежал в приемный покой лазарета, где застал дежурного санитаря М. Стопчинского. Вскоре появились фельдшер и остальные санитары, жившие не-

далеко от лазарета. Через несколько минут прибежали первые 10 – 15 обожженных. Им немедленно были наложены тампоны с лекарством¹⁰ и заранее приготовленные асептические повязки. Все перевязанные были отправлены на палубу для дальнейшей транспортировки в Севастопольский морской госпиталь.

Когда закончились перевязочные средства, пришлось использовать запас из главного перевязочного пункта корабля. При этом один из мешков с материалами был отправлен на верхнюю палубу, где санитарный унтер-офицер А. Вавилов оказывал помощь тем, кто не мог спуститься в лазарет.

Когда раненые перестали приходить в лазарет, М.С. Муджири со своими помощниками поднялся на верхнюю палубу. В своем рапорте флагманскому врачу Е.К. Яблонскому он так описывал свои дальнейшие действия: «Здесь я застал несколько человек с пылающим платьем, с которых офицеры и команда срывали и срезали одежду. По возможности всем им наложили повязки и отправили в госпиталь. К сожалению, не было физической возможности оказать всем пострадавшим помощь, ввиду чего многие отправлялись в госпиталь без повязки. Т.к. эти были более или менее в силах владеть собой, я поспешил внутрь корабля искать более тяжелых больных, где они могли остаться без всякой помощи, будучи не в силах явиться сами. На палубе остались фельдшер и сан[итарный] ун[тер-]оф[ицер]. Я спустился по правому кают-компанейскому трапу, как наиболее ближайшему и направился к носовой части корабля, где произошел взрыв. Пройдя офицерский камбуз, я заметил в проходе двух лежащих матросов. Недалеко от этого места пылало пламя. Подбежав к первому и ощутив пульс, зрачки и дыхание, нашел, что он был мертв. Второй же находился в бессознательном состоянии; при беглом осмотре я обнаружил ушиблено-рваную рану в области височной части головы. Т.к. поблизости все время происходили взрывы, я оттащил его шага на три дальше и, наложив на рану асептическую повязку и туго забинтовав, взял его под мышку и в таком положении потащил его на палубу; по трапу мне уже помогли поднять раненого на палубу. [...] ... я вновь поспешил внутрь корабля; добежал до приемного покоя, тут никого не было, дошел до выше упомянутого камбуза; идти дальше не было возможности из-за темноты и дыма; обошел вокруг камбуза, таким образом, перешел на левую сторону. В это время корабль начал крениться вправо, и я поспешил выйти из корабля на палубу. Внутри корабля в это время никого не встретил, хотя тяжелораненых мог и не

заметить вследствие темноты и дыма»¹¹. Линкор начал переворачиваться. М.С. Муджири попытался проползти по борту на обнажающееся днище, но добрался только до скулового килля и сорвался в воду и был увлечен водоворотом. С трудом выбравшись на поверхность, он смог добраться до катера и, в конце концов, оказался на крейсере «Память Меркурия»¹². В дальнейшем М.С. Муджири был прикомандирован к госпитальному судну «Император Петр Великий».

Раненых с «Императрицы Марии» отправляли в Севастопольский морской госпиталь и на стоявшие неподалеку госпитальное судно «Император Петр Великий», линейные корабли «Императрица Екатерина Великая» и «Евстафий», и гидроавиатранспорт (посыльное судно) «Император Николай I». Для перевозки использовались катера и шлюпки, присланные со всех ближайших кораблей и судов. Так с гидроавиатранспорта «Император Николай I» два спасательных бота, шестерка и катер были отправлены уже через пять минут после первого взрыва, с госпитального судна «Император Петр Великий» восемь шлюпок – через восемь минут, со стоявшего у госпитальной пристани посыльного судна «Алмаз» – баркас, баржа и шестерка на буксире парового катера – через десять минут.

Согласно рапорту судового врача гидроавиатранспорта «Император Николай I» лекаря Глеба Михайловича Славского, большинство доставленных на корабль пострадавших первоначально расходились по матросским кубрикам с целью согреться и лишь после начали приходить в перевязочный пункт, который вскоре оказался переполненным. По мере перевязывания, раненых размещали в находившихся недалеко от лазарета каютах второго класса, где специально назначенные матросы обеспечивали их питьем.¹³

На линейном корабле «Императрица Екатерина Великая» удалось открыть два перевязочных пункта (центральный и в приемной врача). Всего на борт линкора было доставлено 197 пострадавших, из них лишь 35 человек нуждались в оказании медицинской помощи. Перевязанных размещали в лазарете, в каютах и в кают-компании, на палубе которой был разостлан брезент. Старший судовой врач корабля надворный советник Валериан Валерианович Лютынский в своем рапорте отметил помощь, которую оказали находившиеся в лазарете больные. Весь санитарный персонал проявил инициативу, в частности второй перевязочный пункт был открыт фельдшером 1-й статьи Степаном Токаревым.¹⁴

На борт госпитального судна «Император Петр Великий» было доставлено 36 раненых, из них трое в очень тяжелом состоянии. На помощь медицинскому персоналу вскоре прибыли врачи с других кораблей и судов. Например, коллежский асессор Павел Иванович Плищенко (посыльное судно «Алмаз»), лекарь Владимир Владимирович Попов (линейный корабль «Синоп»), лекарь Неелов (крейсер «Прут») и др., в том числе, военный врач коллежский советник Линицкий. К полудню были завершены операции и сделаны повязки.

Основное количество раненых было доставлено в Севастопольский морской госпиталь¹⁵. Согласно рапорту главного доктора тайного советника Эдуарда Эмильевича Кибера до 11 часов утра поступило 317 человек, из них 186 имели тяжелые ожоги. К концу следующего дня скончалось 22 матроса.

8 октября тайный советник Э.Э. Кибер попросил перевести часть пациентов госпиталя на борт госпитального судна. Что и было сделано с разрешения командующего Черноморским флотом вице-адмирала Александра Васильевича Колчака и согласия главного доктора госпитального судна «Император Петр Великий» Иосифа Яковлевича Бильвайса. Общее количество согласовано не было. В результате из госпиталя было прислано 119 раненых (из них 74 тяжелых), что радикально ухудшило ситуацию на госпитальном судне. Флагманский доктор Е.К. Яблонский так описывал свои впечатления в рапорте главному санитарному инспектору флота Александру Ювеналиевичу Зуеву: «Отовсюду неслись стоны, бред; обожженных по очереди относили на простынях (чтобы избавить от лишних мучений при перекладке на носилки и обратно) в перевязочную; вид обожженных мест, распространность ожогов – все это для непривычного создавало тяжелое впечатление»¹⁶.

9 октября госпитальное судно «Император Петр Великий» посетил товарищ морского министра вице-адмирал Петр Петрович Муравьев в сопровождении Э.Э. Кибера и остался очень недовольным увиденным. Флагманский доктор Е.К. Яблонский обратился непосредственно к вице-адмиралу А.В. Колчаку, который, узнав о сложившейся ситуации, «высказал по этому поводу свое неудовольствие, сказав, что он разрешил перевести лишь небольшое число, чтобы облегчить госпиталь, но вовсе не желал этим сильно создавать на «Императоре Петре Великом» тяжелую обстановку». После этого А.В. Колчак приказал Е.К. Яблонскому

«отобрать на «Императоре Петре Великом» более легких раненых и свезти их обратно в госпиталь, что и было исполнено»¹⁷.

Таким образом, к 10 октября на госпитальном судне осталось 115 человек, для которых перевозка снова в госпиталь была уже небезопасной для здоровья.

Как говорилось в начале статьи, флагманский доктор Е.К. Яблонский распорядился всем врачам и фельдшерам, оказывавшим медицинскую помощь пострадавшим, представить подробные рапорты и докладные записки с описанием своих действий и ответами на поставленные перед ними вопросы. Его интересовало, какие именно медикаменты и перевязочные средства были использованы, какие из применявшихся систем носилок оказались более удобными, необходимо ли изменение боевых расписаний на кораблях.

Внимательно изучив полученные материалы, флагманский доктор в своем рапорте главному санитарному инспектору флота А.Ю. Зуеву положительно оценил работу медиков, особо отметив их подготовку и взаимовыручку. В то же время, он обратил внимание на некоторые недостатки снабжения и организации медицинской части флота. Например, применение носилок Красного Креста практически всеми было признано неудобным, в первую очередь из-за узких проходов на кораблях. На практике обнаружилось, что вскрытие упаковки с готовой повязкой для ран и ожогов требует применения особых усилий, что замедляет оказание первой медицинской помощи пострадавшему. Флагманский доктор также внес ряд предложений по изменению боевого расписания. По его мнению в экипажах следовало назначить особых лиц, которые заведывали бы своевременной посадкой раненых на шлюпки в момент оставления корабля. Е.К. Яблонский также предложил создать особые спасательные партии на судах, которые были бы снабжены спасательными поясами, носилками и пр., чтобы при необходимости оказания помощи другому кораблю или судну фельдшеры и санитары были бы готовы отправиться незамедлительно. Отдельно было указано на необходимость введения опознавательных табличек («ладанки») для матросов.

Таким образом, в исследованных документах мы можем увидеть не столько эмоции, сколько профессиональный анализ возникших проблем и трудностей, направленный на совершенствование медицинской части на боевых кораблях флота.

Примечания

¹ Невозможно не вспомнить о катастрофе, случившейся в Архангельском порту 26 октября 1916 г., – взрыве парохода «Барон Дризен». Было бы интересно провести анализ того, насколько медицинская часть флота оказалась готовой к случившемуся. Но пока мы не располагаем достаточной информацией для подобного исследования.

² РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Ед.хр. 360. Л. 278 – 307.

³ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Ед.хр. 2889. Л. 82 – 83.

⁴ Виленов В. Тайны «Императрицы Марии». – М., 2010. С. 58.

⁵ Там же. Ф. 873. Оп. 12. Ед.хр. 131; Ф. 406. Оп. 9. Ед.хр. 2543. Л. 1 – 6.

⁶ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Ед.хр. 2889. Л. 148.

⁷ Приказ по флоту и морскому ведомству № 429 от 23 августа 1916 г.

⁸ Приказ по флоту и морскому ведомству № 499 от 3 октября 1916 г.

⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Ед.хр. 1330. Л. 1–2.

¹⁰ М.С. Муджири в своем рапорте указал следующие использованные им средства – «linim[entum] calcarium» и «марганцовокислый калий (KMnO4)».

¹¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Ед.хр. 360. Л. 293 – 294 об.

¹² Там же. Ф. 412. Оп. 1. Ед.хр. 2889. Л. 177 – 178 об.

¹³ Там же. Ф. 609. Оп. 3. Ед.хр. 360. Л. 287 об. – 290.

¹⁴ Там же. Л. 291 об. – 292 об., 296 – 297.

¹⁵ Вечером 7 октября после доклада командующему Черноморским флотом было решено оставить 36 раненых на борту госпитального судна «Император Петр Великий» до окончания их лечения.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Ед.хр. 360. Л. 210 об.

¹⁷ Там же. Л. 211.

В.Н. Фотуньянц

Морская крепость Императора Петра Великого в биографии А.И. Непенина

Имя А.И. Непенина в контексте событий Первой мировой войны в первую очередь ассоциируется с той выдающейся ролью, которую сыграла в боевых действиях на Балтийском театре возглавляемая им Служба связи. Этой теме посвящены многочисленные публикации в советской, постсоветской и эмигрантской литературе, в том числе и художественной¹. Значительно скромнее освещено недолгое командование А.И. Непениным флотом Балтийского моря, причём акценты здесь смещены в сторону событий Февральской революции². И уже совсем в тени оказалось руководство А.И. Непениным Приморским фронтом Морской крепости императора Петра Великого с 12 июля 1914 года по 22 августа 1915 года. Между тем, этот сюжет представляет несомненный интерес, как для истории Первой мировой войны на Балтике, так и для осмысления личности А.И. Непенина.

В процессе сбора материалов по предлагаемой теме удалось обнаружить всего лишь пять публикаций, в которых имя А.И. Непенина связывалось с Морской крепостью императора Петра Великого (далее – Мк ИПВ)³. Такая, более чем скромная библиография естественно, предопределила обращение к фондам РГАВМФ, где было обнаружено большое количество документов, ранее не вводившихся в научный оборот, которые были использованы при подготовке доклада⁴.

Рассматривая историю назначения А.И. Непенина на должность начальника обороны и артиллерии Приморского фронта (далее – ПФ) Мк ИПВ на мой взгляд необходимо поставить два вопроса и попытаться дать на них обоснованные ответы.

Во-первых, почему комендант крепости вице-адмирал А.М. Герасимов выбрал именно кандидатуру А.И. Непенина?

На первый взгляд, выбор может показаться странным. Само название должности, казалось, указывало на то, что поиск кан-

дидата должен происходить среди артиллерийских офицеров. Между тем, А.И. Непенин никогда за всю предшествующую этому назначению службу никаких должностей, связанных с артиллерийской специальностью, не исполнял⁵.

Кроме того, к моменту принятия А.М. Герасимовым этого решения личные отношения этих двух незаурядных личностей были далеко не радужными. Где были истоки этой неприязни, можно только догадываться.

Развёртывание Службы связи Балтийского моря, начиная с 1911 года, происходило на тех же территориях, которые к весне 1914 года фактически совпали с границами Крепостного района.

Хорошо известно, что Непенин, проводя в жизнь свои решения, не признавал ни чинов, ни должностей, ни авторитетов тех лиц, которые пытались этому препятствовать, а так как планы начальника Службы связи могли не всегда совпадать с планами Коменданта крепости, то вполне вероятно, что возникали и конфликты, и прямые столкновения между ними⁶.

Однако у этой отрицательной стороны имелась, очевидно, и обратная – положительная. Эффективная деятельность А.И. Непенина, его выдающийся организаторский талант не могли не быть известны А.М. Герасимову. И когда возникла необходимость в кратчайшее время и с ограниченными ресурсами создать реальную боевую силу, способную совместно с кораблями флота принять на себя удар превосходящих сил противника и отразить его, то соображения личного характера уступили место чувству долга и ответственности за судьбу родины и флота.

Во-вторых, что же заставило А.И. Непенина согласиться на это назначение?

Как свидетельствовали достаточно близко знавшие его Б.П. Дудоров и С.Н. Тимирев, на это назначение Непенин согласился потому, что оно давало возможность получить чин контр-адмирала без прохождения положенного ценза командования судном первого ранга⁷.

По-видимому, вопрос этого назначения обсуждался и при личной встрече Непенина с Н.О. фон Эссеном, т.к. в своём рапорте на имя Морского министра, последний, в частности, отмечал: «Озабочиваясь о карьере этого достойного штаб – офицера, успешно организовавшего Службу связи Балтийского моря, для организации каковой он был удержан на должности <...> почему отстал от назначения на командование судном 1-го ранга, могу согласиться лишь в том случае, если Ваше Высокопревосходительство при-

знаете возможным в дальнейшем производство капитана 1 ранга Непенина в контр-адмиралы»⁸.

Кстати, адмирал И.К. Григорович счёл своим долгом предупредить А.М. Герасимова о резком характере Непенина. «Смотрите, он ведь даже мне дерзил», – сказал он ему с усмешкой. Герасимов этим предупреждением пренебрёг. «Ничего, как-нибудь уживёмся», – ответил он. Жизнь подтвердила слова Морского министра. При ближайшем сотрудничестве этих двух людей, их резкое расхождение во взглядах на пути и методы работы не раз приводило к резким столкновениям между ними. Так, инженер-механик Службы связи В.П. Орлов вспоминает, что в споре по какому-то вопросу Непенин сказал: «Удивляюсь способу мышления Вашего превосходительства». Герасимов вскипел: «Вы позабыли, что я комендант крепости и Ваш непосредственный начальник!». Последовала небольшая пауза. Непенин встал и ответил: «Я остаюсь при своём мнении, Ваше превосходительство». И на этом дело закончилось.

И всё же глубокое сознание ответственности перед порученным им делом, стоявшее выше личных отношений, неизменно приводило к тому, что грозившие полным разрывом инциденты ни разу до него не довели, и дело от них только выигрывало⁹.

Прежде, чем перейти к рассмотрению деятельности А.И. Непенина по развёртыванию ПФ Мк ИПВ, необходимо сказать несколько слов о том, почему ещё за несколько недель до начала войны этот вопрос встал так остро. Как известно, флот Балтийского моря должен был принять бой с превосходящими силами противника на специально оборудованной минно-артиллерийской позиции. И, если к постановке минного заграждения Морские силы были полностью готовы, что впоследствии блестяще продемонстрировал отряд заградителей, то артиллерийское прикрытие заграждения находилось в зачаточном состоянии из-за отсутствия в достаточном количестве орудий и личного состава.

Между тем, Командующий морскими силами и большинство его сподвижников хорошо помнили о том, что случилось 10 лет назад в Порт-Артуре и не исключали возможности вероломного вторжения германского флота ещё до официального объявления войны. Поэтому развёртывание ПФ началось ещё за неделю до объявления мобилизации.

Даже скупые строки официального отчёта позволяют судить, с каким напряжением сил велась эта работа:

«12-го июля сего года, согласно распоряжению Командующе-

го морскими силами Балтийского моря, было приступлено к развертыванию Приморского фронта морской крепости Императора Петра Великого.

12-го июля прибыло на укомплектование Приморского фронта с судов Учебно-Артиллерийского отряда Балтийского моря 9 офицеров, 13 кондукторов и 373 нижних чина. Этот командированный личный состав состоял из слушателей – офицеров артиллерийского класса, учеников комендоров при 13 кондукторах – инструкторах и 10 артиллерийских унтер – офицерах Учебно-Артиллерийского отряда.

Эти команды были распределены по северному берегу в укомплектование 6" батарей и на остров Нарген в укомплектование одной 8" и одной 6" батарей. На эти батареи прибыла команда, и они были снабжены боевыми запасами, материалами и провизией в течение 13 и 14 июля; с 15 по 16 июля они все были опробованы стрельбой»¹⁰.

А вот как отложились эти события в памяти лейтенанта Г.С. Серебренникова:

«С Адрианом Ивановичем я познакомился 12 июля 1914 года в 8 часов вечера на площади в порту в Ревеле, когда я рапортовал ему о прибытии в его распоряжение с 3 офицерами и 200 учениками комендорами с учебного судна Пётр Великий». Толковость распоряжений, ясность и краткость речи Адриана Ивановича меня поразили <...> он предоставил нам, артиллеристам – комендантам батарей полнейшую инициативу. Хаос со снабжением был вначале ужасный. Адриан Иванович целую неделю носясь на своём миноносце Службы связи с батареей на батарею, наконец, всё наладил. <...> Требований никто не писал, Адриан Иванович просто спрашивал, что нам нужно и тотчас же присылал всегда без замедлений и ошибок»¹¹.

В первые часы и дни войны Мк ИПВ, как и весь флот Балтийского моря жили в напряжённом ожидании вторжения германского флота. Вечером 19 июля и.о. начальника обороны ПФ лично посетил единственную вполне готовую выдвинутую вперёд батарею на о. Хеста – Бюсе. «Непенин прибыл ко мне, – вспоминает её командир – приказал собрать команду, сообщил нам об объявлении войны и сказал несколько слов, очень кратких и очень ясных, смысл которых был таков: «Возможно, что вы получите первый удар неприятеля и так как вы впереди всей России и совсем одни, то каждый из вас должен сделать всё, чтобы нанести наибольший вред врагу»¹².

В три часа ночи 20 июля 1914 г. адмирал Н.О. фон Эссен вышел со своей малочисленной эскадрой на центральную позицию. Ясно сознавая роковой исход ожидаемой встречи с германским флотом <...>, он сказал окружавшим его чинам штаба: «Немногим из нас суждено будет вновь увидеть нашу базу». В таком напряжённом ожидании встречи с противником флот жил до 6 августа, когда выяснилось отсутствие у него намерений войти в Финский залив, а напротив – стремление преградить выход в море нашим судам. На Балтике вздохнули с облегчением. Крепость Императора Петра Великого получила передышку¹³.

Эта передышка позволила перейти от авральных к более планомерным работам по устройству батарей и всей необходимой инфраструктуры. Работы эти производились силами строителей крепости, иногда с привлечением личного состава строящихся батарей¹⁴.

Высочайшим приказом по Морскому ведомству от 1 сентября 1914 года А.И. Непенин был произведён «за отличие по службе в контр-адмиралы с назначением на должность начальника обороны ПФ МкИПВ», продолжая при этом оставаться и во главе Службы связи.¹⁵

Стабилизация обстановки на Приморском фронте позволила в сентябре 1914 года списать в Учебно-артиллерийский отряд для окончания курса, прибывший в тревожные июльские дни и полностью выполнивший поставленные перед ним задачи личный состав.

Взамен списанных были назначены 80 человек нижних чинов, досрочно освобождённых из временной исправительной тюрьмы Морского ведомства, артиллерийские унтер-офицеры и комендоры были заменены соответствующими специалистами из числа запасных, что значительно снизило уровень боевой подготовки на ПФ¹⁶.

7 сентября 1914 г. артиллерийский офицер при Управлении начальника обороны ПФ в своём рапорте на имя Непенина, оценивая уровень подготовки личного состава как крайне низкий полагал необходимым «теперь же перейти к строевым занятиям и теоретическим по специальности, а главным образом пройти курс стрельб из винтовок, пулемётов и орудий».

По всей вероятности А.И. Непенин сразу же представил этот рапорт коменданту крепости, так как последней была наложена следующая резолюция: «Для разбора вопроса практической стрельбы <...> батареей <...> назначаю комиссию под председатель-

ством кап. 2 р. Тягина из членов ст. лейтенанта Мякишева и лейтенанта Утина»¹⁷.

Комиссия постановила, что «для приведения Приморского Фронта в боевую готовность для возможного использования её ещё в настоящей войне (подчёркнуто мною – В.Ф.), необходимо в кратчайший срок пройти курс стрельб по прилагаемому временному плану»¹⁸. Комендант Мк ИПВ направляет Начальнику обороны ПФ предписание за № 485, в котором предлагает «по готовности необходимейших средств и, не дожидаясь полного оборудования батарей, безотлагательно приступить к ускоренному прохождению стрельб <...> добиваясь в кратчайший срок должной меры боевой готовности батарей»¹⁹. В ответ на это предписание А.И. Непенин своим рапортом № 777 от 10 октября 1914 г. доносит Коменданту крепости, что «с 14 числа сего месяца всеми батареями будет приступлено к постепенному прохождению <...> временно-го плана стрельб батарей Приморского Фронта»²⁰.

Осуществляя лишь общее руководство всем, что касалось узко специальных вопросов, предоставляя это специалистам – артиллеристам, вопросы организации службы, повседневной жизни, быта и воинской дисциплины на вверенном ему ПФ А.И. Непенин держал под неусыпным личным контролем.

Если А.М. Герасимова можно считать одним из выдающихся артиллеристов российского флота, то А.И. Непенин был несомненно его лучшим ревизором. Прослужив в этой должности более четырех лет и изучив досконально все тонкости ведения судового хозяйства он, продвигаясь вверх по служебной лестнице, расширял область этих знаний и требовал от подчиненных неукоснительного соблюдения «буквы и духа» соответствующих книг «Свода Морских постановлений»²¹.

К 3 октября при Управлении ПФ был сформирован артиллерийский склад, на который было возложено снабжение фронта «предметами инвентарного и материального снабжения»²².

Следует отметить, что А.И. Непенин старался использовать вынужденное совмещение двух должностей с максимальной пользой для дела. Так, в приказе от 2 октября 1914 г. он предписывал чинам Приморского фронта «в случае необходимости получить содействие каких-либо учреждений Службы связи /катерами, монтерами и пр./ обращаться к начальникам соответствующих районов Службы связи и в случае крайней необходимости к старшинам постов непосредственно, но отнюдь не отдавать распоряжений непосредственно нижним чинам Службы связи»²³, а

приказом от 30 сентября 1914 г. предлагал старшему врачу Приморского фронта «коллежскому советнику Сидоренко иметь попечение и общий санитарный надзор и за Службою связи»²⁴.

Если проблему пищевого довольствия удалось решить ещё до того, как «15 сентября представилась возможность истребовать кредиты, сформировать батальоны и приступить к правильному хозяйству», то с обмундированием и денежным довольствием личного состава всё обстояло гораздо сложнее.

Дело в том, что на укомплектование Приморского фронта было 2890 нижних чинов из 21 учреждений и судов Балтийского моря, не снабжённых и неудовлетворённых от своих частей. Это явилось следствием отчасти неразберихи во время мобилизации и в первые дни войны, отчасти – безответственным отношением соответствующих должностных лиц.

В результате было заявлено 719 денежных претензий и 1123 претензии по обмундированию, из которых к концу 1914 г. удалось удовлетворить 715 денежных и 864 претензии по обмундированию²⁵.

Весьма тяжелые бытовые условия, сложившиеся на батареях фронта, делали очевидным, что для сохранения здоровья, а следовательно боеспособности личного состава огромное значение имела организация медицинского обслуживания.

Формирование санитарной части фронта началось 28 августа с прибытием старшего и трёх младших врачей. К концу 1914 года было открыто и нормально функционировало два лазарета (о. Нарген – 25 кроватей и о. Хесте-Бюссе – 10 кроватей) и 10 приёмных покоев на 2 – 3 кровати каждый²⁶. Своим приказом от 12 февраля 1915 г. А.И. Непенин включил в состав учебной команды и её сводной роты «класс санитаров, с откомандированием учеников его для практических занятий во временный морской госпиталь крепости»²⁷.

Не упускал А.И. Непенин из виду и «пищи духовной». Объявляя своим приказом от 27 января 1915 г. порядок рассылки газет и журналов, он обязал командиров батальонов «озаботиться тем, чтобы журналы и литературные приложения к ним не уничтожались бы по прочтении, а собирались бы и легли <...> в основание батарейных библиотек»²⁸.

Хотелось бы привести ещё один приказ А.И. Непенина, который характеризует его как начальника, заботящегося о нижних чинах, несущих в длинные зимние ночи вахту у прожектора, и нетерпимого к нерадению службы подчинёнными офицерами:

«27 января 1915 г. № 97. На батарею № 13 был отпущен 2-х ведерный самовар еще в Августе месяце прошлого года. 17 декабря 1914 года Командир III-го батальона донес, что самовар распаялся. Мною было приказано Артиллерийскому складу отпустить новый 2-х ведерный самовар специально для прожектора и донести – кто виноват в порче старого самовара. 17 января, наконец, получил рапорт заведывающего Артиллерийским складом № 245, с приложением переписки по этому поводу, из коей ясно, что виноватого нет, как равно и не отпущен новый самовар. За полное бездействие и неряшливость в ведении хозяйства, объявляю выговор командиру батальона капитану 2 ранга Кржижановскому, заведывающему Артиллерийским складом капитану 2 ранга Гестеско и командиру батареи № 13 старшему лейтенанту Филатову 2-му»²⁹.

Замены, произведённые в личном составе фронта в сентябре 1914 г., помимо снижения уровня боевой подготовки привели и к падению воинской дисциплины. Особенно «отличались» прибывшие «искупать вину» досрочно освобожденные из тюрьмы Морского ведомства, которых за совершенные проступки регулярно отправляли обратно в тюрьму³⁰. Падению дисциплины способствовало, очевидно, и отсутствие реального противника, что вызывало постепенное угасание мотивации пребывания на фронте людей, оторванных от семей и привычной жизни, и оказавшихся на разбросанных по побережью и островам, батареям фронта. Нельзя не отметить и тот факт, что многие офицеры (особенно молодые) относились к своему назначению на ПФ как к ссылке³¹, и рвались обратно на суда флота³².

Основными видами проступков и преступлений, зафиксированными в приказах Непенина, являлись пьянство и связанные с ним драки и «буйство», самовольные оставления части (так называемые «бега»), кражи и промотания казённого имущества и так далее. Все эти проступки и преступления карались, в зависимости от их тяжести, либо дисциплинарными взысканиями, либо преданием суду ПФ или крепостному суду, ибо Устав требовал «не оставлять проступков и упущений подчинённых без взыскания»³³. «Отрицать требовательность Непенина в вопросах дисциплины и соблюдения уставов, конечно, невозможно. Строгий к самому себе, он отлично сознавал, что вслед за мелкими их нарушениями, неизбежно следуют и более крупные. Вспыльчивый и весьма несдержанный по натуре, Непенин нередко переходил границы приличествующего отношения к подчинённым ему офицерам <...> При

этом его гнев весьма редка обрушивался на нижних чинов. <...> Он принципиально считал, что за проступки подчиненных должен, прежде всего, отвечать их непосредственный начальник. <...> Практиковавшиеся же среди некоторой части офицерства рукоприкладство органически претило его натуре»³⁴ (подчеркнуто мною – В.Ф.). Наглядным подтверждением этих слов Б.П. Дудорова может служить приводимый ниже приказ Непенина от 2 февраля 1915 г.: «Из предоставленной мне переписки, о недисциплинарном поведении матроса 1 ст. команды батареи № 33 Владимира Краева и о жалобе его на то, что он был избит офицером, я усматриваю, что Краев вел себя действительно недисциплинарно, за что был наказан и избит подпоручиком Новицким. Считая, что Краев достаточно наказан, на этот раз не предаю его суду. Командиру батареи № 33 лейтенанту Бартеневу, допустившему у себя на батарее превышение власти подпоручиком Новицким, – объявляю строгий выговор. Подпоручика Новицкого, за нанесение удара нижнему чину, арестовываю на 2 недели домашним арестом. Обращаю внимание командира 2-го батальона на происшедшей на батарее № 33 случай и предписываю ему разъяснить нижним чинам, что за всякий дисциплинарный проступок, в зависимости от его важности, особенно теперь, в военное время, я буду накладывать самые строгие взыскания до отдачи под суд включительно, а также предписываю разъяснить подпоручику Новицкому, что за превышение власти, выразившейся в нанесении удара нижнему чину, в следующий раз не ограничусь дисциплинарным взысканием, а без всякого снисхождения предаю Суду»³⁵.

С 10 ноября 1914 г. по 10 января 1915 г. на о. Нарген проводилось первоначальное обучение прибывших на ПФ 650 новобранцев³⁶. 11 января 1915 г. комендант крепости произвёл смотр и «оставшись вполне доволен строевой подготовкой и внешним видом молодых матросов, принимая во внимание, что такие хорошие результаты достигнуты в шестинедельный срок» благодарил от лица службы контр – адмирала Непенина, капитана 1 ранга Пышнова и других офицеров³⁷.

12 января А.И.Непениным была назначена комиссия под председательством помощника коменданта о. Нарген капитана 2 ранга Ромашова, которой было поручено «подвергнуть обсуждению» вопросы организации обучения учеников комендоров, учеников сигнальщиков и учеников строевых унтер-офицеров в зависимости от условий службы на Приморском фронте³⁸.

19 января 1915 г. «за особо выдающуюся деятельность по устройству и организации Приморского фронта» А.И. Непенин был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами³⁹.

Широкое применение противником авиации уже в первые месяцы войны остро поставило вопрос об оказании противодействия этому новому виду оружия. 27 апреля 1915 г. комендантом крепости был издан приказ, которым контр-адмирал Непенин был назначен начальником воздушной обороны крепости⁴⁰.

Фактически, вопросами воздушной обороны А.И. Непенин начал заниматься ещё за несколько месяцев до этого назначения. Об этом свидетельствуют его многочисленные рапорты на имя Коменданта крепости с просьбами о снабжении ПФ противоаэропланными орудиями и боезапасом к ним, а также резолюция А.М. Герасимова, предписывающая Непенину выдать командирам батарей патроны с зажигательными пулями, «составив для употребления их особую инструкцию»⁴¹.

Однако, назначение на новую ответственную должность заставило А.И. Непенина взглянуть на проблему воздушной обороны более масштабно. Уже 4 мая 1915 г. он подаёт на имя коменданта секретный рапорт, которым докладывает, что им «было создано из прикосновенных к делу об отражении воздушных атак офицеров, совещание об организации надёжной связи между отдельными батареями и пулемётными взводами, предназначенными для отражения этих атак». Результаты этого совещания легли в основу создания системы воздушной обороны крепости⁴². В деле воздушной обороны не менее важным, чем обнаружение и уничтожение летательных аппаратов противника, было предупреждение обстрелов собственной авиации. Н.В. Румянцев в письме Б.П. Дудорову от 28 августа 1958 г. сообщает: «Вдруг вспомнил я ещё одну телеграмму адмирала Непенина командиру крейсера «Диана»: «За что вы обстреляли моих лётчиков? К счастью стрельба была Ваша преотвратительная – Непенин»⁴³.

8 февраля 1915 г. помощником начальника обороны ПФ назначили капитана 1-го ранга А.А. Рыбалтовского, на которого был возложен целый ряд обязанностей, что несколько уменьшило нагрузку на Непенина, так как начало кампании требовало уделять всё больше внимания руководству службой связи⁴⁴. По мере ознакомления с ПФ круг обязанностей Рыбалтовского был значительно расширен⁴⁵.

Для организации работ по установке и приведению в боевую готовность новых артиллерийских систем Непенин добился пере-

вода на ПФ старшего артиллерийского офицера линкора «Полтава» Н.Н. Александрова, на которого были возложены и вопросы организации стрельбы⁴⁶. Продолжая совершенствование организации управления ПФ, Непенин своим приказом от 19 июля 1915 г. разделил должности штаб-офицеров, определив каждому из них свои обязанности⁴⁷. Однако, несмотря на все перечисленные выше совершенствования организационной структуры, дальнейшее совмещение двух должностей стало непосильно даже такому «удивительно работоспособному человеку»⁴⁸, каким был Непенин. 22 августа 1915 г. своим приказом № 1126 он объявил, что «на основании приказа Главнокомандующего 6-ой армией от 14 августа 1915 г. «Приморский фронт на законном основании сдал контр-адмиралу Лескову»⁴⁹.

Подводя итоги деятельности А.И. Непенина на ПФ Мк ИПВ, можно сделать следующие выводы:

1. Выбор А.М. Герасимовым кандидатуры на должность Начальника обороны и артиллерии ПФ оказался безошибочным.

2. За время своего руководства ПФ Непенин сумел создать стройную систему обороны фронта, а в борьбе с воздушным противником и крепости в целом.

3. Заслуги Непенина были по достоинству были оценены выше стоящим командованием: 01.09.1914 г. он был произведен «за отличие» в контр-адмиралы, а 19.01.1915 г. награжден орденом Св. Станислава 1-ой степени с мечами.

Примечания

¹ Флот в Первой мировой войне (под редакцией Н.Б. Павловича), Т. 1, М. 1964, С. 75 – 76; Биккенин Р.Р., «А.И. Непенин -начальник службы связи и командующий Балтийским флотом» // «Очерки о связистах Российского флота» СПб., 1998, С. 167 – 186; Григорович И.К. «Воспоминания бывшего морского министра» СПб., 1993, С. 115; Дудоров Б.П. «Адмирал Непенин» СПб., 1993; Меркушов В.А. «Записки подводника», М. 2004, С. 354, 444 – 445; Тимирев С.Н. «Воспоминания морского офицера», М. 1993, С. 18 – 19; Черкашин Н.А. «Кровь офицеров», М. 2001; и др.

² Дудоров Б.П. «Адмирал...»; Смолин А.В. «Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917г.» СПб. 2012 г. С. 7 – 122.; Тимирев С.Н. «Воспоминания...». С. 62 – 65;

³ Амирханов Л.И. «Морская крепость Императора Петра Великого» СПб. 1995 г., с. 11; Биккенин Р.Р. «А.И. Непенин...» С. 180 – 181; Дудоров Б.П. «Вице-адмирал Непенин (опыт биографии)». В этой первой и на

сегодняшний день единственной биографии Непенина, опубликованной в период с 1956 по 1962 год в 16 номерах выходившего в Нью-Йорке журнала «Морские записки», есть две небольшие главы, посвященные Приморскому фронту, которые не вошли в издание 1993 г. Ссылки на них даются по «Морским запискам» № 2 (50) 1959 г.; Партала М.А. «Осведомительное бюро контр-адмирала А.И.Непенина» // Материалы 16 международной конференции «Санкт-Петербург и страны северной Европы» СПб. 2015г. С. 113. // ; Тимирев С.Н. «Воспоминания...» С. 52 – 53.

⁴ Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ):

- Ф. 28. Непенин Адриан Иванович;
- Ф. 406. Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства;
- Ф. 873. Аттестации на личный состав флота (коллекция);
- Ф. 953. Управление Начальника обороны и артиллерии Приморского фронта Морской крепости И.П.В.;
- Ф. р-2246. Материалы по истории флота, поступившие из-за границы.

⁵ Полный послужной список А.И. Непенина // РГАВМФ, Ф. 406, Оп. 9, Д. 2851. Л. 14об – 20.

⁶ В одной из аттестаций на Непенина отмечено: «Излишняя нервозность иногда мешает быть дисциплинарным, недостаточно тактичен с начальством» (РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 13 Д. 82 Л. 8);

⁷ Свод Морских постановлений, кн. 8. Прохождение службы по Морскому ведомству, СПб., 1910г., С. 44 – 45; «Морские записки». С.33; Тимирев С.Н. «Воспоминания...» С. 52 – 53.

⁸ РГАВМФ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 – 3.

⁹ «Морские записки». С. 30 – 32.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 953, Оп. 1. Д. 16. Л. 255.

¹¹ Там же, Ф. р-2246. Оп.1. Д.77. Лл. 91 – 91об.

¹² Там же.

¹³ Амирханов Л.И. «Морская крепость...» С. 16.

¹⁴ РГАВМФ, Ф. 953. Оп. 1. Д. 92. Л. 316.

¹⁵ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2851. Л. 21.

¹⁶ Там же. Ф. 953. Оп. 1. Д. 16. Л. 256 – 265об.

¹⁷ Там же. Д. 46. Л. 20 – 21.

¹⁸ Там же. Л. 36 – 36об.

¹⁹ Там же. Л. 47 – 47об.

²⁰ Там же. Л. 46 – 48.

²¹ Ревизор – лицо командного состава, ведающее хозяйством на корабле. Морской словарь, т. 2, М. – Л., 1941 г., С. 219; В аттестации на капитана 2 ранга Непенина от 30 января 1908 г. отмечено: «очень опытный ревизор и блестящий старший офицер» (РГАВМФ. Ф.873. Оп. 13. Д. 82. Л.7 – 8).

²² РГА ВМФ, Ф.953, Оп.1, Д.16, Л.258;

²³ Там же. Д. 8. Л. 145.

²⁴ Там же. Д.8. Л. 138.

²⁵ Там же. Д. 16. Л. 258.

²⁶ Там же. Л. 258об – 259.

²⁷ Там же. Д. 92. Л. 78.

²⁸ Там же. Л. 46 об.

²⁹ Там же. Л. 46.

³⁰ Там же. Д. 8. Л. 149; Д. 92. Л.11, 104, 128.

³¹ Там же, Ф. р-2246, Оп. 1, Д. 77. Л. 242.

³² А.М. Герасимов в письме И.К. Григоровичу от 25 ноября 1914 г. сообщает: «при 65 орудиях и 15 прожекторах фронта находятся около 60 офицеров <...> Уже теперь большинство из них просятся обратно плавать» // РГАВМФ. Ф. 953. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

³³ РГАВМФ. Ф. 953. Оп. 1. Д. 8. Л. 168, 227, 234. Д. 92. Л.3, 5, 47, 87, 128, 149, 156.

³⁴ Дудоров Б.П. «Адмирал Непенин». С.41, 199.

³⁵ РГАВМФ.Ф. 953. Оп. 1. Д. 94. Л. 26.

³⁶ Там же. Д. 16. Л. 256.

³⁷ Там же. Д. 92. Л. 29.

³⁸ Там же. Л.11.

³⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2851. Л. 21, 21об.

⁴⁰ Там же. Ф. 953. Оп.1. Д. 94. Л. 8.

⁴¹ Там же. Д. 14. Л. 67, 78, 110.

⁴² Там же. Д.16. Л. 102.

⁴³ Там же. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 113 – 113об.

⁴⁴ Там же. Ф. 953. Оп. 1. Д. 92. Л. 74.

⁴⁵ Там же. Л. 166.

⁴⁶ Там же. Л. 215. «Морские записки». С. 45 – 48.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф-953. Оп. 1. Д. 92. Л. 209.

⁴⁸ Тимирев С.Н. «Воспоминания...». С. 53.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 953. Оп.1. Д. 92. Л. 385.

П.А. Головнин

Дворянские роды Головниных и Вердеревских в I мировой войне

«Себя в обычай мёртвый не зароем,
но продавать не станем смерть».

Князь Д.П. Голицын

Дворянский род Головниных ведет свое происхождение с середины XIV в. от новгородского боярина Никиты «Головни» и насчитывает XIX поколений. Представители рода участвовали практически во всех войнах, которые вела Россия на более 600 лет. Первым из рода Головниных, доказавший, согласно новому Указу, древность своего происхождения, был подполковник Григорий Кириллович Головнин (1722 – 1798): «в 1793 г. он просил Рязанское Дворянское Депутатское Собрание внести его с детьми в VI часть Дворянской Родословной Книги Рязанской Губернии, в число древнего дворянства, на что и последовало определение Герольдии от 20 июня 1794 г.»¹.

Федор Никитич Головнин при Екатерине II служил поручиком, в 1795 г. титулярный советник. В 1804 г. он просил Герольдию составить герб рода Головниных от Богдана Головнина, и герб Высочайше утвержден 25 января 1807 г, а мичман Дмитрий Яковлевич Головнин в 1810 г. «просил Герольдию составить роду Головниных потомства Игнатия герб. Вследствие этой просьбы, герб был составлен, и 5 августа 1816 г. Высочайше утвержден.»² Описание герба (от Тараса Головнина): «Щит разделен горизонтально на две половины. В нижней половине на зеленом поле три золотые львиные маски, две сверху и одна внизу. Верхняя половина разделена двумя перпендикулярными линиями на три поля: боковые поля красные и в каждом из них серебряная пика острием вверх, среднее поле серебряное и в нем черная крепость. На гербе дворянские – шлем и корона с тремя страусовыми перьями, намет зеленый, подложенный золотом».³ В 2005 г. художник Алек-

сандр Шабров подготовил цветную копию герба рода Головниных по данным описания герба из Общего Гербовника.

Помещик Викул Григорьевич Головнин (1773 – 1846) был женат на Екатерине Васильевне Вердеревской. Они жили и похоронены в селе Красильники Рязанской губернии. Мать прославленного мореплавателя, вице-адмирала В.М. Головнина (1776 – 1831) – Александра Ивановна Вердеревская (+1785) похоронена в селе Гулынки Рязанской губернии.

Родословная дворянского рода Головниных

Никита «Головня» (1401 г), новгородский боярин		
?		
?		
Иван Головнин		
Иван – большой Головнин		
Тарас Головнин (+до 1594 года), ж – Пелагея		
Игнат Головнин (+1652 г)		
Петр – большой Головнин, ж – Елена Петровна Головнина		
Иван Головнин		
Кирилл (1676-1742), ж – Ксения Ивановна Пущина		
I ----- I		
Григорий Головнин (1719-1722+1798)		Василий Головнин
ж – Надежда Петровна Кутузова		ж – Пелагея Чеботаева
Викул (1773-1846)		Михаил (+1785)
ж – Екатерина Васильевна Вердеревская		ж – Александра Ивановна Вердеревская (+1785)
I		I
I ----- I I		
Дмитрий (1807-1876)	Николай (1801-1850)	Василий (1776-1831), вице-адмирал
ж – княжна С.П. Мещерская (+1853)		ж – Е.С. Лутковская (1795-1880)
Сергей (1848-1921)		
ж – Е.К. Смольянинова (1855-1911)		
Петр (1880-1918)		
ж – Л.П. Некрасова (1882-1954)		
Андрей (1909-1980)		
ж – З. Н. Преображенская (1914– 2012)		
Петр (1950–		

Прадед автора статьи – статский советник Сергей Дмитриевич Головнин (1847 – 1921) родился в имении своего отца Дмитрия Викуловича Головнина (1807 – 1876) селе Красильники Рязанской губернии, при крещении его восприемниками были: помещик соседнего села Половское, гвардии ротмистр князь Иван Алексеевич Кропоткин и дочь подпоручика Анна Дмитриевна Головнина. 16 декабря 1854 г. он был причислен к роду отца с внесением в VI часть Дворянской Родословной Книги Рязанской губернии. После обучения в Морском Кадетском Корпусе, определен в канцелярию Спасского уездного предводителя дворянства Рязанской губернии канцеляристом 7 декабря 1867 г. Проходя чинами, он был утвержден Земским начальником 5-го участка Спасского уезда 20 января 1890 г. 26 февраля 1896 г. получил серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III; награжден медалью за проведение 1-й Всероссийской переписи населения 30 января 1897 г. За свою усердную службу награжден орденами Св. Анны 3 ст. 3 февраля 1903 г., Св. Станислава 2 ст. 1 декабря 1907 г. Пожалован в статские советники 1 декабря 1908 г. Сергей Головнин 10 ноября 1872 г венчался с Еленой Константиновной Смольяниновой (1856 – 1911), дочери надворного советника К.Н. Смольянинова, владельца Кирицкой зеркальной фабрики и имений Никольское, Никитино, Кирицы в Рязанской губернии.⁴ Сенатор, Гофмейстер Высочайшего Двора, хранитель архива князя Куракина, историк и генеалог в 1901 г. В.Н. Смольянинов-второй (1861 – 1942) подарил в библиотеку Департамента Герольдии свою рукопись «Родословная дворян Смольяниновых» происходящих от Рюрика. Елена Константиновна в своем «Дневнике» оставила перечень «дней рождения своих 17 детей в хронологическом порядке».⁵

Лейтенант Сергей Сергеевич Головнин в 1915 г. был назначен на службу в Крепости Петра Великого. 29 июля 1912 г. Императором Николаем II, прибывшего на яхте «Штандарт», была произведена закладка военного порта в Ревеле, наименованного портом Императора Петра Великого.⁶ Морской историк лейтенант Новиков изучал историю морских укреплений Ревеля за 100 лет существования с 1720 по 1820 г.⁷

На строительство Морской крепости было отпущено кредитов на 1913 г. 9178001 руб. Вся артиллерия была распределена: 1 – батарея Императора Николая II на острове Макилот, состоящая из 3-х башен с 14'' орудиями и 2-х башен с 8'' орудиями; 2-я батарея Императора Петра Великого, на северной стороне оконечного о. Наргена, состоящая из 3-х башен с 14'' орудиями и 2-х башен

с 8'' орудиями; 3 – батарея Наследника Цесаревича Алексея в средней части о. Нарген, из 2-х 14'' башен; 4 – батарея Романовская на мысе Суруп из 2-х башен с 14'' орудиями; 5 – батарея Александра Невского на о. Вульф из двух башен с 12'' орудиями. Для ознакомления с постройками крепости 05.09. 1915 г. были допущены 5 офицеров и 9 нижних чинов японской армии в сопровождении капитана Осипова, для оказания содействия по сборке японской артиллерии.⁸

Сергей Сергеевич Головнин окончил Морской Кадетский Корпус и лейтенантом встретил начало войны на крейсере 1 ранга «Олег». С детства он отличался решительностью и смелостью, за время службы был награжден орденами. 23 июня 1910 г. Сергей Головнин переведен с описной баржи Морского Корпуса на крейсер «Олег». 10 апреля 1911 г. произведен в корабельные гардемарины и зачислен в 1 Балтийский флотский экипаж (ФЭ), 12 мая назначен на броненосный крейсер «Громобой», 16 декабря назначен в учебный артиллерийский отряд. 1 ноября 1911 г. списан в распоряжение Главного Морского Штаба. 14 февраля 1913 г. получил приз за отличную стрельбу. 21 февраля 1913 г. пожалован светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых. 22 марта 1915 г. произведен в лейтенанты. 31 марта 1915 г. утвержден в должности ревизора канонерской лодки «Кореец». 19 августа 1915 г. назначен на Приморский фронт Морской крепости Императора Петра I и утвержден старшим офицером 18 роты на батарее № 36. 13 октября 1915 г. приказом Командующего флотом Балтийского моря № 85 за храбрость и мужество, проявленное при выполнении операции, сопряженной с явной опасностью и имеющей большое боевое значение, награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. 7 октября 1915 г. приказом Начальника обороны Приморского фронта назначен командиром 1 роты и батареи № 32 с отчислением от должности старшего офицера 3 роты. 27 декабря 1915 г. назначен в службу связи Балтийского моря. 30 июля 1916 г. приказом Командующего флотом Балтийского моря № 519 за мужество и прилежные труды в обстановке военного времени награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. 30 апреля 1917 г. переведен с Приморского фронта в отряд судов охраны Ботнического залива. 14 мая 1917 г. переведен на сторожевое судно «Колчак», 23 июня назначен старшим офицером заградителя «Ильмень». 15 апреля 1918 г. временно вступил в командование заградителя «Ильмень». 14 июня 1918 г. окончил теоретические курсы «Техники путей сообщения» при Союзе «Труд и Знание». 22 июня 1918 г.

приказом Командующего флотом Балтийского моря назначен 1-м помощником командира крейсера «Олег». 30 июня 1916 г. вступил в 1-й законный брак с девицей Ирэнной Яновной Вейтко, которой от роду 18 лет, вероисповедания римско-католического.⁹ Из Центрального архива ФСБ 28 декабря 2009 г. были получены сведения о С.С. Головнине: «На Ваше обращение от 1 декабря 2009 г. сообщаем, что в Центральном архиве ФСБ России хранится архивное уголовное дело в отношении Сенина Т.Ф. (Головнин С.С.). В материалах дела имеются следующие сведения: Сенин Тихон Федорович (он же Головнин Сергей Сергеевич), 1890 г. рождения, уроженец деревни Можары Можарского района Московской области, русский, беспартийный, работал старшим инженером треста «Теплоэнергострой». Арестован органами НКВД СССР 6 февраля 1938 г. по подозрению в шпионской деятельности. По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 27 сентября 1938 г. на основании ст.58 п.п. 1а, 8 и 11 УК РСФСР Сенин Т.Ф. (он же Головнин С.С.) приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Предположительным местом захоронения является территория бывшего совхоза «Коммунарка» Московской области. Заключение Главной военной прокуратуры от 20 июля 1992 года Сенин Т.Ф. (он же Головнин С.С.) – реабилитирован».

Летом 1979 г. Ирэна Яновна приезжала к семье Головниных в Ленинград и долго рассказывала о своей необычной судьбе: в 1918 г. она, вместе с мужем Сергеем Головниным, добралась до Омска, где встретили Михаила, Бориса Головниных и Мишу Смольянинова. Вступили в Белую армию адмирала Колчака, вместе с Сергеем Головниным участвовала в попытке освобождения Царской Семьи в Екатеринбурге, вместе и отступала до Тихого океана. В неразберихе военного времени где-то под Читой, потеряла друг друга. Думая, что муж погиб, Ирэна Яновна прибыла во Владивосток и далее в Японию, а оттуда во Францию. В Париже познакомилась с поляком Барановским и вышла замуж. Работала научным сотрудником в Лувре, и на последнем пароходе в 1940 г., при подходе немцев, сумела перебраться в Англию. Ирэна Яновна работала научным сотрудником в Британском Музее в Лондоне, и только на старости лет, решила приехать в СССР в 1979 г. Посетила Москву, где встретилась с дочкой Сергея Головнина от второго брака, и только от неё она узнала, что Сергей был ранен, долго болел, но добрался до Москвы, где был выдан матросом, с которым служил в I мировую войну на Приморском фронте, был схвачен НКВД, и в 1938 г., он вместе с братом Михаилом и мужем сестры Веры Головниной – Олегом Бернардом были расстреляны. Ирэна

Яновна скончалась в Лондоне в 1983 г., но самые её приятные впечатления были связаны с Россией. Её отец погиб в Карпатах, и она разыскала его могилу в Чехословакии, и родственники её приняли активное участие в боях I Мировой войны. Штабс-капитан по Адмиралтейству Николай Игнатьевич Вейтко (9.04.1881-), из дворян Ставропольской губернии, уроженец Кавказа, православный; воспитывался в Ставропольской классической гимназии, в Михайловском Артиллерийском училище 2 касса по 1 разряду и в Николаевской Инженерной Академии 2 класса по 1 разряду; в службу вступил юнкером в Академию рядового звания 31.08.1899 г; унтер-офицер 2.07.1900 г; портупей-юнкер 21.07.1901 г.; по окончании Михайловского училища произведен в подпоручики с назначением в Новогеоргиевскую крепостную артиллерию 13.08.1901 г.; произведен в поручики 29.08.1904 г.; командирован в распоряжение Начальника 4 саперной бригады для держания предварительного экзамена на предмет поступления в Николаевскую Академию 8.07.1905 г.; зачислен штатным слушателем в Академию 30.10.; по собственному желанию отчислен от Академии в распоряжение Главного инженерного управления 8.03.1908 г.; прикомандирован к 6 саперному батальону 28.05.1908 г.; произведен за выслугу лет в штабс-капитаны 1.10.1908 г.; переведен на службу в 37 артиллерийскую бригаду 29.01.1909 г.; командирован в Михайловскую артиллерийскую Академию для держания вступительного экзамена 10.08; зачислен в число штатных слушателей 9.09.1910 г.; назначен старшим офицером 2 батареи 8.02.1911 г.; назначен производителем гидрографических работ комиссии по обзору финляндских шхер 9.07.1912 г.; холост; с 30.04. по 24.07.1913 г. был помощником Начальника гидрографической экспедиции Балтийского моря; в 1914 с 18.07 по 31.12. был на транспорте «Описной» под командою штабс-капитана Августовского в составе судов действующего флота Балтийского моря.¹⁰

Подполковник Петр-Цесарь Казимирович Вейтко родился 10.12.1873 г., из потомственных дворян, уроженец Тамбова, православный; поступил в техническое училище воспитанником 2.09.1890 г.; кондуктором 5.09.1893 г.; утвержден на звание младшего инженер-механика 15.09.1894 г.; зачислен в 9 флотский экипаж; назначен слушателем в класс минных механиков 18.10; командирован во Владивосток для плавания на судах Сибирской флотилии 19.04.1895 г.; назначен младшим механиком на лодку «Сивуч» 24.06.; назначен на канонерскую лодку «Манджур» 20.07.; утвержден в звании минного механика 18.03.1896 г.;

объявлено право ношения серебряной медали в память Императора Александра III 21.03.; назначен механиком на миноносец № 207 2.04. 1898 г.; объявлено принять бронзовую медаль в память военных событий в Китае в 1900 – 1901 гг.; за продолжительную сторожевую службу рейда Порт-Артура пожалован орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом 15.11.1904 г; переименован в капитаны 1.01. 1905 г.; назначен заведывающим миноносцев 8 ФЭ 6.04.1906 г.; произведен в подполковники 6.12.1906 г.; назначен и.д. главного инженер-механика Владивостокского порта 19.01.1909 г; холост; с 13.02. по 24.03.1901 на крейсере 1 ранга «Владимир Мономах» под командою капитана 1 ранга Васильева 1-го был трюмным судовым механиком в заграничном плавании; с 30.03. по 1.07. на броненосце «Сисой Великий» помощником старшего инженер-механика в заграничном плавании; с 1.07. по 30.10. 1902 г. на крейсере «Владимир Мономах» младшим механиком в заграничном плавании; награжден орденами: Св. Анны 2 ст. 22.03. 1915 г.; Св. Владимира 3 ст. 30.07.1916 г.; назначен флагманским инженер-механиком 2-й воздушной бригады 9.02.1917 г.; и.о. Начальника 2-й воздушной бригады Балтийского флота 3.09.1917 г.; выбыл в распоряжение Управления морской авиации в Москву 26.05.1918 г.; согласно декрета СНК от 30.01. 1918 г. № 102 уволен от службы 11.06.1918 г.; находился в плену в Японии с 20.12. 1904 по 16.02. 1906 г.; находился при защите Порт-Артура на эскадренном миноносце «Сторожевой.»¹¹

Древний рязанский род Вердеревских по родословцам ведет происхождение от татарского мурзы Салахмира (Салах-темира), который в 1371 г. вместе с братом Едуханом (родоначальником Хитровых) выехал из Орды на службу к рязанскому великому князю Олегу Ивановичу. Здесь Салахмир принял крещение, получив при этом имя Ивана Мирославича. Олег Иванович выдал за него свою сестру Анастасию и дал в вотчину обширные территории в Беспутском стане, Михайлове поле, Венев, Ростовец и Верхдерев. От последнего и получили свое прозвание Вердеревские, первым представителем которых был внук Ивана Мирославича – Григорий Григорьевич Вердеревский. Его отцом был рязанский боярин Григорий Иванович Салахмиров. Вердеревским были рязанскими боярами, воеводами, стольниками, судьями и думными дворянами, их род занесен в 6 часть ДРК рязанской губернии. Впоследствии род дал несколько плодovitых поэтов и прозаиков. Но основным занятием Вердеревских, была военная и государственная служба, за которую были жалованы от российских Го-

сударей чинами и поместьями. По семейным преданиям, покровителем рода был игумен Сергей Радонежский и многие представители рода прославились строительством храмов и церквей. Тарский князь Салахмир стал родоначальником знаменитых русских фамилий: графов и дворян Апраксиных, Вердеревских, Ханыковых, Крюковых, Ратаевых, Головинных.¹²

Родственные связи дворянских родов Вердеревских и Головинных

Салахмир = Ивана Мирославич, ж – Анастасия княжна Рязанская	
Григорий Иванович Салахмиров	
Григорий Григорьевич Вердеревский (1390-), боярин, владетель Верхдерева	
Василий, рязанский боярин (1464)	
Григорий	
Григорий «Нечай»	
Михаил Григорьевич	
Исаак, родоначальник Исаковых-Вердеревских	
Матвей «Истома», +1597	
Тимофей	
Федор (1613-до 1673)	
Владимир, +1703	
I	
I ----- I	
Алексей Большой, + 1724/27	Петр
1ж – Акулина, 2ж – А.С. Казначеева, + 1742	ж – Анна Ивановна Любавская
Иван (1718-1800)	Василий (1715-1788)
I	ж – Анна Александровна Вердеревская (1710-)
Александр (1756-1833)	Екатерина
ж – Мария Васильевна Ельчанинова, +1831	м – Вукол Григорьевич Головин
Василий (1814-1873, 1892)	Дмитрий Головин (1807-1872)
ж – Мария Александровна Корженевская	ж – кН. С.П. Мещерская, +1853
Николай (1845-1887)	Сергей Головин (1848-1921)
ж – Софья Александровна Риппас (1849-1892)	ж – Е.К. Смольянинова (1856-1911)

I	I	I
I	I	I
Дмитрий (1873– 1946), адмирал	Сергей (1890-1938)	Петр Головнин (1880-1918)
ж – Плен Елена Михайловна (+1944)	1ж – И.Я.Вейтко (+1983)	ж – Л.П. Некрасова (1882-1956)
I	I	I
I	I	I
Павел (1896-1985)	Елена (1900-).	Андрей Головнин (1909-1980)
		ж – З.Н. Преображенская (1914-2012)
		Петр Головнин (1950)

Наиболее знаменитым в XX в. в роде Вердеревских, был Морской министр Временного Правительства, контр-адмирал Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873 – 1947). Его отец – присяжный поверенный, скончался в 1883 г. Мать – Софья Александровна Рипнис. Братья: Василий Николаевич (1865 – 1904), поручик запаса, Роман Николаевич (1870 – ?), морской офицер, капитан 2 ранга, участник обороны Порт-Артура. Д.Н.Вердеревский окончил Морской Корпус (1893), артиллерийский офицерский класс (1898). В 1899 г. совершил кругосветное плавание вместе с выпускниками Морского Корпуса. В 1900 г. вышел в запас и занимался садоводством в Туркестане. С началом русско-японской войны в 1904 г. вернулся на морскую службу, командовал миноносцем № 255 на Черноморском флоте. С 1905 г. – артиллерийский офицер на броненосце «Петр Великий», затем руководил артиллерийскими курсами в ранге флагманского артиллерийского офицера. Во время матросского восстания в 1906 г. на крейсере «Память Азова» был ранен. В 1906 – 1909 гг. сотрудничал в журнале «Морской сборник». В 1908 г. – старший офицер броненосца «Петр Великий», в 1909 – 1910 гг. – флагманский артиллерийский офицер штаба начальника действующих сил Балтийского моря, служил под началом адмирала Н.О. Эссена, читал лекции в Николаевской Морской Академии. В 1910 – 1911 гг. Вердеревский – командир эскадренного миноносца «Генерал Кондратенко», в 1911 – 1914 гг. командир эскадренного миноносца «Новик». 20 января 1914 г. был назначен командиром крейсера «Адмирал Макаров». Вскоре ненадолго вышел в отставку, работал консультантом петербургских заводов по изготовлению точных измерительных приборов. С началом Первой мировой войны вернулся на

службу, с 12 января 1915 г. – командир крейсера «Богатырь», в 1916 г. был награжден Георгиевским оружием. С 10 ноября 1916 г. – командующий дивизией подводных лодок Балтийского моря в Ревельской морской базе и был произведен в контр-адмиралы.¹³

Дмитрий Николаевич был женат первым браком на дочери действительного статского советника Плена девице Елене Михайловне (+1944), имел детей: Павла (16.07.1896 – 1985), Елену (17.06. 1900 – ?). Елена Плен – родная сестра боевых морских офицеров: Павла Михайловича Плена (1875 – 1918) и Ивана Михайловича Плена (1874 – 1906). Адмирал В.А. Белли вспоминает: «Командующим миноносцем «Прочный», куда меня направили, был старший лейтенант Павел Михайлович Плен, боевой офицер, командовавший миноносцами в Порт-Артуре. До русско-японской войны он плывал младшим штурманом на Императорской яхте «Штандарт», которая тогда числилась в 5 флотский экипаж и переведена была в Гвардейский экипаж уже после 1905 г. Павел Плен с 1907 по 1917 г. был командиром миноносцев «Прочный», «Сильный», «Бдительный», «Страшный», старшим офицером канонерской лодки «Бобр», командиром крейсера «Адмирал Макаров», начальником 5-го дивизиона миноносцев и командиром линейного корабля «Слава». Во время Первой Мировой войны, находясь в дозоре накануне гибели крейсера «Паллада», крейсер «Адмирал Макаров» атаковала всё та же германская подводная лодка. Движение торпеды заметили, и, благодаря прекрасным действиям капитана 1 ранга П.М. Плена, крейсер был спасен¹⁴.

После Февральского переворота Д.Н. Вердеревский выступил со следующим обращением: «Благодарю всех офицеров, кондукторов и матросов Генмора и Главмора за ласковое приветствие, со своей стороны шлю горячие поздравления со вступлением нашей Родины в ряды свободных народов и глубоко убежден в её светлой будущности. Тяжек был путь к свободе, и тем энергичнее надо её защищать, станем все на защиту нового порядка, будем, не покладая рук, трудиться для его укрепления, отбросим все, раздвигавшие граждан, перегородки неравенства, и все рука об руку установим новый порядок, основанный на взаимном доверии горячей любви к общей Родине и на стремление к социальной справедливости. Необходимо закончить войну победой, ибо ныне только в Германии сохранился во всей мощи свергнутый наконец у нас монархический строй. В случае победы Германии сила этого строя там вознесется высоко, и он будет навязывать вновь всем тем народам, которые попадут под иго Германии, в этом я усмат-

риваю страшную опасность и первой задачей момента считаю необходимость сплотиться всем для победы, не завоевание, не захваты чужих прав и земель нужны нам. Нам нужна победа над Германией как победа на веки веков над монархическим принципом, так долго тяжелым гнетом давившего наш народ. Еще раз благодарю за поздравления, моя роль была очень скромная и задача легкая, она состояла в провозглашении от всей души глубокой и нелицемерной преданности наступившей в России эре свободы. Да здравствует свободная Россия! Контр-адмирал Вердеревский».¹⁵ Морской министр Керенский 7 июня 1917 г. назначил контр-адмирала Вердеревского Командующим флотом Балтийского моря.¹⁶ После февральского переворота Вердеревский сделал быструю карьеру, будучи сторонником компромисса с матросскими организациями и при этом выступал за единую и сильную власть, причём был готов поддерживать как Временное правительство, так и власть, составленную из рабочих партий. С апреля 1917 г. – начальник штаба Балтийского флота. В мае 1917 г. – начальник 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота. С 1 июня 1917 г. – командующий Балтийским флотом. 4 июля 1917 г. получил приказ помощника морского министра Б.П. Дудорова направить в Петроград 4 эсминца для поддержки Временного правительства, которое тогда пыталось свергнуть большевиков. Вердеревский не только отказался выполнить приказ, но и сообщил о нём членам Центробалта и огласил секретную телеграмму Дудорова о необходимости применения подводных лодок против кораблей, самовольно намеревавшихся отправиться в Петроград для поддержки большевиков. Заявил матросским лидерам: «Я служу не людям, а Родине. И если флот вовлекают в политическую борьбу, то я не исполню приказания, а там могут меня сажать в тюрьму». В это же время допустил приход в столицу эсминца «Орфей» с целью ареста Дудорова. 5 июля 1917 г. Вердеревский был отстранен от командования флотом, арестован командующим войсками Петроградского военного округа генералом П.А. Половцовым и отдан под суд за «разглашение служебной тайны и неподчинение центральным органам власти». Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова был освобожден и, как адмирал с «демократической» репутацией и был назначен 30 августа 1917 г. морским министром. С 1 по 24 сентября 1917 г. был членом Директории, возглавлявшейся А.Ф. Керенским. 2 ноября 1917 г. приказом по армии и флоту Морской Министр Д.Н. Вердеревский был уволен от службы.¹⁷

26 октября 1917 г. Вердеревский был арестован большевиками в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства, но на следующий день был освобожден под честное слово и в дальнейшем осуществлял техническое руководство оперативными действиями флота по обороне страны. В белом движении не участвовал и в мае 1918 г. уехал в эмиграцию, сначала жил в Лондоне, где занимался торгово-промышленной деятельностью. В 1920–е гг. переехал в Париж, где принимал активное участие в масонском движении. С 1927 г. – член ложи «Юпитер», с 1931 по 1934 г. был её досточтимым мастером, а затем – наместным мастером, с 1939 г. – почетный досточтимый мастер. Участвовал в деятельности капитула «Астрея», в котором в 1929 г. был возведен в 18-ю масонскую степень. С 1935 по 1938 г. – трижды могучий мастер ложи Друзей Любомудрия, был членом и великим канцлером ложи «Консистерия России», в 1933 г. был возведен в 32-ю масонскую степень, а в 1946 г. – великий мастер Ареопага «Ordo ab Chao» (лат. – «К порядку из хаоса»). Во время Второй мировой войны Вердеревский занимал негативную позицию по отношению к нацистской Германии. 12 февраля 1945 г. в составе группы русских эмигрантов, лидером которой был В. А. Маклаков, посетил посольство СССР во Франции и приветствовал победы Красной Армии. С 24 марта 1945 г. Вердеревский член правления Объединения русской эмиграции для сближения с советской Россией и в 1946 году получил советское гражданство. Вердеревский скончался в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.¹⁸

Боевым офицером был и родной брат Дмитрия Николаевича – Роман, он поступил в Морское Училище 20.09.1884 г.; гардемарин 19.09.1887 г.; мичман 19.09.1890 г. и зачислен в 8 флотский экипаж с переводом в Черноморский флот 3.12.1890 г.; уволен от службы 10.02.1892 г.; определен на службу 11.10.1900 г. в 2 флотский экипаж; зачислен в штурманские офицеры 2 разряда 30.05.1902 г.; назначен в заграничное плавание на крейсере 2 ранга «Боярин» 28.10. произведен в лейтенанты 6.12.1903 г.; награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с бантом 15.11.1904 г.; награжден серебряной медалью за участие в войне 1904-1905 10.02.1906 г.; холост; награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом 2.04.1907 г. назначен командиром миноносца «Рябный» с переводом в 4 флотский экипаж 6.06.1907 г.; находился в Порт-Артуре с 27.01.1904 по 20.12.1904 г. на крейсера 1 ранга «Паллада», на миноносце «Бесстрашный», командиром миноносцами «Властный» и «Статный»; назначен и.д. командира мино-

носца «Лейтенант Бураков» 16.10.1909 г.; предоставлено право ношения знака об окончании полного курса наук Морского Училища 11.05.1911 г.; произведен в капитаны 2 ранга 13.04.1913 г.; зачислен в Черноморский флот 19.05.1915 г.; назначен командиром транспорта №102 1.07.1915 г.; командир транспорта Поти 24.04.1916 г.; зачислен в резерв Черноморского флота 29.04.1917 г.¹⁹

Вот такими бравыми, боевыми офицерами были Вердеревские, Плен, Головнины, Вейтко и Смольяниновы. Владимир Николаевич Смольянинов-второй оставил памятную запись на обложке своего труда 30 ноября 1890 г.: «Кто не интересуется своими предками, тот дает этим право потомству забыть и о нем самом».

Литература

1. А.В. Головнин Собрание фамильных актов дворян Головниных, СПб, 1854 г., Л. 8.
2. Там же. Л.10.
3. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г, ч. VIII, Л.66, герб рода Головниных потомства Игнатия.
4. И.Ж. Рындин Материалы и исследования по рязанскому краеведению», Т.10, Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии», вып. 6, Рязань, 2011, «Смольяниновы».
5. Е.К. Смольянинова Мой дневник, 1906, рукопись. Л. 93.
6. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1, Д. 141. Сведения о Ревельском Императоре Петра Великого порте, 1913. Л. 62.
7. Там же. Л. 85 – 88.
8. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3411. Сведения по Морской крепости Императора Петра Великого, 1915. Л. 24.
9. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 912. Формулярный список лейтенанта С.С. Головнина за 1918 г. Л.1 – 8.
10. РГАВМФ. Ф.406. Оп. 9. Д. 553. Полный послужной список штабс-капитана по Адмиралтейству Николая Игнатьевича Вейтко. Л. 1 – 6.
11. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 554. Полный послужной список подполковника Петра-Цесаря Казимировича Вейтко, 1911. Л.1 – 7.
12. И.Ж. Рындин Материалы и исследования по рязанскому краеведению, Т. 10, Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 2, Вердеревские, Рязань, 2007. Л. 64 – 88.
13. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 568. ППС Вердеревский Дмитрий Николаевич (4.11.1873 – ?), 1908. Л. 1 – 9.
14. В.А. Белли В Российском Императорском Флоте – СПб, 2005. С. 150 – 151.
15. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 541. Л. 2.
16. РГАВМФ. Ф. 249. Оп.1. Д. 105. Л. 136.
17. РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 274.
18. Серков А.И. Русское масонство, 1731-2000, Энциклопедический словарь. М. 2001. Л. 82.
19. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 569. ППС, лейтенант Вердеревский Роман Николаевич, 1906. Л. 1 – 9.

Ф.К. Саберов, Л.Н. Тетеря

Трагическая судьба флотского офицера. Штрихи к портрету генерал-майора Г.Н.Мазурова

Одним из активных участников Первой мировой войны был флота генерал-майор Г.Н. Мазуров, командовавший морскими частями на сухопутном фронте. Его жизнь и трагическая судьба весьма примечательны и представляют интерес для историков российского флота.

Георгий Николаевич Мазуров родился 18 мая 1867 г. в семье потомственного дворянина, штабс-капитана строительной части Кронштадтского порта¹. Образование получил домашнее и лишь в 16 лет, в октябре 1883 г., поступил в общие классы Морского Училища в Петербурге. В сентябре 1886 г. он по экзамену был произведён в гардемарины, в октябре – в унтер-офицеры и знаменщики. После четырёхмесячного практического плавания на корвете «Скобелев» Г.Н. Мазуров был произведён в первый офицерский чин мичмана Высочайшим приказом от 29 сентября 1887 г.²

Началась обычная флотская служба, характерная для того времени, когда зиму моряки проводили в береговых экипажах, и лишь весной «открывали кампанию» – уходили в плаванья. Для Георгия Николаевича служба складывалась удачно – осенью 1891 г. он закончил Артиллерийский офицерский класс в Кронштадте и был зачислен в Гвардейский флотский экипаж. В 1892 г. он женился на княжне Надежде Сергеевне Путятиной, но вскоре после свадьбы ушёл на крейсере 2-го ранга «Рында» ушёл в заграничное плавание на Тихий океан. Вернувшись домой летом 1896 г., лейтенант (произведён 1 января 1894 г.) Мазуров почти на 5 лет «задержался» в Петербурге, командуя ротой в Гвардейском экипаже. В море уходил лишь летом, «на кампанию», артиллерийским офицером на броненосцах береговой обороны «Адмирал Сенявин» и «Генерал-Адмирал Апраксин», а также на крейсере «Рында» и Императорской яхте «Полярная Звезда». К этому времени в семье Мазуровых было уже двое детей.

В 1900 г. Российская Империя вместе с Англией, Германией

и Францией приняла участие в подавлении Боксёрского восстания в Китае (иногда называемом «восстанием ихэтуаней»). Русский флот вместе с европейскими союзниками принял участие в боевых действиях, штурмуя прибрежные крепости и высаживая десанты. Лейтенант Мазуров застал последние месяцы войны: в январе 1901 г. он получил назначение на эскадру Тихого океана, убыл к новому месту службы 8 февраля, на крейсер «Адмирал Нахимов», куда Мазуров был назначен старшим артиллерийским офицером, он прибыл 8 апреля. К этому времени основные боевые действия на море закончились, и возможности отличиться Георгию Николаевичу не представилось. Тем не менее, как и все моряки русской эскадры, он был награждён специально учреждённой медалью «В память военных событий в Китае». В результате военных действий к России отошёл город Порт-Артур, ранее отбитый у Китая японцами, и русские стали активно осваивать его. Именно в Порт-Артуре всю зиму 1901-1902 гг. находился крейсер «Адмирал Нахимов», на котором служил Георгий Николаевич.

В июне 1902 г., в связи с ухудшившимся состоянием здоровья Г.Н. Мазурову был разрешён двухмесячный отпуск для лечения на водах в Японии, что было вполне обычным делом для русских морских офицеров того времени. После отпуска лейтенант Мазуров вернулся в Петербург и был назначен старшим артиллеристом на знакомый ему старенький крейсер «Рында».

 К началу русско-японской войны броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», на котором не так давно служил Г.Н. Мазуров, вернулся с Дальнего Востока в Кронштадт. Несмотря на то, что корабль считался уже устаревшим (17 лет в строю), его включили в состав формируемой 2-й Тихоокеанской эскадры, которая должна была прийти на помощь 1-й эскадре в блокированном японцами Порт-Артуре. Г.Н. Мазуров посчитал своим долгом принять участие в походе на хорошо знакомом крейсере с командой из Гвардейского экипажа. Так как должности младшего и старшего артиллерийского офицеров на «Нахимове» были заняты, 37-летний офицер согласился на должность вахтенного начальника, что более пристало юному мичману. После ввода в строй спешно достроенных новых броненосцев типа «Бородино», а также старых броненосцев береговой обороны 2-я эскадра в октябре 1904 г. вышла из Ливавы в свой последний поход; во 2-м броненосном отряде шёл «Адмирал Нахимов», так и не успевший пройти модернизацию. Всё петербургское общество, все газеты открыто предска-

вали кораблям эскадры скорую гибель, в обиход вошло противное словечко «самотопы». Нетрудно представить себе состояние Надежды Сергеевны Мазуровой, остающейся с четырьмя малолетними детьми (в семье Мазуровых родились ещё 2 дочери) на руках.

Во время своего беспримерного семимесячного похода вокруг Африки на Дальний Восток корабли эскадры несколько раз заходили в иностранные порты, где получали почту из России. В начале 1905 г. офицеров эскадры потрясла новость о капитуляции Порт-Артура и гибели находящихся там кораблей. Мрачные предчувствия, охватившие Георгия Николаевича, не могли развеять даже радостные, казалось бы, для него известия: 6 декабря 1904 г. за многолетние заграничные походы он был «Всемилооствейше пожалован» орденом Святой Анны 3-й степени (ранее, в 1897 г., он был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени), 17 апреля 1905 г. был произведён в капитаны 2-го ранга.

14 – 15 мая 1905 г. у острова Цусима произошло сражение русского и японского флотов. В первый день сражения «Адмирал Нахимов», следуя в кильватере броненосца «Наварин», получил около 30 попаданий японских снарядов. Большинство надстроек крейсера были разрушены, через пробоину в носовой части захлёстывали волны. На крейсере был убит 21 матрос и ранено около 50. «Нахимову» могло достаться гораздо больше, если бы японские крейсера не были заняты обстрелом головных броненосцев русского 2-го отряда. Говорить же о нанесении «Нахимовым» какого-либо урона противнику не приходится, так как состязаться с новейшими орудиями японцев старые пушки русского крейсера не могли. Избежав гибели в бою 14 мая, повреждённый «Адмирал Нахимов» был обнаружен японскими крейсерами утром следующего дня. Командир крейсера капитан 1-го ранга А.А. Родионов принял решение затопить свой корабль, а команде приказал «спасаться по способности». Г.Н. Мазуров был вскоре поднят из воды японским вспомогательным крейсером «Саду-мару» и на полгода оказался в плену.

После заключения Портсмутского мирного договора 1 ноября 1905 г. Г.Н. Мазуров был освобождён из плена и во главе эшелона из 2500 нижних чинов прибыл 5 ноября во Владивосток на пароходе «Владимир». Сопровождая освобождённых матросов в европейскую часть страны, он 5 декабря того же года прибыл в Петербург и явился в 3-й флотский экипаж, куда был переведён из Гвардейского.

Радость встречи с семьёй на время заслонила тяжёлые воспоминания, однако окружающая действительность была нерадостной. В связи с гибелью почти всего русского флота во время войны для освобождённых из плена офицеров просто не было достаточного количества должностей. Капитан 2-го ранга Г.Н. Мазуров вынужден был согласиться с временным назначением на берег: 20 января 1906 г. он был назначен председателем суда 1-й флотской дивизии, а 14 февраля того же года преподавателем класса комендоров в Кронштадте. В апреле Георгию Николаевичу удалось получить назначение на должность старшего офицера старого крейсера «Память Азова», фактически ставшего учебным судном.

То, что политика, от которой офицеры обычно дистанцировались, всё больше оказывает влияние на жизнь страны, её армии и флота, Г.Н. Мазуров почувствовал ещё по возвращении из плена, в охваченном революционным брожением Владивостоке. Позже, в матросском эшелоне по дороге в столицу, он тщетно пытался утихомирить взбудораженных известиями о первой русской революции подчинённых. Но он и в страшном сне не мог представить, что его, счастливо избежавшего смерти от японских снарядов, попытаются убить свои, русские матросы.

Между тем подпольные социал-демократические и эсеровские организации готовили на Балтийском флоте восстание, которое должно было начаться в июле 1906 г. Хотя и без должной координации, восстание всё-таки началось 19 июля в Кронштадте и гельсингфорской крепости Свеаборг. На крейсере «Память Азова», стоявшем в бухте Папонвик близ Ревеля и где существовала законспирированная организация РСДРП восстание вспыхнуло в тот же день. В 4-м часу ночи на верхней палубе раздались первые выстрелы. Убив вахтенного начальника мичмана М.И. Зборовского, матросы ранили старшего офицера Г.Н. Мазурова двумя пулями в грудь³. Командир крейсера капитан 1-го ранга А.Г. Лозинский был ранен в грудь штыками, старший штурман лейтенант В.А. Захаров застрелен, вахтенный офицер лейтенант А.С. Македонский был убит уже за бортом крейсера, когда он, спасаясь, прыгнул в воду. В своей каюте напильником был убит старший механик С.П. Максимов, в кают-компани – старший судовой врач Е.К. Соколовский. Нескольким офицерам удалось спуститься в стоявший под кормой баркас, взяв с собой тяжело раненого командира и поплыть к берегу. Восставшие матросы стали преследовать беглецов на паровом катере, открыв огонь из 37-мм

пушки. В результате обстрела в баркасе был убит раненный командир крейсера Лозинский, а мичман А.П. Погожев был смертельно ранен – ему оторвало ноги. Кроме того, было ранено ещё пять офицеров. Преследователи выпустили по баркасу больше 20 снарядов, и вряд ли кто-либо из офицеров добрался бы до берега живым, если бы матросский катер не сел на мель.

На крейсере же оставалось трое офицеров, среди них тяжело раненный Г.Н. Мазуров. Революционер-агитатор Арсений Коптюх призывал добровольцев, чтобы добить офицеров, но матросы колебались. Тогда этот вопрос был вынесен на голосование, и большинство мятежников высказалось за сохранение жизни офицерам⁴.

Мятеж на «Памяти Азова» был быстро подавлен, 95 человек из числа восставших были отданы под суд. Больше месяца провёл Г.Н. Мазуров на лечении. В аттестациях на самого Георгия Николаевича начальники всегда отмечали его выдержанность и спокойствие, он ни разу не поднял руку на матроса, никогда не занимался мелочными придирками. Как он мог теперь доверять подчинённым, ежеминутно ожидая удара в спину?

После выписки из госпиталя Г.Н. Мазуров был назначен на новый крейсер «Паллада» старшим офицером. После всего пережитого Георгий Николаевич всё больше тяготел к более спокойной службе на берегу и в конце концов добился своего. 1 августа 1908 г. он был назначен исполняющим должность помощника командира 2-го Балтийского флотского экипажа (БФЭ) по хозяйственной части. В экипаже, располагавшемся в Петербурге в Крюковых казармах, рядом с островом Новая Голландия, проходили обучение матросы-новобранцы. Служба шла спокойно и размеренно. Г.Н. Мазуров постоянно назначался членом комиссий по отбору на флот призывников, на него возложили обязанности заведующего музеем при храме памяти моряков, погибших в войне с Японией (храм «Спас-на-водах»). В ноябре 1911 г. он официально был зачислен в береговой состав флота. 29 марта 1912 г. состоялось его производство в капитаны 1-го ранга с утверждением в занимаемой им должности⁵. Не обошли его и наградами: так, после опубликования выводов комиссии по расследованию обстоятельств Цусимского боя Георгий Николаевич удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (08.01.1907 г.), за выслугу лет – орденами Святого Станислава 2-й степени (13.08. 1907 г.) и Святой Анны 2-й степени (18.04. 1910 г.). Несколько раз по результатам проводимых Императором смотров

экипажа Г.Н. Мазуров удостоивался «монаршего благоволения», объявляемых в приказах по флоту. Кроме того, и в без того большой семье Мазуровых снова случилось прибавление – в марте 1909 г. родился сын Георгий, в августе 1910 г. сын Константин. Три сына и три дочери! Старший из сыновей, Николай, решил пойти по стопам отца и учился в Морском корпусе. Вроде бы всё благополучно, но какой-то злой рок продолжал преследовать Георгия Николаевича. Увлёкшись, как и многие в то время, зарождающейся авиацией, капитан 1-го ранга Мазуров, будучи в отпуске, 2 июня 1912 г. решил в качестве пассажира совершить полёт на выписанном из Франции аэроплане «Фарман». Однако при посадке пилот «Фармана» поручик Гартман не справился с управлением, и от сильного удара о землю Мазурова выбросило из кабины. Отделавшись сломанной ключицей и ушибами, Георгий Николаевич зарёкся подниматься в небо.

В преддверии Первой мировой войны, на Пасху 1914 года, Г.Н. Мазуров был пожалован орденом Святого Владимира 3-й степени. Быть может, он вскоре вышел бы в отставку, если бы не начавшаяся война. Уже в сентябре 1914 г. из состава 1-го и 2-го БФЭ были сформированы два отдельных батальона для отправки на сухопутный фронт. Командовать батальоном 2-го БФЭ был назначен капитан 1-го ранга Г.Н. Мазуров. Первым эшелонам, вместе с 1-й ротой батальона он убыл 27 сентября в Вильно, а уже 1 октября был в крепости Ивангород в Польше⁶. О своей деятельности на новом месте Георгий Николаевич писал адмиралу А.И. Русину: «Оказалось, что наши пушки необходимы, они могут снимать не только пулемёты, но и прожекторы, дальность лучей которых меньше дальности орудий. Если их сделать (то есть орудия) подвижными, то можно принести несомненную пользу. К установке на колёса я уже приступил, поставил себе условием не портить тумбы, чтобы после войны их можно было бы поставить обратно. Опыт вполне удался, проверенный несколькими выстрелами, скорострельность не теряется, так как установка с колёсами вкатывается в окоп. Пока выработаны и испытаны две системы, приступаем к испытанию третьей. Главное затруднение, что нет материала, то есть колёс, крепких осей и оборудования мастерской. Думаю, что всё-таки всё удастся, колёса отбиваем от австрийских призов, от зарядных ящиков и от тележек для подвозки патронов, но и этого маловато, всё приходится доставать и искать. Комендант особенно доволен, что у него будут меткие подвижные пушки. Сейчас в окопах у меня стоит 20 пушек, и это стоило не-

малых трудов, так как в окопы дорог нет. При пушке на колёсах она легко передвигается людьми из окопа в окоп ночью. Остановки так же в том, что при наших силах я могу ставить не больше одной пушки в два-три дня, вот наше горе. Двигаться на большие расстояния, очевидно, мы можем только по железной дороге и от крайней станции к месту назначения вёрст 60 – 80 без неё. Имея пушки на колёсах, надо было их передвигать, лошадей достать невозможно, страшно дорого, упряжь почти невозможно приобрести ни за какие суммы. Комендант очень одобрил мысль запрячь волов, упряжи у них почти нет, обычное дело в этом крае, овса не надо, и кроме того, если долго придётся осаждать, то волю гораздо лучше на вкус самой породистой, дорогой лошади. Мысль так пришлась, что мне приказано спешно готовить упряжку, и, может быть, и осадная тяжёлая артиллерия поедет на них же⁷». Любопытна запись Г.Н. Мазурова о первых увиденных им пленных австрийцах: «Надо отдать справедливость: их физиономии, не исключая офицеров, отвратительны, противно смотреть на них»⁸.

Участие морских частей из состава 2-го Балтийского флотского экипажа в боях в Польше и Белоруссии заслуживают отдельного исследования. Можно отметить, что в марте 1915 г. батальона каперанга Мазурова был развёрнут в Морской полк особого назначения, в июле 1916 г. – в Отдельную морскую бригаду особого назначения со штабом в Орше. Моряки взрывали мосты на реках, пытались задержать наступающего врага, обороняли предместные укрепления, огнём орудий, снятых с кораблей, поддерживали действия пехоты. 19 января 1915 г. Г.Н. Мазуров «за отличия в делах против неприятеля» был произведён в генерал-майоры флота, вскоре удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени с мечами «за отличную организацию, под огнём противника, противостурмовой обороны передовых позиций при помощи установки в окопах морских пушек, чем была оказана действенная помощь крепости и полкам 1-й гвардейской дивизии»⁹. Орден Святого Станислава 1-й степени с мечами генерал Мазуров был удостоен «за подготовку к взрыву виадуков, мостов через Буг и Мухавец и руководство самими взрывами под тяжёлым артиллерийским огнём неприятеля»¹⁰. В очередном представлении к награде (мечи к ордену Св. Анны 2-й ст.) комендант крепости Ивангород генерал-майор Шванк писал: «Ходатайствую о награждении мечами к ордену Св. Анны 2-й степени за организацию минных заграждений и взрывов мостов, а также за отличное управле-

ние артиллерийскими частями полка в боях под крепостью Ивангород»¹¹. В представлении к ордену Святой Анны 1-й ст. с мечами, описывая его заслуги в кампанию 1916 г., начальники отмечали: «Флота генерал-майор Мазуров, командуя Отдельной Морской бригадой особого назначения, разнообразные части которой действуют на передовых позициях всех армий Западного фронта, в то же время лично принимал участие в организации обороны больших болотистых и речных пространств в районе верховий реки Припяти. Сформировав при широком содействии Морского Ведомства, речную флотилию из вооружённых катеров, генерал Мазуров организовал разведывательную и сторожевую службу в труднодоступных местах Полесья. Много раз лично объезжал передовые части и отряды флотилии, постоянно бывая под бомбами с неприятельских аэропланов, а часто и под артиллерийским огнём и подвергался несомненно опасности. Генерал Мазуров личным своим примером, а также энергичными действиями сумел поставить дело водной обороны на должную высоту и оказывать частям нашей армии большие услуги. В июле сего года генерал Мазуров, во время одного из своих объездов передовых позиций, дабы установить на болотистом берегу 8-см орудия остался на передовой заставе Гороховаха с караулом Морской роты и с 10-го по 26-е июля находился под огнём тяжёлой и лёгкой артиллерии, а по временам и пулёмётным»¹². Личная храбрость, организаторские способности флотского генерала были отмечены в Высочайшем приказе по Морскому ведомству за № 1578 от 12 мая 1916 г., в котором ему была объявлена благодарность «за организацию обороны р. Припяти». Так морской офицер Г.Н. Мазуров нашёл себя в ратных делах на сухопутном фронте.

К июню 1917 г., когда фронт приближался к Пскову, генерал-майору Мазурову была поручена оборона участка Чудского озера. С этой целью он был назначен начальником речных флотилий Действующей армии, и в его подчинение, помимо Чудской озёрной, вошли также Рижская речная и Сатакундская флотилия, а также флотилия речных катеров.

Георгий Николаевич с удвоенной энергией принялся за новое дело, тем более, что германцы продолжали наступление в Лифляндии, приближаясь к Пскову. Однако после Февральской революции дисциплина в русской армии начала стремительно падать, фронт разваливался, начались «братания» с противником, а последовавшая вскоре Октябрьская революция довершила общий развал. Новое правительство страны решило выйти из войны. Ста-

рая армия подлежала роспуску, все чины и звания отменялись. Г.Н. Мазуров фактически остался не у дел, так как все морские части на сухопутном фронте подлежали расформированию. В Главном управлении по делам личного состава флота была создана специальная комиссия для ликвидации дел речных флотилий и Отдельной морской бригады. Г.Н. Мазуров был назначен членом Ликвидкома¹³ и вернулся в Петроград. Служба в этом органе давала возможность хоть как-то существовать, ведь иных средств семья Мазуровых не имела. Старший сын Николай, бывший к моменту крушения империи мичманом и служивший на линкоре «Севастополь», сам перебивался на голодном пайке и вряд ли мог помочь.

Вскоре после объявления большевиками политики «красного террора», 5 августа 1918 г. Г.Н. Мазуров был арестован на своей квартире Петроградской ЧК и вначале заключён в Петропавловскую крепость. Его флотские товарищи и сослуживцы тщательно, под различными благовидными предложениями несколько раз запрашивали ЧК о судьбе Георгия Николаевича. Лишь в начале ноября 1918 г. заведующему юридическим отделом Петроградского военного порта Сокольскому совершенно случайно «и лишь по наведённой лично на днях справке о причине столь продолжительного молчания в канцелярии той же Комиссии удалось узнать, что Мазуров расстрелян, однако установить, где именно это произошло и где последнее время содержался под стражей Мазуров, точно всё-таки установить не удалось. По предположению лица, дававшего справку, арестованный содержался в Кронштадте».¹⁴ Но, по некоторым сведениям, Георгий Николаевич Мазуров не был расстрелян в Кронштадте, а погиб 31 августа 1918 г. при более трагических обстоятельствах. Очевидец так описал это: «...на противоположном берегу Невы, у ближайшего к Николаевскому мосту спуска была поставлена большая деревянная баржа и в неё в течение нескольких дней грузили арестованных офицеров. Аресты их совершались на их квартирах; это были и флотские и армейские офицеры и генералы – и их, по-видимому, постепенно свозили на эту баржу. В числе попавших на эту баржу был и генерал-майор флота Г.Н. Мазуров – отец моего довольно близкого товарища по выпуску. Делалось всё это очень незаметно, но мы об этом знали. (...) В результате эту баржу через несколько дней повели в Кронштадт, но туда она не дошла, а просто исчезла. Не может быть сомнения, что её со всеми арестованными людьми потопили в Маркизовой луже. Тогда говорили, что аресты офице-

ров были вызваны и были ответом на убийство Володарского и Урицкого. Совершенно нелогично и непонятно, почему ответили за эти убийства офицеры. (...) В общем, этот поступок был кошмарным и жестоким. Он не мог свершиться без вельможи Дзержинского (...)»¹⁵. Так оборвалась жизнь Г.Н. Мазурова.

Но на этом испытания для семьи Мазуровых не закончились. Весной 1921 г., когда кронштадтские матросы восстали против Советской власти, в их рядах оказался и старший сын Г.Н. Мазурова – Николай, служивший на линкоре «Севастополь» старшим артиллеристом. После подавления мятежа он был арестован и расстрелян по приговору революционного трибунала, разделив судьбу своего отца.

Примечания

¹ РГАВМФ, Ф. 432. Оп. 5. Д. 6816. Л. 2.

² РГАВМФ, Ф. 406. Оп. 10. Д. 130-«М». Л. 4.

³ Мелькумов Р.М. Полуброненосный фрегат «Память Азова». СПб. 2003. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ РГАВМФ, Ф. 406. Оп. 10. Д. 130-«М». Л. 9.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ РГАВМФ, Ф. 418. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ РГАВМФ, Ф. 417. Оп. 5. Д. 4225. Л. 4.

¹⁰ РГАВМФ, Ф. 417. Оп. 5. Д. 4226. Л. 14.

¹¹ РГАВМФ, Ф. 417. Оп. 5. Д. 4227. Л. 3.

¹² РГАВМФ, Ф. 417. Оп. 5. Д. 4228. Л. 8.

¹³ РГАВМФ, Ф. р-5. Оп. 1. Д. 79. Л. 51.

¹⁴ РГАВМФ, Ф. р-5. Оп. 1. Д. 140. Л. 115.

¹⁵ Белобров А.П. Воспоминания военного моряка. 1894-1979». М.–СПб, 2008. С. 290.

А.Ю. Емелин

К истории Георгиевской думы и думы Георгиевского оружия флота Балтийского моря 1914 – 1917 гг.

К началу XX века орден Святого Георгия являлся самой почётной и самой желанной наградой для офицеров Российской империи. Не случайно и в наши дни к истории ордена и биографиям его кавалеров существует повышенный интерес. Подтверждением тому служат выходящие справочники¹ и отдельные статьи, а также многочисленные сайты (в т.ч. посвящённый как офицерам так и нижним чинам интернет-проект «Георгиевские кавалеры Великой войны»², созданный Федеральным архивным агентством).

1913-й год ознаменовался важным событием в истории ордена Святого Георгия – был утверждён новый статут ордена. В нём, в частности, подтверждалось: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием». Далее перечислялись различные варианты подвигов, за которые мог быть пожалован орден. В частности, в параграфах 73 – 115 формулировалось за что могут получить данные награды офицеры флота. Некоторые пункты были новыми, отражавшими новую реальность войны на море. Например, вводились награды для командиров подводных лодок, начальников партий траления, а также за уничтожение подводных лодок противника.

В соответствии с этим статутом ранее существовавшее Золотое оружие с надписью «За храбрость» причислялось к ордену Святого Георгия и получало наименование Георгиевского оружия. 21 января 1914 г. император повелел лицам, ранее награждённым

Золотым оружием, помещать на эфесе уменьшенный крест ордена Святого Георгия, как и на Георгиевском оружии. Внешний вид Георгиевского оружия был утверждён 24 февраля 1914 г.³

В случае начала войны на каждом действующем флоте приказами командующего флотом создавались две думы: Георгиевская и Дума Георгиевского оружия. В их состав отбирались кавалеры указанных наград, желательно пользующиеся наибольшим авторитетом. Численность дум не была регламентирована и в самом начале Первой мировой войны частично зависела от количества уже имевшихся кавалеров. Так, в состав первой Думы Георгиевского оружия на Балтике включили 12 человек, а на Чёрном море – 7 (но по мере появления новых кавалеров состав думы на Чёрном море был увеличен).

Представление о награждении отличившегося составлялось его непосредственным начальством, далее поступало в штаб флота, докладывалось командующему флотом и по его распоряжению передавалось на рассмотрение в соответствующую думу – в зависимости от того, к какой награде был представлен офицер. Если дума принимала решение о соответствии описанного в представлении подвига одной из статей статута, то принималось соответствующее постановление, заверявшееся подписями членов думы. На этом основании командующий флотом издавал приказ о награждении офицера. Через некоторое время награждение утверждалось императором, и о нём сообщалось в высочайшем приказе.

Естественно, дума могла или отклонить представление о награждении, найдя подвиг не соответствующим статьям статута, или запросить дополнительные документы об обстоятельствах подвига.

На первый взгляд всё очень просто: есть статут, есть герои, есть ходатайствующие за них начальники, есть представление о том, что «за Богом молитва, а за царём служба не пропадёт» – значит, будут и награды. В действительности не обошлось без трудностей и шероховатостей.

Итак, начинается Первая мировая война. Как же на практике осуществлялось награждение отличившихся морских офицеров, каковы были «механизмы» принятия решений?

Первыми на флотах были созданы Думы Георгиевского оружия. На Чёрном море – приказом командующего флотом № 891 от 14 ноября 1914 года. На Балтике – приказом командующего флотом № 372 от 17 ноября 1914 г.

Георгиевская дума на Балтике была создана приказом № 436 от 13 декабря 1914 г., а на Чёрном море – лишь 4 января 1916 г. В чём причина столь удивительной на первый взгляд разницы?

Дело в том, что большинство кавалеров, которые могли бы войти в состав дум, получили свои награды за Русско-японскую войну. А это были преимущественно «балтийцы». На Чёрном море оказалось достаточно кавалеров Золотого оружия, но было слишком мало кавалеров ордена Святого Георгия.

Первым моряком удостоенным ордена Святого Георгия 4 степени стал черноморец – лейтенант Александр Рогуский, подорвавший 16 октября 1914 г. у Севастополя в виду неприятельского крейсера «Гебен» заградитель «Прут» и «смертью запечатлевший» свой подвиг. Наградной лист на лейтенанта был представлен Николаю II непосредственно морским министром И.К. Григоровичем 4 ноября 1914 г.⁴, тем же днём датируется приказ о награждении.

Георгиевского оружия первыми удостоились тоже черноморцы – 27 ноября Дума Георгиевского оружия Черноморского флота рассмотрела вопрос о награждении начальника Минной бригады капитана 1 ранга М.П. Саблина «за смелые действия на путях сообщения неприятеля с явной для себя опасностью», и старшего офицера линейного корабля «Евстафий» капитана 2 ранга Георгия Викторовича Фуса «за отличное мужество и самоотверженную деятельность, проявленную 5 ноября 1914 года в бою с крейсером-дредноутом «Гебен» и приняла положительное решение. Приказ командующего Черноморским флотом адмирала А.А. Эбергарда об их награждении вышел 3 декабря 1914 г.

На Балтийском флоте награждения начались с Георгиевского оружия. 23 ноября 1914 г. командующий Балтийским флотом направил в Георгиевскую думу представление о награждении Георгиевским оружием следующих лиц: начальника штаба командующего флотом контр-адмирала Л.Б. Кербера, а также шести капитанов 2 ранга: начальника 3-го дивизиона эскадренных миноносцев (бывшего командира эсминца «Сибирский стрелок») Г.О. Гадда, командиров эсминцев: «Новик» – П.П. Палецкого, «Генерал Кондратенко» – К.В. Шевелёва, «Охотник» – П.В. Гельмерсена, «Пограничник» – В.И. Руднева⁵, и заградителя «Амур» – А.А. Ружека⁶. После принятия Георгиевской думой положительного решения 4 декабря о награждении было объявлено приказом командующего флотом с весьма обтекаемой формулировкой: «в воздаяние за доблесть, проявленную при выполнении опе-

рации большого боевого значения в исключительно тяжёлых условиях». 24 декабря 1914 г. награждения Георгиевским оружием первых черноморцев и балтийцев были подтверждены высочайшим приказом.

В течение 1915 г. на Чёрном море орденами Святого Георгия были награждены два офицера – подводник старший лейтенант В.В. Вилькен и лётчик лейтенант В.В. Утгоф. Так как Георгиевской думы, которая должна была рассматривать представления на награждение этим орденом, на Чёрном море за недостатком кавалеров не существовало, командованию пришлось искать иные пути. Поэтому награждение Утгофа проводилось непосредственно высочайшим указом, данным Капитулу орденов. Иное дело с Вилькеным – вопрос о его подвиге рассматривала в Петербурге Кавалерская дума Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия под председательством старейшего в русской армии генерала от инфантерии Х.Х. Роопа⁷. Для награждения легендарного начальника дивизиона эсминцев капитана 1 ранга князя Владимира Трубецкого понадобилось телеграфное обращение командующего флотом адмирала Андрея Августовича Эбергарда в Ставку с просьбой доложить его ходатайство императору⁸. Начальник отряда пароходов особого назначения и командир парохода «Олег» капитан 2 ранга С.В. Евдокимов, совершивший свой подвиг в ночь на 11 декабря 1914 г. (тогда «Олег», следовавший для заграждения неприятельского порта, был с кинжальной дистанции обстрелян противником, но несмотря на серьёзные повреждения дошёл до места назначения) был награждён лишь в мае 1916 г.

И лишь 4 января 1916 г. после производства нескольких офицеров личным решением императора и перевода на Черноморский флот нескольких кавалеров была сформирована на Чёрном море Георгиевская дума.

Вернёмся, однако, на Балтику. Первоначальные составы балтийских дум на момент выхода приказов представлены в таблице.

Таблица 1. Первоначальные составы Георгиевской думы и Думы Георгиевского оружия. Ноябрь 1914 г.

Первый состав Георгиевской думы Балтийского флота		Первый состав Думы Георгиевского оружия Балтийского флота	
контр-адмирал капитаны 1 ранга	А.И. Непенин В.В. Шельтинга 1-й Е.И. Криницкий 1-й М.К. Бахирев В.К. Пилкин 1-й барон В.Е. Гревениц С.В. Зарубаев Н.Л. Подгурский П.П. Владиславлев	капитаны 1 ранга капитаны 2 ранга	М.К. Бахирев А.И. Бестужев-Рюмин В.Д. Тырков 1-й А.В. Колчак 1-й Н.Л. Подгурский П.М. Плен П.В. Волков 2-й А.К. Петров 3-й П.Ю. Постельников
капитан 2 ранга	С.Н. Дмитриев 5-й	старший лейтенант	А.К. Пилкин 2-й
инженер-механик капитан 1 ранга	Я.С. Солдатов	инженер-механик капитан 2 ранга	М.Н. Грановский
инженер-механик капитаны 2 ранга	П.А. Федоров 1-й С.С. Спиридонов	инженер-механик старший лейтенант	А.К. Тон

Обратим внимание – первоначально в Георгиевской думе старшим по званию был Адриан Иванович Непенин, но председателем стал Михаил Коронатович Бахирев, ранее других получивший орден (за отличие при штурме фортов Таку (Дагу) 4 (17) июня 1900 г., во время подавления восстания ихэтуаней в Китае). Бахирев, имевший за оборону Порт-Артура Золотое оружие, председателем становился и в думе Георгиевского оружия.

Сравним результаты негласного «соревнования» между флотами.

Таблица 2. Количество офицеров, удостоенных орденов Св. Георгия 4 ст. и Георгиевского оружия на Балтийском и Черноморском флотах в 1914 – 1917 гг.⁹

	Балтийский флот		Черноморский флот	
	Орден Св. Георгия 4 ст.	Георгиевское оружие	Орден Св. Георгия 4 ст.	Георгиевское оружие
1914 г.	0	7	1	2
1915 г.	6	30	2	12
1916 г.	7	27	6	52
1917 г.	0	7	8	17
Итого:	13	74	17	83
Удостоено обеих наград	6		5	

Как видим, Черноморский флот соревнование за награды выиграл. Чем это объяснить? Конечно, разным характером боевых действий и различными климатическими особенностями театров. Говоря о войне на Чёрном море, мы вспоминаем многочисленные лихие набеги эсминцев на транспортные коммуникации противника, высадки небольших десантов, участие миноносцев в поддержке армии на Кавказском побережье. На Балтике война была более позиционной, дозорно-минно-тральной, к тому же практически замиравшей на зимний период.

В целом следует заметить, что и на Балтике, и на Чёрном море довольно большой процент из награждённых составляли командиры – в первую очередь эсминцев и подводных лодок. Первым георгиевским кавалером среди отечественных подводников стал балтиец Василий Александрович Меркушов.

Необходимо отметить, что в приказах о награждениях формулировки с описанием совершённых подвигов указывались очень обтекаемые: например: «за подвиги мужества и храбрости, связанные с выполнением или содействием к выполнению опасных операций, имеющих большое боевое значение» (приказ командующего флотом Балтийского моря № 146 от 26 февраля 1916 г.). К тому же зачастую одним приказом награждалось сразу несколько офицеров за разные отличия. В то же время, когда информацию не считали секретной, формулировки могли быть более точными. Очень часто при описании подвига не указывалась дата его совершения, а лишь обстоятельства.

В конце 1915 г. из высочайших приказов исчезают формулировки с описанием подвигов, сводясь к лапидарным «за отличие в боях против неприятеля». Исключение – погибший лётчик-наблюдатель лейтенант В.С. Наркович, формулировка взята из приказа командующего VIII армией. В приказе о награждении капитана 2 ранга П.Н. Черкасова кратко сказано: «за героическую защиту Рижского залива в бою 6-го августа 1915 года с сильнейшим неприятелем, при чём смертью запечатлел свой подвиг», хотя о подробностях гибели в неравном бою канонерской лодки «Сивуч» и её командира много писали в прессе.

Бывали и другие случаи, когда подвиг описывался подробно. В качестве примера укажем на посмертное награждение капитана 1 ранга Константина Викторовича Прохорова (высочайший приказ от 10 августа 1915 г.):

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР Всемиловейше соизволил утвердить пожалование командующим флотом Балтийского моря,

согласно удостоению местной Георгиевской Кавалерской Думы, орд. Св. Георгия 4-й степ., нижеследующим лицам:

Погибшему командиру заградителя «Енисей», капитану 1-го ранга Константину Прохорову, за то, что 22-го мая 1915 года, когда заградитель «Енисей» был взорван неприятельской подводной лодкой, он явил пример героического исполнения долга: когда после взрыва выяснилось, что спасти корабль невозможно, то капитан 1-го ранга Прохоров, являя собой пример мужества, самоотвержения и неустрашимости, умелым распоряжением достиг того, что при катастрофе не только не было паники, но даже малейшего замешательства. Имея полную возможность спастись, доблестный командир предпочел разделить участь своего корабля и, оставаясь на мостике, продолжал до конца ободрять и руководить своей командой; вместе со своим кораблем он пошел ко дну, при криках «ура» спасшейся команды. Своей героической гибелью командир «Енисея» дал пример, достойный подражания и увековечения».

Интересно, что «черноморцы» в постановлении о награждении записывали относительно развёрнутую и конкретную формулировку подвига, прилагая к ней ещё один документ – «редакцию писания подвига для объявления в высочайшем приказе», из которой уже все детали были изъяты¹⁰.

Заседания дум в 1915 г. нередко происходили на борту крейсера «Рюрик», на котором М.К. Бахирев держал свой флаг как начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского моря. Конечно, они проходили не регулярно, а по мере поступления представлений и при возможности собрать членов. Полный состав, особенно во время кампании, собрать не представлялось возможным. Так, например, 14 и 15 июля 1915 г. Дума Георгиевского оружия на «Рюрике» рассмотрела и приняла положительные решения о награждении капитанов 2 ранга Р.К. Вальронда, Н.Н. Азарьева, лейтенантов Н.Н. Ильинского, А.Н. фон Эссена и Г.А. Алексева¹¹.

Документы балтийских дум частично сохранились в фонде штаба командующего флотом Балтийского моря (Ф. 479). Среди них есть интересный сводный перечень, в котором указаны все представления, внесённые в обе Думы в 1916 г.¹²

Таблица 3. Статистика рассмотрений представлений о награждениях в Георгиевских думах Балтийского флота в 1916 г.

Балтийский флот, 1916 г.			
	Орден Святого Георгия 4 степени	Георгиевское оружие	Всего
Представлено к награде	11	56	67
Удостоено награды	3	22	25
Удостоено (в процентах)	27,3 %	39,3 %	37,3 %

Как видим, из 67 представлений было удовлетворено только 25.

Вот текст стандартного «Постановления Думы Георгиевского оружия» об отказе в награждении (написано от руки лично М.К. Бахиревым):

«В заседании своём 21 сентября 1916 г. Дума Георгиевского оружия рассмотрела представления о награждении: капитана 2 р[анга] барона Майделя, старш[его] лейт[енанта] Дурова, лейт[енанта] Бок[а], капитана 2 ранга Сипайло, капитана 2 р[анга] Третьякова и подпоручика Бернгард[а], препровождённые при отношениях начальника штаба Команд[ующего] Фл[отом] В[алтийского] М[оря], первых трех от 15 марта с.г. за № 147/4, и вторых – от 27 июля с. г. за № 553/4, и, свидетельствуя доблестное поведение капит[ана] 2 р[анга] бар[она] Майделя, ст[аршего] лейт[енанта] Дурова, лейт[енанта] Бок[а], капит[ана] 2 р[анга] Сипайло, капит[ана] 2 р[анга] Третьякова и поручика Бернгард, нашла, что они ни к какому из примеров Георгиевского статута не подходят.

Председатель |контр-адмирал Бахирев|

Члены |подписи|»¹³.

Упомянем хотя бы некоторых из тех, кто не был удостоен высоких наград.

Капитан 2 ранга Лев Николаевич Сахновский в начале войны командовал эсминцем «Летучий». 29 ноября 1914 г. корабль в составе дивизиона с грузом мин на борту совершал в штормовую погоду переход через Финский залив. Сперва при не до конца выясненных обстоятельствах погиб «Исполнительный» – были свидетели, которые уверяли, что видели взрыв. «Летучему» удалось подобрать 7 человек из числа погибавших. Вскоре после продолжения движения в сторону Моонзунда «Летучий» дважды изменил курс, а затем стремительно зарылся в волну и исчез. Спасён-

ных не было. Некоторые очевидцы видели рядом с ушедшим в пучину кораблём появление, а затем исчезновение тёмного корпуса, принятого за немецкую подводную лодку. Родилась версия о том, подводная лодка потопила «Исполнительный», затем заняла новую позицию для атаки, но была замечена с «Летучего», пошедшего на нее в атаку. В тяжёлых условиях шторма таранный удар по противнику неминуемо должен был привести к опрокидыванию небольшого перегруженного корабля. В связи с этим было составлено представление о посмертном награждении Л.Н. Сахновского орденом Святого Георгия. Дума запросила все свидетельства очевидцев, а затем отклонила представление до выяснения вопроса о том была ли там немецкая лодка.¹⁴ Сейчас мы знаем – не было.

В первые недели войны еще не имевшие достаточного опыта тральные силы понесли потери. 14 августа 1914 г. на mine погиб тральщик «Взрыв», а с ним – начальник 3-го отделения 1-й морской партии траления Балтийского моря лейтенант Валериан Ильич Князев. Начальник 1-й морской партии траления капитан 1 ранга П.П. Киткин представил его к ордену Святого Георгия. 9 сентября 1914 г. вместе с подорвавшимся на mine тральщиком № 8 погиб его командир лейтенант Борис Алексеевич Мантьев. Начальник 2-й морской партии траления капитан 2 ранга С.В. Ковалевский в наградном листе указал, что погибший офицер «проявил выдающееся мужество, жертвовал своей жизнью, способствовал спасению большого числа команды, запечатлев свой подвиг смертью» и предложил наградить его орденом Святого Георгия 4 ст.¹⁵ Георгиевская дума, рассмотрев 18 марта 1915 г. предписания штаба командующего флотом, постановила просить штаб затребовать от начальников сведения, «требуемые статьей 17 отдела III Георгиевского статута, ибо в имеемых представлениях, заключающихся лишь в наградных листах, не имеется ясного и обстоятельного описания самого подвига, ни со стороны представляющих начальников, ни со стороны очевидцев, как равно не приложено других данных, требуемых той же статьей Георгиевского статута»¹⁶.

Командир линейного корабля «Гангут», а затем преемник А.В. Колчака на посту начальника Минной дивизии Михаил Александрович Кедров в 1916 г. дважды получил «отказ», и лишь третье представление о награждении его Георгиевским оружием было удовлетворено Думой¹⁷.

Интересная ситуация сложилась вокруг награждения орде-

ном Святого Георгия 4 степени. капитана 1 ранга А.В. Колчака. Многие авторы указывают, что орден ему был пожалован за десант у Домеснеса, другие – за обстрелы немецких позиций под Ригой. Контр-адмирал С.Н. Тимирёв в воспоминаниях писал: «В конце концов, за целый ряд подвигов, которые трудно было подвести под какие-либо статуты, Колчак по Высочайшему повелению, помимо Георгиевской Думы, был награжден орденом Св. Георгия; очевидно, трудно было найти офицера, более достойного этой награды»¹⁸.

В приказе о награждении Колчака никакой конкретный подвиг не указан. В указе Капитулу говорится: «За выдающуюся боевую деятельность капитана I-го ранга Александра Колчака I-го в течение настоящей войны, выразившуюся в разработке планов боевых операций, выполненных Флотом Балтийского моря, а также за выказанные подвиги мужества и храбрости при действиях Флота в Балтийском море и у берегов Германии и в Рижском заливе, Всемилоостивейше пожаловали Мы его кавалером Императорского Военного ордена Нашего Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени; вследствие чего повелеваем капитулу выдать сему кавалеру орденские знаки и грамоту на оные»¹⁹.

Итак, согласно документу, награда дана как бы «по совокупности» заслуг. Именно поэтому она и не проводилась через Георгиевскую думу, члены которой всегда очень строго следили за соответствием совершенных подвигов и имеющихся в Георгиевском статуте статей. Хорошие личные отношения М.К. Бахирева и А.В. Колчака, равно как и популярность последнего, не оказали бы на Бахирева и членов думы никакого влияния. Скорее всего, инициатива награждения исходила либо от самого императора, либо от моряков – министра И.К. Григоровича или командующего флотом В.А. Канина²⁰.

Полагаю, что давно назрела необходимость издания биографического справочника моряков – георгиевских кавалеров Первой мировой войны. Надеюсь, что это намерение в ближайшем будущем будет осуществлено.

Примечания

¹ Например: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. М.: Русский Мир, 2004; Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой ми-

ровой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М.: РОССПЭН, 2006; Клепов М. Офицеры – георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог. М.: Минувшее, 2015, и др.

² <http://cavalier.rusarchives.ru>

³ Приказ № 77 от 28 февраля 1914 г. // Указатель правительственных распоряжений по морскому ведомству. 1914. С. 186 – 188.

⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4451. Л. 2.

⁵ Эсминцы «Сибирский стрелок», «Пограничник», «Генерал Кондратенко» и «Охотник» составляли Полудивизион особого назначения, поставивший 350 мин заграждения у берегов противника во время операций: 18 октября, 23 октября, 7 ноября. На заграждении, поставленном 23 октября западнее Мемеля, 4 (17) ноября 1914 г. погиб броненосный крейсер «Фридрих Карл».

⁶ За постановку заградителем «Амур» 240 мин северо-западнее банки Штольпе 6 ноября 1914 г.

⁷ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4609. Л. 18 – 18 об.

⁸ Там же. Л. 22 – 23.

⁹ Таблица составлена на основании сведений, собранных исследователем А.Н. Денисовым (Москва).

¹⁰ Например: РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3823. Л. 6 – 7, 10 – 11.

¹¹ Подлинные постановления см.: РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3763. Л. 4, 8, 11, 14, 17.

¹² РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 929. Л. 1 – 1 об.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 928. Л. 2 – 13.

¹⁵ Там же. Л. 35 об.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же. Д. 929. Л. 1 – 1 об.

¹⁸ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 33.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4095. Л. 2

²⁰ Подробнее см.: Емелин А.Ю. Загадочный крест: о награждении А.В. Колчака орденом Св. Георгия 4 ст. // КОРТИК. Флот. История. Люди. 2008. № 7. С. 67 – 70.

Именной указатель

- Автухов В.П. **9**
Азарьев Н.Н. **141**
Александр III **28, 47, 48**
Александров Н.Н. **108**
Алексеев Г.А. **141**
Альтфатер В.М. **8, 62**
Антонов В.Г. **53**
Аргат Ф. **93**
Бартенев **107**
Бахирев М.К. **9, 10, 28, 54, 63, 139, 141, 142, 144**
Белли В.А. **11, 35, 121, 124**
Белобров А.П. **11, 134**
Беркхайм' фон Э. **30**
Бестужев-Рюмин А.И. **139**
Бильвайс И.Я. **96**
Бородин[С.И.] **75**
Брустман В. **93**
Бубнов А.Д. **67, 68**
Вавилов А. **93, 94**
Ваксмут А.П. **56**
Вальронд Р.К. **58, 59, 141**
Вейс А.К. **54**
Вейтко Н.И. **117**
Вейтко П.-Ц.К. **113, 119**
Вердеревская А.И. **113**
Вердеревская Е.В. **113**
Вердеревский В.Н. **120**
Вердеревский Г.Г. **118, 119**
Вердеревский Д.Н. **120 – 124**
Вердеревский Р.Н. **123, 124**
Веселкин М.М. **69, 73**
Вилькен В.В. **138**
Винтер В. **10**
Вирен Н.Р. **13, 36**
Владиславлев П.П. **139**
Власьев С.Н. **80, 84, 86, 88, 90, 91**
Волков 2-й П.В. **139**
Вяземский С.С. **53**
Гадд Г.О. **137**
Гельмерсен П.В. **10**
Герасимов А.М. **99 – 101; 104, 108, 109, 111**
Гестеско **106**
Гладкий С.В. **13**
Гладков Т. **113**
Голицын Д.П., князь **112**
Головнина А.Д. **114**
Головнин Богдан **112**
Головнин В.Г. **113**
Головнин В.М. **113**
Головнин Г.К. **112**
Головнин Д.В. **114**
Головнин Д.Я. **112**
Головнин С.Д. **114**
Головнин С.С. (Сенин Т.Ф.) **114 – 116**
Головнин Т. **112**
Головнин Ф.Н. **112**
«Головня» Никита **113**
Грановский М.Н. **139**
Гревениц В.Е., барон **139**
Григорович И.К. **8**
Гучков А.И. **83**
Данилов Н.А. **10**
Дараган Д.И. **17 – 18**
Дворжицкий Ю.К. **13**
Дмитриев 5-й С.Н. **139**
Дудоров Б.П. **100, 108 – 109; 111**
Евдокимов С.В. **138**
Ильинский Н.Н. **141**
Заев А.Н. **13**
Зарин А.С. **71**
Зарубаев С.В. **139**
Зуев А. Ю. **88, 96 – 97**
Канин В.А. **63 – 65; 144**
Карф' фон И. **28**
Квашнин-Самарин Е.Н. **9 – 10**
Кедров М. **84**
Кербер Л.Б. **137**
Керенский А.Ф. **122**
Кешинян К. **80**
Кибер Э.Э. **96**
Китицын М.А. **13**
Кладо Н.Л. **8**
Кнорр' фон В. **29**
Ковалевский В.В. **53**
Колларо И.Н. **79 – 80**
Колпаков А. **93**
Коновалов А.И. **93**
Колчак А.В. **8, 16, 29, 83 – 84; 96, 139**
Корнилов Л.Г. **122**
Краев В. **107**
Криницкий 1-й Е.И. **139**
Кропоткин И.А. **114**
Крыжановский Н.Н. **13**
Кржижановский **106**
Кубе'фон М.О. **15**
Курилёнок **82**
Ларионов Л.В. **65, 68**
Лебедев[В.И.] **73**
Левговд Р.Р. **10**
Лемишевский П.В. **10, 36**
Лесков **109**
Ливен А.А. **78 – 79**
Лукин В.К. **85**
Лютынский В.В. **95**
Магнус С.Р. **30**
Марков Н.М. **93**
Медведев В.И. **16, 71, 73**
Меркушев В.А. **58**
Меркушов В.А. **140**
Мессер И.В. **59**
Муджири М.С. **93, 95, 98**
Муравьев П.П. **96**
Ненюков Д.В. **16**
Непенин А.И. **4, 28, 139; 99 – 111**
Николай II **114**
Николай Николаевич, великий князь **30, 40**
Никанов И.В. **82**
Новиков Н.В. **114**
Новицкий П.И. **39 – 40; 44**
Паттон Н.И. **9**
Паттон-Фантон-де-Веррайон П.И. **46**
Паригентаньян М.П. **90**
Петров 3-й А.К. **139**
Пилкин 1-й В.К. **139**
Пилкин 2-й А.К. **139**
Плен П.М. **139**
Плищенко П.И. **96**

Погуляев С.С. *42, 47*
 Подгурский Н.Л. *139*
 Половцов П.А. *122*
 Попов В.В. *96*
 Постельников П.Ю. *139*
 Прохоров К.В. *140 – 141*
 Путятин Н.С. *39, 41, 82, 89*
 Развозов А.В. *9*
 Ренгартен И.И. *9*
 Римский-Корсаков В.П. *9*
 Рогуский А. *137*
 Рождественская Н.П. *14*
 Рорбах П. *32*
 Руденский Д.П. *54*
 Руднев В.И. *52, 137*
 Ружек А.А. *18, 51*
 Русин А.И. *8, 83*
 Рыбалтовский А.А. *108*
 Саблин М.П. *45, 47*
 Салахмиров Г.И. *118 – 119*
 Самончук Ф.Е. *56*
 Свинын А.Ю. *70 – 71*
 Семенов И.П. *70 – 71*
 Серебренников Г.С. *102*
 Славский Г.М. *95*
 Смольянинова Е.К. *113–114; 119*
 Смольянинов-второй В.Н. *124*
 Смольянинов К.Н. *114*
 Солдатов Я.С. *139*
 Спиридонов С.С. *139*
 Стогов П.Е. *13*
 Стопчинский М. *93*
 Тимирёв С.Н. *144 – 145*
 Токарев С. *95*
 Тон А.К. *139*
 Трубецкой В., князь *138*
 Тырков 1-й В.Д. *139*
 Тыртов Д.Д. *56*
 Тягин[А.Е.] *73*
 Хабенихт Р. *31*
 Хоматьяно Г.Г. *16*
 Черкасов П.Н. *56*
 Чернушевич А.М. *13*
 Утгоф В.В. *138*
 Фабрицкий С.С. *73*
 Фан-дер-Флит К.П. *30*
 Федоров 1-й П.А. *139*
 Филимонов Трифон (Трофим) *93*
 Фус Г.В. *137*
 Шабров А. *113*
 Шаховский В.Н. *82*
 Шведе Е.Е. *9*
 Шевелёв К.В. *137*
 Шельтинга 1-й В.В. *139*
 Шидловский Б.Ф. *7*
 Штильберг П.Г. *75*
 Эбергард А.А. *81, 137*
 Эссен' фон А.Н. *141*
 Эссен Н.О. *8 – 9; 12, 22, 30, 52, 61, 100, 103, 120*
 Юрьев В.Г. (Энгельман) *16*
 Яблонский Е.К. *92; 96 – 97*
 Яненко М.Н. *13*
 Янушкевич Н.Н. *83*

Сведения об авторах сборника 8-х Елагинских чтений

Виноградов Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального Музея Вооружённых сил Российской Федерации Министерства Обороны (г. Санкт-Петербург); sergei101000@mail.ru

Головнин Пётр Андреевич – директор ООО «Ассоциация «Русско-японский центр по науке и культуре» (г. Санкт-Петербург); peter-15g@mail.ru

Гуров Сергей Александрович – корреспондент газеты ДКБФ «Страж Балтики»; профессор Калининградского регионального отделения Академии военно-исторических наук (КРО АВИН) (г. Калининград); tat80841237@yandex.ru

Емелин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учёта документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); dirk-kortic@ya.ru

Зотова Олеся Александровна – заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); zotova-olesya@mail.ru

Козлов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, капитан 1 ранга (г. Москва); kozloff_d@mail.ru

Кондакова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, главный специалист отдела информационного обеспечения и на-

учных публикаций Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург)

Мажара Пётр Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); pmazhara@mail.ru

Малевинская Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); male-marina@yandex.ru

Саберов Фёдор Константинович – преподаватель Михайловской военной артиллерийской академии (г. Санкт-Петербург); tehnoptor@rambler.ru

Тетеря Леонид Николаевич – капитан 3 ранга в отставке (г. Балтийск); lteterya@gmail.com.

Федечкин Алексей Дмитриевич – соискатель степени кандидата исторических наук при Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете (г. Москва); rurik63@yandex.ru

Фотуньяц Владимир Николаевич – начальник отдела Военно-Медицинской Академии им. С.М. Кирова, капитан 2 ранга в отставке (г. Санкт-Петербург); for-de-wind@yandex.ru

Циплёнкин Вадим Петрович – ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); funeralwinds@mail.ru

Содержание

<i>В. Г. Смирнов.</i> Предисловие научного редактора	3
<i>М. Е. Малевинская.</i> Вклад РГАВМФ в изучение вопросов истории Первой мировой войны	6
<i>П. Ю. Мажара.</i> Новые материалы по истории Первой мировой войны в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского императорского флота в Америке	13
<i>Д. Ю. Козлов.</i> Российский флот в Первой мировой войне: задачи, формы применения, достигнутые результаты	21
<i>С. Е. Виноградов.</i> Организация линейных сил флота Чёрного моря в Первой мировой войне	38
<i>С. А. Гуров.</i> Надводные корабли и подводные лодки Балтийского флота, отличившиеся в Первой мировой войне	51
<i>А. Д. Федечкин.</i> Участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях 1914 – 1915 гг.	61
<i>В. П. Циплёнкин.</i> Участие морских сил России в боевых действиях на Нижнем Дунае в 1916 – 1917 гг.	69
<i>О. Н. Кондакова.</i> Обустройство портов восточной части Чёрного моря и деятельность Трапезундского порта в 1916 – 1917 гг.	78
<i>О. А. Зотова.</i> К 100-летию гибели линейного корабля «Императрица Мария»: события 7 (20) октября 1916 г. на Севастопольском рейде в рапортах врачей, оказывавших первую медицинскую помощь пострадавшим при взрыве	92
<i>В. Н. Фотуньяц.</i> Морская крепость Императора Петра Великого в биографии А.И. Непенина	99
<i>П. А. Головнин.</i> Дворяне Головнины и Вердеревские в Первой мировой войне	112
<i>Ф. К. Саберов, Л. Т. Тетеря.</i> Трагическая судьба флотского офицера. Штрихи к портрету генерал-майора Г.Н.Мазурова	125
<i>А. Ю. Емелин.</i> К истории Георгиевской думы и думы Георгиевского оружия флота Балтийского моря 1914–1917 гг.	135
Именной указатель	146
Сведения об авторах	149

На обложке:

Стр. 1. Здание архива на Миллионной улице в Санкт-Петербурге.

Стр. 4. Здание архива на Серебристом бульваре в Санкт-Петербурге.

Елагинские чтения
Выпуск 8

Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

Составители М. Е. Малевинская, Ю. Т. Вартамян
Научный редактор доктор исторических наук В.Г. Смирнов
Верстка Н. Н. Давлатовой
Иллюстрации из собраний авторов

Подписан в печать ?? .10.2016 г.

Формат 60x90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 10,5 печ. л.

Тираж 200 экз. Заказ № 1315.

Отпечатано в ОАО «Центральная картографическая фабрика
Военно-Морского Флота».

191167, г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 23